

Балтийский экономический журнал №1(53) март 2026 г. 16+

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-87656 от 09.07.2024 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-3364. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Редакционная коллегия:

Главный редактор: докт. техн. наук, профессор А. М. Карлов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Заместитель главного редактора: докт. экон. наук, профессор Л. И. Сергеев, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Члены редакционной коллегии:

- докт. экон. наук, профессор Н. Г. Багаутдинова, Институт управления, экономики и финансов Казанского федерального университета;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Бильчак, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Л. И. Геращенко, Санкт-Петербургский государственный университет им. М. А. Бонч-Буревича;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Губенко, Санкт-Петербургский государственный технический университет гражданской авиации;
- канд. экон. наук, доцент Е. С. Енина, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Н. В. Живенок, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор С. В. Зенченко, Северо-Кавказский федеральный университет;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Иванов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, доцент К. В. Колончин, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- канд. экон. наук, доцент В. И. Кузин, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук С. А. Левков, Камчатский государственный технический университет;
- докт. экон. наук, профессор И. А. Максимцев, Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
- докт. экон. наук, профессор А. Г. Мнацаканян, Калининградский государственный технический университет;
- докт. экон. наук, профессор С. Е. Прокофьев, Финансовый университет при Правительстве РФ;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Осипов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
- канд. экон. наук, доцент М. Ю. Плюхин, Западный филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

- докт. экон. наук, профессор Т. Е. Степанова, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор А. С. Труба, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- докт. экон. наук, профессор В. Г. Шубаева, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Журнал реферируется в ВИНТИ РАН. Статьи рецензируются. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Перепечатка материалов, опубликованных в "Балтийском экономическом журнале", допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции журнала: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1

Тел. (4012) 69-01-01

Адрес в Интернете: <http://www.klgtu.ru> E-mail: anatolij.karlov@klgtu.ru

Адрес издателя журнала: 236022, г. Калининград, Советский пр., 1

ОТ РЕДАКЦИИ УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Балтийский экономический журнал (БЭЖ) издается с 2009 года. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-87656 от 9 июля 2024 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-336. Учредитель и издатель журнала – ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет". Журнал включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science.

В Балтийский экономический журнал принимаются для публикации научные статьи по научным специальностям 5.2.1 Экономическая теория, 5.2.2 Математические, статистические и инструментальные методы в экономике, 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика, 5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика, 5.2.6 Менеджмент и 5.2.7 Государственное и муниципальное управление. 27.05.24 г. Балтийский экономический журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки) и 5.2.4. Финансы (экономические науки). Журнал находится в открытом доступе, т. е. весь контент доступен пользователям бесплатно. С научными работами, опубликованными в "Балтийском экономическом журнале", можно ознакомиться на сайте Калининградского государственного технического университета – <http://www.klgtu.ru>. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

С 2017 года журнал выходит 4 раза в год: в марте, июне, сентябре и декабре. Сроки подачи материалов: 10 февраля, 10 мая, 10 августа, 10 ноября. Требования к оформлению рукописей научных статей приведены на с. 161. Редакционная коллегия заинтересована в повышении научного уровня представляемых к публикации материалов, расширении спектра публикуемых научных работ по научным направлениям и по региональной принадлежности авторов. Приглашаем активно работающих ученых, аспирантов, докторантов к сотрудничеству и представлению результатов проводимых научных исследований в "Балтийском экономическом журнале".

Авторы могут получить авторские экземпляры журнала по электронной почте или по подписке. Подписной индекс журнала 00711 в каталоге Калининградской области ООО "Пресса-подписка" областные и центральные издания – журналы и газеты". Подписаться на "Балтийский экономический журнал" можно по адресам электронной почты:

podpiska@pressa.gazinter.net
zakaz@pressa.gazinter.net
marketing@pressa.gazinter.net

С уважением

**Главный редактор журнала
доктор техн. наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации
А. М. Карлов**

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л., Шендерюк-Жидков А. В., Василькова Д. Б. Цифровые платформы в зеркале политэкономического анализа	6
--	---

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Кузин В. И., Харин А. Г. Метод оценки уровня обеспеченности населения регионов РФ продукцией рыбного хозяйства в контексте устойчивой продовольственной безопасности	28
Мосейко В. В. Россия на рынке услуг ЕАЭС	45
Чеплинские И. Р. Территориальные и продуктовые особенности производства потребительских товаров на Северо-Западе России	56
Шабалина Е. И. Особенности развития механизмов регулирования особых, свободных и специальных экономических зон в условиях цифровой трансформации	70
Харин А. Г. Исследование факторов, определяющих личное потребление рыбопродуктов в российских регионах	83
Огий О. Г. Ремонт рыбопромысловых судов: кадровый потенциал и новые технологии	101

ФИНАНСЫ

Акматалиева А. С. Трансформация монетарной политики Банка России в условиях структурных изменений	113
Василькова Д. Б., Войтюк В. Н., Томкович А. В. Управление капитальными затратами и финансовыми рисками инвестиционных проектов в реальном секторе экономики	125
Беклемешева Е. В., Ахмедова Д. А. Региональные аспекты управления рисками проектного финансирования	141
Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"	161

CONTENT

ECONOMIC THEORY

Sergeev L. I., Sergeev D. L., Shenderyuk-Zhidkov A. V., Vasilkova D. B. Digital platforms in the mirror of political economy analysis	6
--	---

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Kuzin Vladimir I., Kharin A. G. Method for assessing the level of provision of fishery products in the population of the Russian's regions in the context of sustainable food security	28
Moseiko V. V. Russia in the EAEU Services Market	45
Cheplinskite I. R. Territorial and product features of the production of consumer goods in the North-West of Russia	56
Shabalina E. I. Features of the development of regulation mechanisms for special, free and special-purpose economic zones in the context of digital transformation	70
Kharin A. G. A study of factors affecting per capita consumption of fish products in Russian regions	83
Ogiy O. G. Fishing vessel repair: human resources and new technologies	101

FINANCE

Akmatalieva A. S. Transformation of the Bank of Russia's Monetary Policy in the Context of Structural Changes	113
Vasilkova D B., Voytyuk V N., Tomkovich A. V. Management of capital expenditures and financial risks of investment projects in the real sector of the economy	125
Beklemesheva E. V., Akhmedova D. A. Regional aspects of project finance risk management	141
Requirements for the preparation of articles in the Baltic Economic Journal	161

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 6-27.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 6-27.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Научная статья

УДК 336.532.3:63

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-6-27

Цифровые платформы в зеркале политэкономического анализа

Леонид Иванович Сергеев¹

Дмитрий Леонидович Сергеев²

Александр Владимирович Шендерюк-Жидков³

Данута Брониславовна Василькова⁴

¹ ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

² Западный филиал РАНХиГС, Калининград, Россия

³ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия

⁴ Калининградский филиал Российского университета кооперации, Калининград, Россия

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² sergeevd@mail.ru

³ av@sh-zh.ru

⁴ danyta@bk.ru

Аннотация. Обобщаются основные статистические количественные показатели развития цифровых технологий в различных отраслях страны. Рассматриваются научные публикации по цифровой трансформации экономики. Подчеркивается недостаточность политэкономического подхода к исследованию сути и содержания цифровой экономики. Раскрывается содержание использования труда в воспроизводственной деятельности как цифровых орудий труда. Предложена дифференциация числовых баз данных как предмета живого труда в платформенной экономике. Рассмотрены характеристики ключевых формы трансформации предмета труда в цифровой экономике по: масштабам и сетевым эффектам воспроизводства; формам предмета труда; скорости воспроизводства в предметной области; природе происхождения предметов труда; характеру источника происхождения предметов труда; исчерпаемости ресурсов; размыванию границ труда и капитала; проблемам собственности; новым формам организации в понятие эксплуатации; расширению границы товарного производства и социальной жизни; процессам монополизации

© Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л., Шендерюк-Жидков А. В., Василькова Д. Б., 2026.

сырьевой базы в платформизации; расширению границы товарного производства и социальной жизни. Сделан вывод - предмет труда в цифровой экономике - это данные производственной и социальной жизни людей, переведенные в цифровую форму, что фундаментально меняет отношения воспроизводства, собственности и эксплуатации.

Ключевые слова: Показатели цифровой экономики, общественное воспроизводство, предметы труда, цифровая экономика, платформизация, политэкономика.

Для цитирования: Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л., Шендерюк-Жидков А. В., Василькова Д. Б. Цифровые платформы в зеркале политэкономического анализа // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 6-27. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-6-27>

ECONOMIC THEORY

Original article

Digital platforms in the mirror of political economy analysis

Leonid I. Sergeev¹

Dmitrij L. Sergeev²

Alexander V. Shenderyuk-Zhidkov³

Danuta B. Vasilkova⁴

¹ INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

² The Western branch of the RANEPa, Kaliningrad, Russia

³ Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia

⁴ Kaliningrad branch of the Russian University of Cooperation, Kaliningrad, Russia

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² sergeevd@mail.ru

³ av@sh-zh.ru

⁴ kaliningrad.ruc.su

Abstract. The main statistical quantitative indicators of the development of digital technologies in various sectors of the country are summarized. Scientific publications on the digital transformation of the economy are considered. The lack of a political economic approach to the study of the essence and content of the digital economy is emphasized. The content of the use of labor in reproductive activities as digital tools is disclosed. Differentiation of numerical databases as a subject of live labor in a platform economy is proposed. The characteristics of key forms of transformation of the subject of labor in the digital economy by: scale and network effects of reproduction; forms of the subject of labor; reproduction rates in the subject area; the nature of the origin of the objects of labor; the nature of the source of the objects of labor; resource exhaustion; erosion of the boundaries of labor and capital; property issues; new forms of organization into the concept of operation; expanding the border of commodity production and social life; processes of monopolization of the raw material base in platformization; expanding the border of commodity production and social life. The conclusion is made - the subject of labor in the digital economy is the data of the production and social life of people translated into digital form, which fundamentally changes the relationship of reproduction, property and exploitation.

Keywords: Indicators of the digital economy, public reproduction, subjects of labor, digital economy, platformization, political economy.

For citation: L. I. Sergeev, D. L. Sergeev, A. V. Shenderyuk-Zhidkov, D. B. Vasilkova. Digital platforms in the mirror of political economy analysis // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):6-27 (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-6-27>

Цель исследования заключается в обобщении ряда положений трансформации содержания предмета труда с политэкономических позиций в платформенной экономике.

В России активно развиваются все направления использования цифровых платформ, которые охватывают различные сферы жизнедеятельности, включая государственные услуги, бизнес, образование и здравоохранение. Это осуществляется в соответствии со следующими документами¹. Оценка результативности темпов развития информационных систем и программно-цифровых продуктов осуществляется на базе расчета "цифровой зрелости" отраслей экономики, государственного управления и социальной сферы. Кроме того, развитие цифровизации – это рост массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий, а также уровень доступного и качественного контента в условиях развития информационного пространства. В таблице 1 представлена динамика данных показателей за 2020-2024 годы (на конец года).

Таблица 1 – Динамика некоторых показателей цифровизации в стране за 2020-2024 годы

Table 1 – Dynamics of some indicators of digitalization in the country for 2020-2024

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Уровень "цифровой зрелости"	38,1	54,3	65,8	74,73	81,42
Доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде	10,8	59,69	99,97	99,99	99,98
Увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий по сравнению с показателем 2019 года	107	137	157,4	209,2	306,44
Уровень доступного и качественного контента в условиях развития информационного пространства			113,4	138,8	132

По материалам ЕМИСС Росстата https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reestr_EMITSS_16-07-2024.xls (дата обращения 17.08.2025).

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество". Постановление от 17 декабря 2024 г. № 1805 О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации.

Уровень цифровой зрелости определяется в соответствии с методическими рекомендациями Минцифры России¹. Оценка цифровой зрелости – это многоуровневое исследование в организации, министерстве и ведомстве, регионе страны, что позволяет оценить потенциал роста, выявить зоны развития и разработать индивидуальную стратегию цифровой трансформации. Данный уровень показывает степень глубины использования программно-цифровых комплексов в работе отраслей и ведомств. Как показывает анализ, уровень цифровой зрелости за 2020-2024 годы увеличился в 2,14 раза, что говорит о существенном увеличении использования программно-сетевых продуктов, цифровых платформ и качественного контента в деятельности отраслей народного хозяйства и жизни граждан.

Увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий по сравнению с показателем 2019 года по отношению к 2024 году составило более, чем в 3 раза. В сфере экономики и бизнеса также наблюдается количественный рост показателей цифровизации. Вклад цифровой экономики в ВВП России составляет около 3-4 %, с планами увеличения до 5-6 % к 2025 году. Рынок интернет-торговли в РФ в 2024 г. вырос на 41 % почти до 9 трлн. руб., с ежегодным ростом около 20 %. В системе цифровизации бизнеса следует отметить, что более 60 % крупных компаний внедрили цифровые технологии в свою деятельность для оптимизации многочисленных процессов производства и обращения товаров и услуг.

Определенные направления цифровых преобразований осуществляются в области разработки и использования искусственного интеллекта (ИИ). Реализуется национальная стратегия ИИ², принятая в 2019 году. **Российский рынок ИИ** демонстрирует высокую динамику роста. По прогнозам, в 2025 году объём рынка ИИ в России составит \$2,1 млрд., что на 45 % больше, чем в 2024 году. Аналитики ожидают, что к 2030 году показатель может вырасти до 778 млрд. рублей³. Проводятся значительные научно-прикладные исследования и разработки: В России действуют более 200 компаний, занимающихся разработками в области ИИ. Лидерами по уровню цифровизации являются г. Москва, г. Санкт-Петербург, Татарстан и Московская область.

Значительного продвижения достиг уровень доступного и качественного контента в условиях развития информационного пространства. До 2030 года

¹ Приказ Минцифры России от 28.12.2024 N 1210 "Об утверждении методики расчета показателя "Достижение "цифровой зрелости" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта" государственной программы Российской Федерации "Информационное общество".

² Указ Президента России Владимира Путина 10 октября 2019 года №490. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

³ <https://companies.rbc.ru/news/247rlzqocb/ryinok-ii-v-rossii-2025-21-mlrd-i-rost-45-v-god/>

планировалось обеспечить возможность получения доступного и качественного контента на уровне 100 %. По итогам 2023 года значение показателя достигло 138,8 % при плановом значении 100 %¹. Доступность контента достигается за счёт широкого охвата мировой аудитории вещанием и информационными сообщениями российских средств массовой информации и информационных агентств. Качество контента определяется такими обязательными признаками, как актуальность, грамотность, оптимальность, достоверность, информативность и уникальность.

Вместе с тем, успешному развитию цифровых технологий препятствуют определенные **вызовы**, которые включают: цифровое неравенство (в сельских и удалённых регионах доступ к интернету и цифровым услугам остаётся ограниченным); нехватка кадров (ощущается дефицит специалистов в области IT и цифровых технологий); импортозависимость (в условиях санкций Россия сталкивается с трудностями в использовании зарубежных технологий и оборудования). Но технологическое лидерство требует принимать меры по решению возникающих проблем в области цифровизации экономического развития страны.

Технологическое лидерство как важнейшее направление развития экономики страны должно иметь научно-обоснованное обобщение сущности и содержания природы цифровой экономики. Это является объективной необходимостью грамотного установления направлений и форм цифровизации общества. Параметры целеполагания должны соответствовать объективным возможностям достижения их назначений. Но при этом глубина познания всех процессов должна иметь научно-обоснованную платформу экономического обоснования принимаемых решений, которые зиждятся на требованиях объективных экономических законов. Утвержденная Концепция технологического развития РФ на период до 2030 года [1] опирается на такую экономическую платформу, которая требует постоянного как теоретического, так и прикладного развития, что должно базироваться на проведении соответствующих научных исследований.

Все исследования отечественных и зарубежных ученых по проблемам цифровой экономики посвящены в основном рассмотрению технологических вопросов использования информационно – коммуникационных технологий в организации и управлении производства. Значительно меньше публикаций посвящены исследованию теоретических положений экономического содержания феномена цифровизации. Исследование самой сущности экономики в условиях действия и использования цифровых платформ пока не получило однозначного теоретического раскрытия как специфического элемента содержания воспроизводственных отношений в обществе.

¹ Правительство Российской Федерации. Постановление от 17 декабря 2024 г. №1805 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации".

Нами проанализированы численные значения количества упоминаний в Яндексе по запросам цифровой экономики, которые показали следующие результаты:

- экономическая наука цифровизации – 466 тыс. результатов;
- экономическое содержание сетевых платформ – 640 тыс. результатов;
- экономическая природа сетевых платформ – 598 тыс. результатов;
- теория цифровой экономики – 545 тыс. результатов;
- экономическая теория цифровизации – 178 тыс. результатов;
- политэкономию цифровизации – 19 тыс. результатов

Как показал анализ, политэкономический аспект цифровизации оказался одним из наименее запрашиваемых вопросов анализа теоретических положений цифровой экономики. Политика в области цифровой экономики, рассмотрение и изучение теоретических принципиальных стратегических положений содержания сущности и природы данной категории мало интересует интернет сообщество и, прежде всего, ученых-экономистов. На наш взгляд, данное обстоятельство требует пересмотра и активизации исследований проблем и расширения изучения политэкономической составляющей данной категории. Практически все проблемы экономики – это в первую очередь политическая составляющая любых вопросов и прежде всего отношений собственности на средства производства, а также формирования и распределения прибавочного продукта в обществе.

В статье [2] приведена систематизация научных публикаций по цифровой трансформации в зависимости от основных направлений исследований. На основании проведенного анализа выявлен рост публикаций, посвященных теме учета рисков в цифровой трансформации, за последние годы. С учетом текущих тенденций были рассмотрено влияние цифровых рисков на оценку привлекательности цифрового проекта и предложены возможные методы их учета. Обобщаются проблемы, связанные с нежелательными последствиями использования цифровых контентов в связи с возможными их негативными влияниями на воспроизводственные процессы.

Все основные статистические материалы в сфере цифровой экономики даны в работе [3], где рассмотрены практические прикладные аналитические данные по развитию цифровизации в секторах экономики страны. Статистика и представленный анализ не показывает размеров и количества научно-экспериментальных работ в области цифровой экономики и сетевой трансформации в организации управления страны. Очевидно, что статистический инструментарий также требует расширения как методической, так и прикладной базы для более полного анализа состояния дел в сфере цифровой трансформации в обществе.

Следует отметить также большое количество работ, включая [4, 5, 6, 7], в которых также рассматриваются основные положения практических прикладных вопросов использования и развития цифровых аспектов в жизни общества. Цифровая трансформация анализируется в широком спектре применения сетевых

платформ, развития цифровой инфраструктуры, способствующих повышению эффективности производства. При этом большое внимание уделяется вопросам финансирования создания цифровых продуктов в многочисленных сферах человеческой деятельности. Анализируется развитие цифровой экономики с точки зрения теории и практики. Рассматриваются в основном технологические проблемы цифровой трансформации, приводится анализ новых технологий, тренды и мировой опыт в расширении использования сетевых платформ в регулировании хозяйственной деятельности.

В работе [8] отмечается "Одна из основных проблем классической политической экономии — проблема воспроизводства — как таковая вообще исчезла из господствующего ныне "основного направления" экономической теории, оказавшись вытеснена вопросами экономического роста, стимулирующих или тормозящих его факторов, взаимосвязей экономического роста и других параметров макроэкономического функционирования (инфляции, безработицы и др.), а также (на периферии economics) — качества роста и развития". На наш взгляд, такое забвение теории политической экономии как важнейшей основополагающей части экономической науки, теории воспроизводства сдерживает грамотное прикладное развитие и использование новых технологий в производстве, распределении, обращении и потреблении общественного продукта.

Совершенно справедливо в работах [9, 10] отмечено, что политэкономия является основным ключом для решения проблем экономики XXI века. Отмечается, что применение методов политико-экономического анализа в целях проведения результативной согласованной промышленной политики в условиях цифровой экономики будет обосновывать основные стратегические направления экономического развития. Но теоретических исследований в области содержания и сущности экономики цифровой трансформации пока явно недостаточно, что требует усиления работ научной общественности в данной сфере научно — прикладных изысканий.

В работах [11, 12, 13] рассматриваются проблемы трансформации характера взаимодействия между трудом и капиталом в условиях четвертой индустриальной революции. Исследователи подчеркивают, что творческий труд является основной предпосылкой создания цифровых орудий труда и системы производственных отношений. Данная революционная особенность развития отношений между трудом и капиталом не носит, к счастью, антагонистического противоречия и разрешается путем использования технологических форм цифровизации производства, распределения, обмена и потребления товаров, работ и услуг.

Интересные мысли представлены учеными в работе [14]. Ряд предложений представляют положения информатизации в обществе как "цифровое наваждение". Отмечается, что цифровое наваждение охватило весь земной мир, включая и Россию. Сказано, что основные направления ускорения социально-экономического развития связаны с усиленным и глобальным внедрением

повсюду, в особенности в контроль и управление основанного на нейро киберцифровых технологиях так называемого искусственного разума. Данная философская мысль имеет право на существование. Это подтверждает необходимость контроля со стороны общества за процессами цифровизации.

Интересный анализ проблем цифровизации, на наш взгляд, проведен в статье [15]. Здесь обобщено влияние цифровизации мировой экономики на экономический рост в странах мира. Актуальность данного исследования заключается в изучении взаимосвязей между процессами цифровизации и ростом экономики на сегодняшний день, а также в определении эффективных стратегий для реализации цифровых проектов и инновационных подходов к использованию цифровых технологий для стимулирования экономического развития. Результаты исследования показывают положительные итоги влияния цифровизации на те страны, в которых активно проводится активная работа по внедрению цифровых технологий в систему воспроизводственных отношений.

Суть и содержание политэкономии платформизации заключается, на наш взгляд, в изучении экономики технологий как цифровые платформы трансформируют отношения производства, распределения, обмена и потребления, создавая новые формы извлечения прибавочной стоимости, организации власти и социального неравенства. Это не просто технологический сдвиг, можно говорить об изменении логики общественного воспроизводства и накопления. При этом структурный сдвиг осуществляется в системе как производительных сил, так и в системе производственных отношений. Обе политэкономические категории получают новый инструментарий обобщения, который создает и контролирует рынок (или среду взаимодействия). Данные, генерируемые пользователями, становятся ключевым "сырьем", источником прибыли и ренты.

Предметом труда в условиях цифровой экономики являются данные как категория огромнейшего количества создаваемых массивов чисел, служащих базой и своеобразным фундаментом для производства на их основе программных продуктов и соответствующих электронных платформ. При этом предмет отличается для живого и овеществленного труда. Массивы данных – это своеобразное количественное и качественное выражение состояния субъектов экономики и технологий функционирования систем и процессов производственно-хозяйственной деятельности и социальной жизни общества. Чем обширнее и многограннее база числовых данных, тем шире и разнообразнее можно строить цифровые платформы организации воспроизводственной хозяйственной деятельности и социальной жизни общества.

Предмет труда в политэкономии имеет фундаментальное категорийное понятие, на основе которого строятся последующие воспроизводственные отношения в обществе. База данных как предмет труда классифицируется по многочисленным формам и понятиям относительно целей и задач платформизации. В цифровой экономике понятие предмета труда претерпело

радикальные изменения. Если в индустриальную эпоху предметом труда были в основном материальные объекты (металл, дерево, ткань и другие материальные составляющие), которые преобразовывались в готовое изделие, то в цифровой экономике предмет труда становится нематериальным, информационным и зачастую — компетенциями и знаниями самого человека.

В цифровой экономике предмет труда – это, в первую очередь, громадные базы данных, массивы чисел производственной информации и система параметров социальных отношений. Это самый массовый и фундаментальный предмет труда в цифровой численной платформенной форме. Данные в "сыром необработанном виде" как правило в цифровой численной форме (raw data) собираются, обрабатываются, анализируются и преобразуются в ценную базовую платформенную информацию, которая имеет свойства продукта труда. Безграничный объем различных сгруппированных чисел является тем предметом труда, который преобразуется для получения конкретных цифровых платформ с целью радикального повышения эффективности технологий регулирования воспроизводственных процессов экономики и управления в обществе.

Дифференциация числовых баз данных как предмета живого труда осуществляется по следующим основным цифровым структурным блокам.

- Статистические и планово-аналитические данные воспроизводства общественного продукта, товаров и продукции отраслей в целях эффективной организации производства и управления национальной экономики. Труд экономиста зиждется на обобщении в цифровой платформенной форме громадного массива чисел и данных (по стране, регионам, отраслям, корпорациям и другим структурам) для осуществления планово-аналитической и управленческой деятельности;

- Личные данные пользователей сетевыми платформами в общественном пространстве: демография, поведение в сети, покупки, геолокация, социальные связи, личные данные и другие фиксированные многочисленные массивы показателей. Труд data-сайентиста или маркетолога направлен на их обобщение и анализ;

- Машинные данные и технические измерения сферы производства и жизнедеятельности: логисерверов (текстовых файлов, в которых хранится информация о пользователях, их взаимодействии с сервером, а также системная информация о работе сервера), показания датчиков Интернета вещей (IoT), телеметрия, видеофиксация, фото показания. Труд инженеров и специалистов – технологов направлен на их обработку для необходимого исследования и оптимизации технологических процессов в организации производства и безопасности жизнедеятельности;

- Большие данные сферы обращения продукта: показатели продаж товаров, работ и услуг, эффективности деятельности, логистики связей. Труд аналитика направлен на преобразование данных в отчеты и выработку

предложений по стратегическим решениям роста эффективности обращения создаваемого продукта.

Следует отметить такие новые для платформенной экономики предметы труда, которые ранее не поддавались такому широкому обобщению и использованию как в эпоху цифровизации. Элементы этих составляющих являются специфическими объектами – средствами информационно-компьютерных технологий (ИКТ), использование которых в цифровых формах значительно расширяют аналитические возможности общественного воспроизводства и управления. Кроме производственного использования платформы и сетевые цифровые продукты расширяют и углубляют их применение в социальной и общественной жизни населения.

Важное значение имеет использование внимания и эмоционального состояния пользователя цифровыми продуктами (Attention Economy). В экономике внимания и ожиданий предметом труда становится способность человека концентрироваться. Платформы (соцсети, медиа) своим трудом (дизайн, алгоритмы) преобразуют рассеянное внимание пользователя, участников социальных сетей в сфокусированный, монетизируемый ресурс. К примеру, лента новостей в социальной сети – это такой продукт, который создан из вашего внимания и времени. Этот сравнительно новый продукт продается владельцами контента рекламодателям, что позволяет создавать им для себя дополнительный размер прибавочной стоимости.

Новое звучание в сетевом общении получают социальные отношения и коммуникация в обществе. Платформы (как владелец – частник) используют в качестве предмета труда социальные связи и общение между людьми на платформах в социальных сетях. Эта база данных становится предметом труда для владельца платформы. Например, контент, создаваемый пользователями в Facebook, Instagram, TikTok, Max – это "сырье", которое платформа организует, модерирует и упаковывает в привлекательную для рекламодателей среду. Сама социальная сеть — это своеобразный продукт, созданный из труда пользователей по общению людей и созданию контента. Труд людей, их внимание, отраженные в социальных сетях безвозмездно становятся предметом труда цифровых платформ.

Культурные и символические продукты применяются также в новых возможных формах их проявления и использования. Предметом труда становятся идеи, образы, нарративы, бренды, произведения искусств, гипотезы. К примеру, труд геймдизайнера направлен на идею и развитие игры, превращая ее в сценарий и геймплей. Труд специалиста по маркетингу работает с виртуальным образом бренда, преобразуя его в лояльность и привлекательность для потребителей. Труд писателей, актеров, сценаристов, кинорежиссёров и других людей творческих профессий становится предметом труда цифровых платформ.

Ключевые формы трансформации предмета труда в цифровой экономике могут быть представлены и охарактеризованы в виде обобщений, помещенных в таблице 2.

Таблица 2 – Ключевые формы трансформации предмета труда в цифровой экономике

Table 2 – Key forms of transformation of the subject of labor in the digital economy

Характеристика	Индустриальная экономика	Цифровая экономика
Масштаб использования	Ограничен локальными рынками	Сетевой эффект приводит к существенному росту числа пользователей (безграничный рынок)
Форма наличия	Физическое материальное состояние	Платформенная база данных, включая оцифрованные материальные ресурсы
Скорость воспроизводства	Эволюционные технологии	Революционные платформенные технологии
Природа возникновения	Материальная, физическая	Нематериальная, информационная, символическая, виртуальная
Источник происхождения	Природа, сырье, минеральные ресурсы	Поведение и жизнь людей (цифровые следы)
Исчерпаемость ресурсов	Исчерпаемые (нефть, руда, уголь и т. д.)	Неисчерпаемые (данные можно копировать и использовать многократно)
Отчуждаемость	Предмет труда отчуждается от работника и превращается в товар	Сам работник/пользователь часто является источником предмета труда, который у него незаметно отчуждается (наши данные, внимание, социальный граф).

Разработано авторами.

Существенные изменения касаются содержания **масштаба и сетевых эффектов воспроизводства**. Цифровизация усиливает значение сетевых эффектов, которые становятся ключевым фактором успеха бизнеса и работы госкомпаний. Сетевой эффект возникает тогда, когда ценность продукта или услуги увеличивается по мере роста числа пользователей. Рост ценности в процессе использования продукта становится особым специфическим фактором воспроизводственных отношений. Например, социальные сети, такие как Facebook или Instagram, становятся более привлекательными для новых пользователей, если их друзья и знакомые уже используют эти платформы. Расширение масштаба – это фактор влияния процессов цифровизации на ускорение социально-экономического развития. Этот эффект меняет также традиционные представления о конкуренции. В цифровой экономике доминирующие компании могут быстро захватывать рынок, создавая монополии или олигополии. Данный факт ставит перед регуляторами новые задачи по обеспечению конкуренции и защите прав потребителей.

Природа трансформации предмета труда в цифровой экономике по сравнению с индустриальной экономикой характеризуется кардинальными изменениями сущностного содержания данной категории. Существенные изменения касаются физической и материальной **формы предмета труда**. В цифровой экономике предмет труда – это уже платформенная база громадного количества данных, включая оцифрованные материальные ресурсы (сырье, расходные материалы, комплектующие изделия и др.). Сетевые платформы как предметная область становятся такой значительной базой воспроизводственных отношений, которая увеличивает на много порядков возможности интенсификации и оптимизации общественного производства.

К примеру, на цифровых платформах значительно оперативнее и точнее можно планировать поставку и запасы требуемых для производства материальных ресурсов, логистику и сроки их поступлений. Учет и контроль материальных ресурсов на цифровых платформах существенно повышает точность и аналитические возможности оценки результативности использования ресурсов.

Значительные изменения характера предмета труда касаются **скорости воспроизводства** в условиях наличия цифровых технологических платформ. Платформенные технологии позволяют реализовать существенное увеличение скорости воспроизводственных процессов при преобразовании предмета труда и сокращение времени создания конечного общественного продукта в обществе. В условиях индустриальной экономики происходит эволюционное постепенное увеличение скорости воспроизводства, в условиях цифровой экономики – революционное сокращение времени производственных процессов.

Скорость воспроизводства может быть оценена через различные макроэкономические показатели. Эти показатели, базирующиеся на применении цифровых платформ и информационных технологий их формирования, включают: темпы роста ВВП; увеличение производительности труда, что характеризует объем продукции, товаров, работ и услуг, который производится в единицу времени или на одного работника; ускорение оборачиваемости капитала, что характеризует скорость, с которой капитал возвращается в производственный цикл для создания совокупного продукта общества; расширение и ускорение нормы накопления, а именно доли инвестиций в создаваемом совокупном продукте общества, которая показывает ту часть продукта, которая направляется на расширение производства.

Природа происхождения предмета труда в условиях индустриальной экономики имеет материальный физический и вещественный характер, который представляется в натуральных формах измерения. Нематериальная, информационная, символическая и виртуальная форма предмета труда является его проявлением в платформенной экономике. Здесь все материальные натуральные формы становятся цифровыми аналогами предмета труда, которые

преобразуются в технологических производственных процессах создания общественного продукта.

Искусственное, творческое нерукотворное, а умственное происхождение и создание ИКТ, цифровых платформ и цифровой инфраструктуры акцентируют внимание на необходимость, на наш взгляд, введения в научно – прикладной оборот термина "цифровой труд". Это высококвалифицированный, умственный труд, который создает цифровые продукты для интенсификации общественного развития как в производственной, так и в социальной сферах.

Характер источника происхождения предмета труда в условиях традиционной индустриальной экономики – это природа, материальное сырье, природные ископаемые, добыча природных ресурсов и другие натуральные физические составляющие. В цифровой экономике данные ресурсы кроме своей оцифровки получают платформенное продолжение в виде поведения субъектов экономики, жизни людей. Все это составляет цифровые следы, которые в широком спектре обобщают размеры и направления движение предметов труда в обществе.

Широкомасштабное распространение и проникновение в производство и общественную жизнь цифровой инфраструктуры и цифровых платформ являются новым источником происхождения предмета труда в традиционном понимании. Но этот источник имеет новое качественное отличительное содержание, так как построен в цифровом формате и имеет единую логику создания и использования платформенной базы глобальных и локальных цифровых данных.

Важной характеристикой предметов труда является их **исчерпаемость ресурсов**. Традиционная экономика характеризуется исчерпаемостью ресурсов (нефть, газ, каменный уголь, минералы и др.). Цифровые предметы труда обладают неисчерпаемостью, потому что данные можно копировать и многократно использовать в системе общественного воспроизводства. При этом значительно в лучшую сторону меняется аналитическая база воспроизводственных процессов в обществе. Цифровые платформы увеличивают на несколько порядков возможности оценки наличия, движения и структуры предметов труда в производственной и социальной жизни общества.

Цифровые предметы труда имеют возможность практически неисчерпаемого воспроизводства и масштабирования в системе производственных и общественных отношений. Цифра как укрупненное понятие платформизации не сокращается, а размножается в стране и во всем мире.

Цифровая экономика обладает специфическими **особенностями отчуждения предмета труда**. Предмет труда в индустриальной экономике в процессе воспроизводства отчуждается от работника и превращается в товар. В цифровой экономике сам работник/пользователь часто является источником предмета труда, который у него незаметно отчуждается (наши данные, внимание, отзывы, социальный граф). Таким образом, отчуждаемость результатов труда в эпоху платформенной экономики получает новые формы проявления, которые

зачастую имеют скрытую форму отчуждения. Такое скрытое проявление переноса стоимости предмета труда позволяет формировать новые формы прибавочного продукта, который присваивается владельцами сетевых платформ.

Данное проявление является своеобразной стоимостной экстерналией, которая возникает вследствие влияния на величину дохода владельца платформ, к примеру, блогеров. Такое скрытое отчуждение является проявлением новой формы перераспределения вновь созданной стоимости в обществе.

Политэкономические обобщения и результаты рассмотренных изменений приводят к трансформации некоторых фундаментальных положений воспроизводственных отношений в обществе. Происходит **стирание границ** между производительным живым трудом и досугом, бытовой жизнью людей в обществе. Поскольку предметом труда становятся наша повседневная жизнь (общение, потребление контента, интернет-покупки и др.), потребители контента, общение в социальных сетях, часто не осознавая этого, производят сырье для цифровых корпораций. Это явление сейчас можно называть "digital labour" (цифровой труд) или "труд без труда". Такое изменение содержания качественной оценки затрат (в досуговой форме) живого труда требует разработки новых механизмов расчета и оценки его стоимостных эквивалентов.

Платформенная экономика привносит сравнительно **новые формы организации в понятие эксплуатации**, которые обладают специфическими особенностями. Классическая эксплуатация заключалась в изъятии и присвоении владельцем основных средств прибавочной стоимости из стоимости рабочего времени. Сегодня эксплуатация принимает форму получения (изъятия) данных, внимания и общения – нашего "цифрового следа", который становится сырьем (предметом труда) для производства стоимости новых товаров и услуг. Выгодоприобретателем (эксплуататором) становится владелец цифровой платформы. Платформенная экономика за последние пять лет удвоила рыночную стоимость и доходы. Топ-100 крупнейших компаний этой отрасли достигли капитализации в \$20 трлн. и выручки в \$3,6 трлн., в два раза опередив по темпам роста остальной крупный бизнес и в четыре раза — рост мирового ВВП. К 2028 году они рассчитывают вырасти еще в 1,5 раза¹.

В отношении эксплуатации труда следует отметить **размывание границ труда и капитала**. Система использования трудовых ресурсов устроена так, что платформа часто не нанимает работников в традиционном понимании трудоустройства на работу (с трудовым договором, графиком работы, социальными гарантиями и другими общественными обязательствами). Например, водители Uber, курьеры Delivery Club, создатели контента на YouTube – это "независимые подрядчики". Капитал перекладывает на них риски (износ машины, простои, отсутствие заказов), но при этом сохраняет контроль над

¹ https://expert.ru/rating/arkhiv_r/ekonomikar/renking-100-krupneyshikh-mirovykh-platform/peredoviki-proizvodstva-i-potrebleniya/?ysclid=mivjwc6ztq907728008

процессом труда через соответствующие алгоритмы. Такие обстоятельства требуют особого подхода к выработке правовых мер защиты затрат живого труда в осуществлении деятельности наемных работников.

При этом алгоритмическое управление и контроль осуществляются в цифровом формате. Управление трудовым процессом делегировано алгоритмам, которые определяют рейтинги, распределяют заказы, устанавливают цены и могут "уволить" (заблокировать аккаунт) без объяснения причин. Это является основой создания новой, непрозрачной формы власти собственников капитала (цифровых платформ), которая усиливает возможности эксплуатации наемного труда.

Важным вопросом платформенной экономики является решение **проблемы собственности** – принадлежности цифрового продукта различным экономическим субъектам общества. Основная задача заключается в ответе на вопрос кто владеет предметом труда – огромными базами данных. Здесь можно рассматривать двух потенциальных собственников. С одной стороны – это пользователь, который их генерирует как базу данных. С другой стороны – это платформа и цифровая инфраструктура, которые их собирают, накапливают и обрабатывают. Это основной конфликт цифровой политической экономии в проблемах платформизации общественного развития.

Данное неантагонистическое противоречие должно разрешаться с помощью государственного регулирования выявляемых противоречивых интересов. В обществе появилась новая юридическая категория – цифровые права, которая обеспечивает защиту прав человека, бизнеса и государства. Правовые вопросы действующих подходов к решению цифровых противоречий в стране обобщаются в работах [16, 17]. Но еще разрешены не все противоречия в вопросах цифрового права и дальнейшее развитие платформенной экономики требует углубления юридической мысли для устранения возникающих противоречий.

Определенной политэкономической проблемой платформизации экономики являются **процессы монополизации сырьевой базы** (предмета труда) в условиях стремления владельцев платформ к расширению своего присутствия на цифровом рынке. Крупные tech-корпорации (Google, Meta, Amazon, Яндекс и др.) становятся прообразами гигантов прошлого. Например, предметом труда гигантов нефтяных компаний является "нефть", а предмет труда платформ – большие цифровые данные и ИКТ. Крупные tech-корпорации монополизуют доступ к этому ключевому предмету труда, так как стремятся к увеличению своего доминирующего положения на цифровом рынке для увеличения своей прибыли. В статье [18] обобщается специфика монополизации на цифровых рынках, с чем следует согласиться и принять предлагаемые пути решения проблемы сдерживания монопольного присутствия на рынке цифровых экономических субъектов в эпоху платформизации общества.

Необходимо подчеркнуть, что сетевые эффекты и контроль над данными и цифровой инфраструктурой создают огромные барьеры для входа на рынок, приводя к появлению мега-корпораций (Google, Amazon, Meta, Яндекс и др.), которые доминируют в своих нишах. Такая позиция является естественным стремлением крупного бизнеса усилить свое монопольное присутствие на рынке. Но антимонопольное законодательство должно сдерживать монополизацию на рынке цифровых услуг.

Следует отметить, что на цифровых рынках в России преобладает олигополия. Это рыночная среда, в которой на рынке присутствует небольшое количество крупных продавцов, которые контролируют большую часть рынка и имеют значительное влияние на цены и условия продажи. Например, в сфере онлайн-поиска, Яндекс и Mail.ru являются основными игроками, которые контролируют большую часть поисковых запросов пользователей. В области онлайн-торговли, такие компании, как Wildberries, Ozon и Lamoda, занимают лидирующие позиции на рынке.

Интересно отметить мысли, изложенные в работе [19], где автор вводит в оборот термины "цифровой капитализм" и "капитализм платформ". Автор утверждает, что платформы стали доминирующей бизнес-моделью в ответ на кризис прибыльности в 1970-х годах. Они являются крайней формой капитализма, ориентированного на ренту, которая приносит высокую рентабельность бизнеса.

Рассматривая ренту и прибыль, автор приводит суждение, что классический капиталист получает прибыль от производства и продажи товара. Платформа же извлекает ренту – плату за доступ к своей инфраструктуре, данным, цифровой инфраструктуре и аудитории. К примеру, комиссия с каждой поездки или заказа – это рента. Такая прибавочная стоимость имеет отличие от производства общественного продукта в традиционном понимании. Поэтому систему формирования прибавочной стоимости в условиях платформизации экономики следует трансформировать в соответствии с новыми фактами проявления сущности и содержания предмета труда (в цифровой форме) и системы производственных отношений.

На наш взгляд, такая постановка вопроса и рассмотрение сущности прибавочной стоимости в форме рентных платежей является в условиях платформенной экономики обоснованной и оправданной. Но термин "капитализм платформ", на наш взгляд выглядит несколько вызывающим, так как его справедливее заменить термином "платформенная капитализация". Такая трактовка привычнее в русскоязычной транскрипции, как например, "капитализация бизнеса".

Необходимо обратить внимание на возможность нового подхода к организации создания прибавочной стоимости в процессе невольной трудовой деятельности в условиях платформенной экономики. В этом случае пользователи, которые применяют цифровые платформы одновременно являются и потребителями, и производителями контента (данных). Отвечая лайками на

полученную информацию, комментируя события, публикуя фото или видеоролики люди создают ценность для платформы (прибавочную стоимость), но не получают за этот труд оплаты. Данное обстоятельство можно рассматривать как форму неоплачиваемого труда, дающего, тем не менее реальную прибавочную стоимость.

Например, рассматривая социальную сеть, можно назвать ее своеобразным цифровым платформенным предприятием. При этом пользователи социальной сети – это своеобразная форма использования неоплаченного (бесплатного) труда, который создает прибавочную стоимость, присваиваемую владельцами платформ. Таким образом, пользователи – это бесплатные работники, производящие данные, а алгоритмы – это конвейер, организующий этот труд (трудовую деятельность). Подобные соображения поддерживает автор статьи [20].

Платформизация экономики напрямую способствует **росту производительности живого труда** путем использования ИКТ, программных сетевых продуктов и различных приложений. В обществе появляется новой социальный класс трудовых ресурсов, состояние которого характеризуется определенной нестабильностью экономического положения, отсутствием социальных гарантий и идентичности. Предмет труда данной категории условной рабочей силы (в случае сетевых социальных связей) имеет такую разнообразную характеристику функционала, которая отражает громадные массивы различных цифровых данных в обществе. Эти данные лежат в основе проявления старых форм системы производственных отношений. Можно говорить о сдельной оплате труда, отсутствии профессиональных союзов, полной зависимости от "заказчика" (платформы). Платформенный капитал получает гибкость, а наемный работник – нестабильность социально-экономического состояния.

Платформенные условия воспроизводства и социальной жизни общества значительно **расширяют границы товарного производства и социальной жизни**. В товар превращается всё: внимание людей в сети, социальные связи, доверие (рейтинги, отзывы и др.), свободное время (поездки, доставка еды, отзывы и впечатления), новые формы обучения и образования и др. Предмет труда – это сами алгоритмы и программы для ИТ специалистов, которые расширяют предметную область своего назначения в процессе дальнейшей эксплуатации цифровых платформ и сетевых приложений. Данный предмет труда становится универсальным многоцелевым и всеохватывающим многочисленные производственные и социальные сферы жизнедеятельности общества. Он начинает играть важнейшую роль во всех воспроизводственных процессах производства и общественной жизни.

Социальные и производственные отношения в обществе опосредуются между людьми посредством сетевых платформ и приложений. Например, водитель и пассажир на Яндекс – такси зачастую общаются и представляются отношениями с платформой и её интерфейсом. Люди взаимодействуют не с человеком, а с приложением, иногда с автоответчиком или ботом.

Алгоритмизация производственных и социальных взаимоотношений дает априори возможность сокращения затрат времени общения между участниками, способствует росту оперативности обобщения проблем и выработки принимаемых решений. Подобных положений последствий платформенной трансформаций в сфере изменений экономических отношений придерживаются авторы работ [21, 22].

Как правило использование цифровых платформ не требует больших затрат, что порождает чувство их бесплатности. Но следует отметить, что условная бесплатность цифровых платформ и сервисов маскирует их реальную цену, включая экологическую составляющую. Огромное потребление энергии дата-центрами требует значительных затрат на их создание и эксплуатацию. Затраты на электроэнергию составляют в процессе эксплуатации цифровых платформ значительные величины, которые тем не менее окупаются существенными косвенными эффектами роста результативности производства и социальной жизни общества.

Таким образом, политэкономия платформизации дает мощный аналитический инструмент для понимания глубинных конфликтов и вызовов, которые порождает цифровая экономика, и ставит вопрос о необходимости новых форм регулирования, социальной защиты и, возможно, альтернативных, посткапиталистических моделей организации цифрового пространства.

Выводы

Составляющие цифровой экономики стремительно внедряются во все сферы жизнедеятельности страны. Разработка и внедрение технологических инфраструктурных сетевых и программных продуктов опережают развитие теоретических положений обоснования форм и путей обобщения как содержания, так и природы цифровой экономики. Экономическая наука требует дальнейшего углубления знаний и положений теории воспроизводства в условиях цифровизации.

Предмет труда в цифровой экономике – это большие данные производственной и социальной жизни людей, переведенные в цифровую форму, что фундаментально меняет отношения производства, собственности и эксплуатации. Осуществляется сдвиг от производства товаров к управлению рынками и извлечению ренты. Появляется эксплуатация не только оплачиваемого, но и массового неоплачиваемого труда пользователей цифровыми платформами, что приводит к усилению социального неравенства.

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. Концепция технологического развития на период до 2030 года.

2. Аренков, И. А. Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски / И. А. Аренков, Я. Ю. Салихова, А. А. Сайфутдинов // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 7. – С. 2757-2776.
3. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-2744-3 (в обл.).
4. Городнова Н. В. Развитие цифровой экономики: теория и практика / Н. В. Городнова // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 911-928. – DOI 10.18334/vines.11.3.112227.
5. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О. и др. Цифровая экономика: 2022. М.: НИУ ВШЭ. 2022. 124 с.
6. Сергеев Л. И. Цифровая экономика: учебник для вузов / Л. И. Сергеев, Д. Л. Сергеев, А. Л. Юданова ; под редакцией Л. И. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 437 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15797-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - <https://urait.ru/bcode/543648>
7. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: ООО "КомНьюс Групп", 2019. – 368 с.
8. Фернандо Ногейра Да Коста. Законы цифровой экономики. <https://ru.aterraeredonda.com.br/leis-da-economia-digital/> (дата обращения 11.03.2025).
9. Политэкономия XXI. Том II. Политэкономия – ключ к решению проблем экономики XXI века. Под ред. А. В. Бузгалина и Н. Г. Яковлевой (Библиотека журнала "Вопросы политической экономии"). М.: Центр ЛитНефтеГаз, 2023. – 540 с.
10. Фролов В. Г., Каминченко Д. И. Применение методов политико-экономического анализа в целях проведения результативной согласованной промышленной политики в условиях цифровой экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 289-300. – doi: 10.18334/errp.9.4.41417.
11. Маслов Г. А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. - 2018. - № 2. - С. 93-109.
12. Павлов М. Ю. Трансформация характера взаимодействия между трудом и капиталом в условиях четвертой индустриальной революции // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2020. - № 2. - С. 71-82.
13. Павлов А. А. Цифровизация и производительность труда // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2019. - Т. 49. - № 8. - С. 5-24.
14. Цифровизация и бытие: коллективная монография / Под ред. Ю. М. Осипова, М. И. Лугачева, Т. С. Сухиной, Т. Н. Юдиной. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. – 218 с.

15. Никулина О. В., Соболева А. С. Влияние цифровизации мировой экономики на экономический рост в странах мира (на примере первой пятерки по вкладу в мировой ВВП). Журнал: Russian journal of management. - Том 12. - № 2, 2024. <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/83247/view> (дата обращения 11.03. 2025)
16. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 427 с. – ISBN 978-5-534-18043-5. Дата обращения: 24 февраля 2025.
17. Цифровое право: учебник / Под ред. Э. Л. Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 720 с. Дата обращения: 22 декабря 2024.
18. Мельник М. Н., Бондаренко И. А., Специфика монополизации на цифровых рынках. Economy and Business: Theory and Practice, vol. 1-1 (107), 2024. С. 25-29. DOI:10.24412/2411-0450-2024-1-1-25-29.
19. Срничек, Н. Капитализм платформ [Текст] / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с. – (Экономическая теория). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-1786-4 (в пер.). – ISBN 978-5-7598-1854-0 (e-book).
20. Се Яцзин. Киберсоциальный подход к повышению эффективности труда в условиях цифровой экономики. Экономика труда. - Том 11. - № 11 Ноябрь 2024. - С. 1792-1810. ISSN 2410-1613 Russian Journal of Labor Economics.
21. Янченко, Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости / Е. В. Янченко // Экономика труда. – 2022. – Т. 9, № 5. – С. 909-930. – DOI 10.18334/et.9.5.114795
22. Подвойский Д. Г. Сборник: Большая Российская энциклопедия. Серия: БРЭ. Том: 28. Год издания: 2015. Место издания: Издательство "Большая Российская энциклопедия" Москва.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r. Concept of technological development for the period up to 2030.
2. Arenkov, I. A., Salikhova, Y. Y., Sayfutdinov, A. A. (2021). Digital transformation: research trends and digital risks. Creative Economy, 15(7), 2757-2776.
3. Digital economy: 2023: a short statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky, K. O. Vishnevsky and others; Nat. †. University "Higher School of Economics." - M.: HSE, 2023. - 120 p. - 300 copies. - ISBN 978-5-7598-2744-3 (in the region).
4. Gorodnova N. V. Development of the digital economy: theory and practice/ N. V. Gorodnova//Issues of an innovative economy. – 2021. - T. 11, NO. 3. - S. 911-928. – DOI 10.18334/vinec.11.3.112227.
5. Abdrakhmanova G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevsky K. O., et al. Digital economy: 2022. M.: HSE. 2022. 124 p.

6. Sergeev L. I. Digital Economy: a textbook for universities/L. I. Sergeev, D. L. Sergeev, A. L. Yudanov; edited by L. I. Sergeev. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Yuright Publishing House, 2024. - 437 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-15797-0. - Text: electronic/Educational platform Yurayt [site]. - <https://urait.ru/bcode/543648>

7. Prokhorov A., Konik L. Digital transformation. Analysis, trends, world experience. Second edition, revised and supplemented. - M.: ComNews Group LLC, 2019 - 368 pp.

8. Fernando Nogueira Da Costa Laws of the digital economy. <https://ru.atterraeredonda.com.br/leis-da-economia-digital> / (дата обращения 11.03.2025)

9. Political economy XXI. Volume II. Political economy is the key to solving the problems of the economy of the XXI century. Ed. A. V. Buzgalina and N. G. Yakovleva (Library of the journal "Questions of Political Economy"). M.: Center LitNefteGaz, 2023 540 p.

10. Frolov V. G., Kaminchenko D. I. Application of methods of political and economic analysis in order to conduct an effective coordinated industrial policy in the digital economy//Economics, Entrepreneurship and Law. – 2019. - Volume 9. – № 4. - p. 289-300. – doi: 10.18334/epp.9.4.41417.

11. Maslov G. A. Creative work: the prerequisite for a theoretical revolution?// Philosophy of economics. 2018. № 2. S. 93-109.

12. Pavlov M. Yu. Transformation of the nature of interaction between labor and capital in the context of the fourth industrial revolution//Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 2. S. 71-82.

13. Pavlov A. A. Digitalization and labor productivity//USA and Canada: economy, politics, culture. 2019. T. 49. № 8. S. 5-24.

14. Digitalization and being: collective monograph/Ed. Yu. M. Osipova, M. I. Lugacheva, T. S. Sukhina, T. N. Yudina. - M.: Faculty of Economics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2021. - 218 s.

15. Nikulina O. V., Soboleva A. S. The impact of digitalization of the world economy on economic growth in the countries of the world (on the example of the top five in terms of contribution to world GDP). Журнал: Russian journal of management. Volume 12 No. 2, 2024. <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/83247/view> (date of application 11.03. 2025)

16. Information law: textbook and workshop for universities/I. M. Rassolov. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Yuright Publishing House, 2024. - 427 p. - ISBN 978-5-534-18043-5. Accessed 24 February 2025.

17. Digital law: textbook/Ed. E.L. Sidorenko. - Moscow: Yurlitinform, 2024. - 720 s. Date of appeal: December 22, 2024.

18. Melnik M. N., Bondarenko I. A. Specifics of monopolization in digital markets. Economy and Business: Theory and Practice, vol. 1-1 (107), 2024. S. 25-29. DOI:10.24412/2411-0450-2024-1-1-25-29.

19. Srnichek, N. Platform Capitalism [Text]/trans. From English. and scientific. ed. M. Dobryakova; Nat. †. University "Higher School of Economics." - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. - 128 p. - (Economic theory). - 1000 copies. - ISBN 978-5-7598-1786-4 (per.). – ISBN 978-5-7598-1854-0 (e-book).

20. Xiejing. Cybersocial approach to improving labor efficiency in the digital economy. Labor Economics Volume 11 Number 11 November 2024 pp. 1792-1810. ISSN 2410-1613 Russian Journal of Labor Economics.

21. Yanchenko, E. V. Gig economy: risks of precarization of employment/ E. V. Yanchenko//Labor economy. – 2022. - T. 9, NO. 5. - S. 909-930. – DOI 10.18334/et.9.5.114795.

22. Podvoisky D. G. Collection: Great Russian Encyclopedia. Series: BDT. Volume: 28. Year of publication: 2015. Place of publication: Publishing house "Big Russian Encyclopedia" Moscow.

Информация об авторах

Л. И. Сергеев – доктор экон. наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, зав. кафедрой экономической теории и инструментальных методов ИНОТЭКУ Калининградского государственного технического университета.

Д. Л. Сергеев – канд. экон. наук, доцент Западного филиала РАНХиГС.

А. В. Шендерюк-Жидков – Сенатор Федерального Собрания Российской Федерации.

Д. Б. Василькова – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления Калининградского филиала Российского университета кооперации.

Information about the authors

L. I. Sergeev – Doctor of Economics, Professor. Honored Economist of the Russian Federation, head Department of Economic Theory and Instrumental Methods of INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

D. L. Sergeev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Western Branch of the RANEPA.

A. V. Shenderyuk-Zhidkov – Senator of the Federal Assembly of the Russian Federation.

D. B. Vasilkova - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Kaliningrad branch of the Russian University of Cooperation.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 18.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 18.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 28-45.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 28-45.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.57

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-28-45

Метод оценки уровня обеспеченности населения регионов РФ продукцией рыбного хозяйства в контексте устойчивой продовольственной безопасности

Владимир Иванович Кузин¹

Александр Геннадьевич Харин²

^{1, 2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ vladimir.kuzin@klgtu.ru

² aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Обеспечение безопасных и достойных условий жизни людей является одним из приоритетов государственной политики. Эффективность такой политики помимо прочего зависит от точности и адекватности оценки её результатов. Поэтому важное значение имеет выбор оптимальной методики измерения состояния продовольственной безопасности. Целью исследования является разработка нового подхода к оценке уровня обеспеченности населения регионов РФ продукцией рыбного хозяйства, основывающегося на сочетании положений концепции устойчивого развития и продовольственной безопасности. Теоретическим и общеметодическим основанием работы служат методы регрессии на основе выбора признаков и многоуровневой кластеризации. В качестве источника информации используются сведения, полученные из общедоступной базы данных ЕМИСС/Росстат. Итогом первого этапа исследования, представленного в данной статье, стала разработка методики, дающей объективное представление о состоянии, проблемах и перспективах продовольственной безопасности с позиций долгосрочного обеспечения населения российских регионов рыбопродуктами. В последующих публикациях авторами будут описаны результаты эмпирической проверки и тестирования предложенной методики.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, устойчивость, благосостояние, рыбопродукты, методы оценки

Для цитирования: Кузин В. И., Харин А. Г. Метод оценки уровня обеспеченности населения регионов РФ продукцией рыбного хозяйства в контексте устойчивой продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 28-45. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-28-45>.

Method for assessing the level of provision of fishery products in the population of the Russian's regions in the context of sustainable food security**Vladimir I. Kuzin¹****Aleksandr G. Kharin²**^{1, 2} INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia¹ vladimir.kuzin@klgtu.ru² aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. Ensuring safe and decent living conditions for people is a priority of public policy. The effectiveness of this policy significantly depends on the adequacy of its assessment. Therefore, the selection of an optimal methodology for assessing food security is important. The aim of this study is to develop an approach to assessing the level of fishery product availability in Russian regions. Our approach is based on a combination of sustainable development and food security concepts. The study utilizes regression methods based on feature selection and multilevel clustering. The source of information is data obtained from the publicly available EMISS/Rosstat database. The culmination of the first stage of the study, presented in this article, was the development of a methodology. This methodology provides an objective understanding of the status, challenges, and prospects of food security from the perspective of long-term provision of fish products to the population of Russian regions. In the following paper, we will describe the results of empirical verification and testing of the proposed methodology.

Keywords: food security, sustainability, welfare, fish products, assessment methods.

For citation: Kuzin V. I., Kharin A. G. Method for assessing the level of provision of the population of the regions of the Russian Federation with fishery products in the context of sustainable food security // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):28-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-28-45>.

Введение. Продовольственная политика, согласованная с приоритетами и целями устойчивого развития, является одной из наиболее широко обсуждаемых тем как в научно-теоретическом дискурсе, так и в контексте принятия оптимальных управленческих решений, призванных обеспечивать достойные и безопасные условия жизни людей. Вопросы, относящиеся к этой тематике, охватывают разнообразные аспекты функционирования общества и экономики. Они, например, включают проблемы интеграции устойчивых способов ведения сельского хозяйства в продовольственные системы на национальном и местном уровнях, решение которых должно гарантировать бесперебойное снабжение населения продуктами питания требуемых количества и качества без нанесения непоправимого ущерба природной среде [1]. Другим востребованным направлением исследований является оценка последствий мер государственной политики, направленных на формирование экологически устойчивых моделей потребления продовольствия. В фокусе таких исследований находится то, как

налогообложение, требования к маркировке товаров, субсидирование и другие способы регулирования предложения и спроса влияют на потребление пищевых продуктов [2]. Актуальной и активно развиваемой темой является выработка рекомендаций по совершенствованию действующих и конструированию новых механизмов воздействия на поведение потребителей, основанных на идеях и принципах полноценного, здорового и экологически ориентированного питания [3; 4].

В рамках исследований вопросов продовольственной политики отдельное направление образуют проблемы обеспечения продовольственной безопасности. Данный термин в нашей стране принято трактовать как "состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни"¹. В связи с этим важным является понимание того, какие аспекты, компоненты и уровни продовольственной безопасности отражают многочисленные и порой разноречивые способы её измерения.

За время, прошедшее с начала широкого использования данного понятия в конце 1990-х годов, изменилось его как сущностное содержание, так и операциональная концепция, в том числе были пересмотрены многие подходы к оценке продовольственной безопасности. Одним из таких изменений стало смещение фокуса оценки "от глобального и национального уровня к уровню домохозяйства и отдельного человека, от подхода, ориентированного на продовольствие, к подходу, ориентированному на средства к существованию, и от объективных показателей к субъективному восприятию" [5]. Тем не менее, несмотря на стремление к гармонизации измерений, служащей лучшей координации действий всех заинтересованных сторон, до настоящего времени среди исследователей и практиков нет консенсуса относительно показателей и методов, которые следует применять для измерения и мониторинга продовольственной безопасности [6]. Множество разноплановых моделей и метрик затрудняет определение того, какие показатели отражают те или иные аспекты (доступность, наличие, использование, стабильность), компоненты (количество, качество, безопасность, культурная приемлемость/предпочтения) и уровни (глобальный, национальный, региональный, домохозяйственный, индивидуальный) продовольственной безопасности [7]. Такая неопределённость приводит к тому, что при наличии большого количества научных работ, посвященных вопросам интеграции продовольственной политики в концепцию устойчивого развития, до сих пор остаются неясными многие последствия

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации".

практической реализации предлагаемых решений. Более того, предположение о том, что такая интеграция ведёт к росту эффективности государственного вмешательства в экономику, также остаётся дискуссионным даже на теоретическом уровне [8].

Данная проблема актуальна и для нашей страны, поскольку чрезмерная корректировка рыночных механизмов посредством различных административных мер часто приводит к неоптимальному использованию ресурсов, негативным образом отражающемуся в самых различных проявлениях социально-экономической жизни. По образному выражению видного российского учёного, руководителя Центра исследования экономической политики МГУ О. Буклемишева "Государство, нахлебнившееся на нашу экономику, требует больше средств, чем экономика способна при существующей структуре и действующем налогообложении себе позволить"¹. Сомнения также вызывают и некоторые частные практические решения, призванные оказать поддержку производителям продовольствия, например, механизм инвестиционных квот и аукционов с инвестиционными обязательствами по распределению прав на добычу водных биоресурсов, который изначально был нацелен на стимулирование обновления рыбопромыслового флота и береговых рыбоперерабатывающих предприятий. Однако по имеющимся оценкам, за первые 6 лет действия этого механизма вне его рамок было построено в два раз больше судов, чем с помощью программы "квот в обмен на инвестиции"². Эти и другие недостатки, вызванные рассогласованностью действия рыночных и административных инструментов регулирования экономики снижают эффективность продовольственной политики, направленной на решение разноаспектных задач повышения продовольственной безопасности, улучшение пищевого благополучия и здоровья населения нашей страны, обеспечение социальной справедливости, а также способствующих рачительному использованию и сохранению ресурсов окружающей среды [9].

Трудность формирования устойчивой продовольственной политики в значительной мере обусловлена её многоаспектностью. Комплексное обеспечение продовольственной безопасности, особенно когда речь идёт о долгосрочной перспективе, относится к категории сложных проблем, поскольку для такого рода проблем характерны высокая степень сложности и неопределенности, а также наличие системных вызовов, затрагивающих как местный, так и глобальный уровни [10]. Эти проблемы часто кажутся неразрешимыми из-за необходимости учёта интересов множества экономических, социальных и политических субъектов, а также в силу влияния разнообразных, пока не до конца понятных природных факторов. Более того, в ряде случаев среди стейкхолдеров может не быть консенсуса относительно того, в чём именно заключается та или иная проблема [11]. Не менее серьёзным вызовом является

¹ Интервью с О. Буклемишевым // Private Talks. URL: https://vk.com/video-229009575_456239360

² Флот пополняют и без инвестквот // Фишньюс. 11.10.2022. URL: <https://fishnews.ru/news/45605>

отмеченное выше отсутствие общепризнанных инструментов измерения результатов принятия тех или иных политических решений.

В контексте сказанного, важное значение для проведения эффективной политики, направленной на решение проблем продовольственного обеспечения, имеет мониторинг и оценка результатов этой политики. Целью данной статьи является обоснование теоретических положений и разработка методики комплексной оценки состояния продовольственной безопасности в её части, касающейся вопросов обеспечения населения продукцией рыбного хозяйства.

Материалы и методы. В самом общем виде задача измерения столь широкого понятия, каким является продовольственная безопасность может быть сведена к поиску ответов на два фундаментальных вопроса [12]: во-первых, *что выступает объектом оценки, а во-вторых, каким способом производить измерение параметров состояния оцениваемого объекта.* В рамках ответа на первый вопрос осуществляется подбор индикаторов, соответствующих различным, интересующим исследователя аспектам и компонентам продовольственной безопасности. В то время как ответом на второй вопрос является выбор или разработка оптимальной методики определения величин этих индикаторов.

Несмотря на то, что в настоящее время предлагается множество показателей продовольственной безопасности, служащих измерению, анализу и мониторингу продовольственной безопасности, среди учёных и практиков до сих пор нет единого мнения относительно "лучшего" из них [13; 14]. Различные международные организации разработали и используют собственные наборы показателей продовольственной безопасности, отвечающие их требованиям (например, Всемирная продовольственная программа (WFP) – шкалу потребления продовольствия (FCS), Агентство США по международному развитию (USAID) – шкалу доступа к продовольствию в домохозяйствах (HFIAS); Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций (FAO) – шкалу распространённости недоедания (POU) и шкалу опыта продовольственной необеспеченности (FIES); консалтинговая фирма Экономическое разведывательное подразделение (EIU) – глобальный индекс продовольственной безопасности (GFSI) и т. д.). Наличие большого числа разнообразных подходов к измерению продовольственной безопасности хотя и может облегчать задачу её оценки, однако часто запутывает понимание истинного положения в этой сфере.

Кроме того, отсутствие общепризнанных, стандартных методов измерения является причиной несопоставимости результатов оценки продовольственной безопасности [6]. Во-первых, в то время как одни индикаторы носят составной характер и служат измерению двух и более аспектов продовольственной безопасности, другие измеряют только её отдельные стороны. Во-вторых, некоторые показатели больше сосредоточены на факторах, способствующих продовольственной безопасности, чем на достигнутых результатах. В-третьих, если одни индикаторы являются количественными и объективными, то другие

дают только качественные оценки, основанные на субъективном восприятии и мнении отдельных лиц. В-четвертых, уровни анализа также значительно различаются, поскольку индикаторы могут носить как глобальный и национальный характер, так и ограничиваться только уровнем домохозяйств и индивидов. В-пятых, предполагаемое назначение индикаторов также сильно разнится – они варьируются от инструментов популяризации и пропаганды до мониторинга и оценки прогресса в достижении определенных политических целей. В-шестых, измерения могут производиться при разных условиях, методах или эталонах.

Обзорные исследования публикаций, в которых описываются различные подходы к измерению продовольственной безопасности, показывают, что наиболее часто для оценки её состояния используются специфические индикаторы, охватывающие отдельные аспекты жизнедеятельности людей и их пищевого поведения, например, основанные на разнообразии рациона (44 %), опыте потребителей (40 %) и достаточности калорий на уровне домохозяйства (22 %) [14]. Хотя такие узкоспециализированные индикаторы помогают концептуализировать и выявлять проблемы и угрозы снабжения населения продовольствием, они, как правило, не позволяют точно отображать взаимосвязи между различными аспектами, компонентами продовольственной безопасности и стратегиями управления. Столь явная ограниченность и фрагментарность методов измерения продовольственной безопасности является серьёзным недостатком, поскольку для того чтобы в полной мере соответствовать каноническому определению этого понятия, данному на Всемирном продовольственном саммите 1996 года её показатель должен охватывать все четыре измерения безопасности (доступность, наличие, использование и стабильность) и оперировать данными на уровне домохозяйств и индивидов¹, а не только на общегосударственном или региональном уровнях, как это распространено на практике.

К настоящему времени в целом сформированы теоретические предпосылки, на которых может базироваться методика такой всесторонней и объективной оценки продовольственной безопасности. В частности, Дж. Аптон и его соавторы сформулировали четыре главных принципа (аксиомы), положениям которых должна удовлетворять "идеальная" мера продовольственной безопасности [15]. Это:

- Принцип масштаба, в соответствии с которым необходимо оценивать состояние безопасности как отдельных индивидов, так и домохозяйств на разных уровнях агрегации (национальный, региональный, местный), с тем чтобы охватить возможно более широкий круг потребителей продовольствия.

- Принцип времени, призванный учитывать изменчивость состояния продовольственной безопасности во времени, в том числе, оценивать будущее,

¹ Rome Declaration on World Food Security. FAO. Rome. 1996. URL: <https://www.fao.org/4/W3613E/W3613E00.htm>

принимая во внимание при этом как предсказуемые, так и непредсказуемые изменения.

- Принцип доступности, связанный с понятиями физического, социального и экономического доступа к продовольствию, отражающий наличие у индивида возможностей для получения требующихся ему продуктов питания.

- Принцип результатов, продиктованный набирающей популярность концепцией активной и здоровой жизни, призванный учитывать физиологические последствия, вызванные особенностями питания и пищевого рациона людей.

Поскольку ни одна из существующих метрик продовольственной безопасности не удовлетворяла всем этим четырем базовым принципам, их авторы выдвинули идею использования нового синтетического показателя благополучия, основанного на концепции устойчивости развития, а также предложили методику реализации своей идеи, используя для этого данные опросов домохозяйств или отдельных лиц. Они также показали, как можно агрегировать показатель благополучия и устойчивости домохозяйства или индивида на региональном или национальном уровне применив эконометрический подход [16]. Многие последующие исследования и разработки, осуществлённые в рамках этого направления, демонстрируют растущее стремление к использованию составных показателей, расширяющих возможности для комплексной, многоаспектной оценки результатов инициатив в области продовольственной политики. Эти составные показатели особо ценны их способностью упрощать оценку эффективности функционирования продовольственной системы, достигаемой путём интеграции нескольких разноплановых показателей в единый индекс. Тем не менее, хотя такие индексы способны давать полезное представление о состоянии продовольственной безопасности, их структурные и методологические ограничения по-прежнему обуславливают необходимость поиска более совершенных подходов и разработки новых метрик, способных лучше, чем существующие отражать сложность и разнообразие продовольственных систем [17].

Результаты и обсуждение. Основываясь на имеющихся методических разработках и опыте их практического применения, предлагается альтернативный подход к оценке продовольственной безопасности, предполагающий сочетание двух известных и хорошо зарекомендовавших себя методов: регрессии на основе выбора признаков, описывающих целевую переменную – состояние продовольственной безопасности и двухстадийной кластеризации, используемой для выявления неявных кластеров в состоянии этой переменной. Выбор такого подхода обусловлен следующими обстоятельствами:

1. Многие существующие индексы продовольственной безопасности разной сложности, в том числе, составные, использующие модели, основанные на входных параметрах и фокусирующиеся на доступности ресурсов, слабо связаны с результатами функционирования продовольственной системы. Другими словами, эти модели не позволяют явно оценить её эффективность. Способом

преодолеть указанное ограничение является использование модели "затраты-выпуск", которая включает в себя пищевой статус индивида в качестве выходного показателя. Этот выходной показатель важен для оценки доступности продуктов питания для населения, в том числе, отражающейся на содержании пищевого рациона людей.

2. Для выявления конкретных сильных и слабых сторон продовольственной системы решающее значение имеет интерпретация составных индексов. Однако в том случае, когда в оценке задействовано множество показателей заинтересованные стороны и лица, принимающие решения могут столкнуться с серьёзными трудностями при интерпретации полученных результатов. Для устранения этой проблемы предлагаются разные решения, в их числе – т. н. "регрессия с эластичной сетью" (ElasticNet), позволяющая уменьшить размерность матрицы воздействия и включить в анализ только те показатели, которые имеют отношение к эффективности продовольственной системы. Данное решение помогает лучше понять вклад каждого показателя (фактора) и, тем самым, эффективно устранить коренные причины нарушения продовольственной безопасности.

3. Использование рейтингов на основе единого показателя либо ограниченного набора показателей при оценке продовольственной безопасности часто игнорирует критически важные контекстуальные факторы, такие как географическое положение, типология продовольственной системы, уровень экономического развития и пр. Однако учёт таких характеристик необходим для проведения сравнительного анализа, часто выступающего основой для принятия политических и экономических решений. Устранению этого недостатка и повышению реалистичности анализа продовольственной безопасности служит метод двухэтапной кластеризации, предполагающий группировку и анализ регионов по ключевым характеристикам их продовольственных систем. Данное решение обеспечивает более высокую детализацию состояния продовольственной безопасности, чем традиционные методы, основанные исключительно на едином рейтинге и предоставляет в распоряжение управленцев более полную информацию, необходимую для выработки действенных мер.

Таким образом, предложенная методология, по нашему мнению, устраняет ряд ограничений, характерных для традиционных моделей, основанных на входных данных, которые фокусируются исключительно на доступности ресурсов, не связывая составной индекс с выходными показателями продовольственной системы. Благодаря использованию модели "вход-выход" для получения выходного показателя, отражающего доступность и наличие необходимых для ежедневного питания ресурсов, в анализ состояния продовольственной безопасности добавляется её важный аспект, характеризующий пищевой статус населения. Кроме того, улучшению интерпретируемости составных индексов способствует использование в качестве рабочего инструмента анализа метода построения регуляризованной регрессии

эластичной сети. Данное решение приводит к уменьшению размерности матрицы воздействия, сохраняя только наиболее релевантные показатели эффективности продовольственной системы. В отличие от альтернативных методов, таких как анализ главных компонент (РСА) или гребенчатая регрессия, метод эластичной сети позволяет одновременно выбирать подмножество предикторов, сохраняя при этом интерпретируемость модели, что является ключевым условием для более точного установления взаимосвязей между показателями в контексте продовольственной безопасности, помогающего выявлять и устранять коренные причины её нарушения. Дополнительным преимуществом выбранного метода является его способность нивелировать мультиколлинеарность – распространенную проблему при работе с наборами данных, содержащими коррелированные предикторы, и тем самым отчасти обеспечивать статистическую независимость используемых показателей.

Предложенный подход предполагает выполнение последовательности процедур, включающих вычисление и анализ показателей, характеризующих состояние продовольственной безопасности.

1. На начальном этапе работы формируется набор показателей, адекватно отражающих состояние продовольственной безопасности, выполняется оценка их влияния для каждой категории, после чего полученные значения используются для построения первоначальной матрицы воздействия.

2. После составления матрицы её структура проверяется на наличие потенциальных пропущенных данных и при необходимости выбирается соответствующий метод восполнения недостающих данных с тем, чтобы устранить пробелы и обеспечить достоверность анализируемой информации.

3. Ключевое место в предлагаемом подходе занимает построение регрессии с эластичной сетью, служащей выявлению показателей, оказывающих наибольшее влияние на продовольственную безопасность. Для повышения точности и надёжности результатов полученная регрессия может быть доработана с помощью одного из известных методов, например, метода оптимизации.

4. На следующем этапе выполняется процедура взвешивания – вычисления относительных весов показателей, содержащихся в сокращенной матрице воздействия. И затем, после расчета показателя продовольственной безопасности для каждого объекта применяется двухуровневая кластеризация, служащая выявлению взаимосвязей между показателями продовольственной безопасности и выбранными характеристиками продовольственной системы.

5. На заключительном этапе проводится анализ чувствительности, позволяющий оценить то, как изменение ключевых предположений подхода, таких как импутация данных и снижение размерности, влияют на величину составного показателя продовольственной безопасности. Такая проверка выявляет устойчивость интегрального показателя и показывает, насколько сильно те или иные изменения в методологии влияют на результаты оценки или на их

интерпретацию, способствуя тем самым большей прозрачности и обоснованности управленческих решений.

Применяемая регрессия с использованием метода эластичной сети предполагает линейный характер зависимости между предикторами и зависимой переменной, что является общераспространённым предположением при моделировании составных индексов, где зависимости обычно аддитивны. Следует, однако, помнить, что хотя этот метод предполагает линейность, между параметрами продовольственной безопасности могут существовать и нелинейные взаимосвязи, которые в данной модели явно не моделируются. Кроме того, регрессия с использованием метода эластичной сети требует тщательной обработки выбросов, поскольку экстремальные значения некоторых переменных могут повлиять на результаты регрессии. Для смягчения этого эффекта перед применением модели должны проводиться обнаружение и нивелирование выбросов.

Прежде чем приступить к построению регрессии приведём вид обобщенной линейной модели, который предполагается использовать для описания взаимосвязи между зависимой переменной, характеризующей состояние продовольственной безопасности и набором независимых переменных, определяющих это состояние:

$$y_i = \beta_0 + \sum_{j=1}^p \beta_j x_{ij} + \varepsilon_i ; i=1, 2, \dots \quad (1)$$

где y_i – зависимая переменная, $\beta_j \in \mathbb{R}^p$ – коэффициенты регрессионной модели, связанные с j -й независимой переменной x , ε_i – ошибка, имеющая нормальное распределение.

В случае регрессии эластичной сети её коэффициенты можно найти, используя следующую задачу оптимизации [18]:

$$\widehat{\beta}^{net} = (y - \beta X)^T (y - \beta X) + P_\alpha(\beta), \quad (2)$$

где $P_\alpha(\beta)$ – функция штрафа эластичной сети, α – параметры настройки.

Уравнение (2) также можно переписать следующим образом:

$$\widehat{\beta}^{net} = (y - \beta X)^T (y - \beta X) + \alpha_1 \sum_{j=1}^p |\beta_j| + \alpha_2 \sum_{j=1}^p \beta_j^2 \quad (3)$$

В уравнении (3) член $\alpha_1 \sum_{j=1}^p |\beta_j|$ соответствует классическому параметру штрафа типа "лассо" (l_1), который способствует разреженности, а $\alpha_2 \sum_{j=1}^p \beta_j^2$ соответствует штрафу типа "гребень", решающему проблему мульти-коллинеарности (l_2) [19]. Параметры настройки $\alpha_1 \geq 0$ и $\alpha_2 \geq 0$ позволяют контролировать силу соответствующих штрафов. Если коэффициенты α равны нулю, то задача регрессии в уравнении (3) превратится в общую линейную регрессию.

Существуют различные методы оценки величины α . Мы предлагаем использовать один из наиболее распространённых – метод многократной перекрёстной проверки (Cross-Validation – CV) [20], в рамках которого исходный набор данных случайным образом делится на k подмножеств одинакового размера. Из них одна подвыборка служит для валидации данных, а остальные

принимаются в качестве обучающих подвыборок. Используя эти подвыборки, оценивается насколько хорошо модель прогнозирует значения из тестового набора. Данная процедура выполняется отдельно для α_1 и α_2 и повторяется k раз, после усреднения результатов, которые выбираются оптимальные значения коэффициентов.

Другим ключевым методом предлагаемого подхода является двухэтапный кластерный анализ. Применение этого метода позволяет оценить всю совокупность сложных взаимосвязей между показателями продовольственной безопасности и характеристиками анализируемой продовольственной системы. Его особенностью является группировка территорий с сопоставимыми показателями продовольственной безопасности и определение характеристик, оказывающих наиболее существенное влияние на эти показатели.

Двухступенчатая кластеризация (TwoStep Cluster) – метод анализа информации, способный обрабатывать большие массивы данных, использующий как категориальные, так и непрерывные переменные¹. За счёт включения в анализ разнообразных параметров становится возможным точнее определить причины, вызывающие пространственную неоднородность продовольственной безопасности и, тем самым, лучше понять её природу. В контексте нашего исследования в качестве таких интегральных характеристик, оказывающих определяющее влияние на продовольственную безопасность, рассматриваются тип продовольственной системы и уровень благосостояния населения регионов.

Согласно определению Всемирной продовольственной программы ООН (World Food Programme), продовольственные системы представляют собой "сети, необходимые для того, чтобы продовольствие было произведено, переработано и достигло потребителей"². Существуют несколько типологий продовольственных систем, отражающие разные взгляды на их отличительные характеристики. Исходя из цели нашей работы, мы следуем рекомендациям экспертов Комитета по всемирной продовольственной безопасности ООН (Committee on World Food Security – CFS) и выделяем в многообразии продовольственных систем российских регионов три широких типа: традиционные, смешанные и современные продовольственные системы [21]. Кратко опишем основные особенности этих систем, определяющие параметры их характеристик, придерживаясь формулировок CFS.

Традиционные продовольственные системы типичны для аграрных регионов, в которых рацион питания людей зачастую не отличается разнообразием, содержит мало белков и микроэлементов. Его основу составляют относительно недорогие местные продукты, "то, что выловлено, поймано или собрано поблизости" [21], часто низкого качества и небезопасные для

¹ Two-stage cluster sampling. Britannica AI. URL: <https://www.britannica.com/science/two-stage-cluster-sampling>

² Продовольственные системы. Всемирная продовольственная программа ООН. URL: <https://ru.wfp.org/food-systems>

потребителей, приобретаемые в объектах мелкой торговли. Как правило, информация о состоянии таких продовольственных систем крайне ограничена и мало достоверна, а диапазон возможностей для стимулирования спроса – узок.

Смешанные продовольственные системы характерны для регионов с более высокой долей городского населения, имеющего более высокие доходы, чем в традиционных системах. Относительно разветвлённая торговая инфраструктура таких систем делает продукты более доступными и расширяет их разнообразие благодаря чему пищевая диета большинства людей имеет достаточную калорийность и белковое содержание. Но при этом качество и безопасность продовольствия может варьироваться в широких пределах. Наличие многих элементов инфраструктуры рынка наряду с урбанизацией жизни и ростом благосостояния потребителей создают благоприятные условия для воздействия на спрос в таких системах.

Современные продовольственные системы, как правило, складываются в регионах с преобладающим городским населением, имеющим высокие доходы и придерживающемся высоких стандартов жизни. Благодаря развитости рыночной инфраструктуры потребители в этих системах имеют стабильный доступ к широкому ассортименту разнообразных продуктов питания, преимущественно представленных товарами высокого качества и специализированными продуктами. Современные продовольственные системы обладают наибольшим потенциалом для стимулирования спроса, в том числе, за счёт просветительской деятельности, способствующей "повышению информированности населения о связи между рационом питания, самим питанием и здоровьем" [21], а также других мероприятий креативной продовольственной политики.

Другая используемая нами ключевая характеристика, определяющая продовольственную безопасность – многокомпонентная переменная экономического состояния, включает различные категории, отражающие материальные стороны благополучия людей. Очевидным и наиболее часто используемым в работах аналогичного содержания индикатором экономического благосостояния является показатель среднедушевых доходов населения. Основываясь на этом показателе, можно выделить регионы с низким, средним и высоким уровнем доходов. Подобная классификация регионов также применима и к другим параметрам благосостояния.

Как и в случае продовольственных систем, предлагается множество методик оценки экономического благосостояния населения. На наш взгляд, оптимальной по информационной насыщенности, широте охвата, стабильности измерений и простоте интерпретации результатов на сегодняшний день является методика Центра экономических исследований "РИА Рейтинг", базирующаяся на региональной статистике ЕМИСС/Росстат¹. Использование этой рейтинговой

¹ Рейтинг регионов по доходам населения. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20251215/630289770.html>

оценки существенно упрощает задачу первичной классификации и последующей оценки российских регионов по признаку экономического положения населения.

Изложенные методический подход, основные принципы и положения его применения выступают инструментальной базой для проведения эмпирического исследования, нацеленного на оценку вклада рыбной продукции в обеспечение продовольственной безопасности населения российских регионов, а также выработку соответствующих практических рекомендаций.

Заключение. В данном исследовании изложены основные положения авторского подхода к оценке продовольственной безопасности, базирующегося на сочетании двух хорошо зарекомендовавших себя методов: отбора признаков и двухступенчатой кластеризации. Ожидается, что совместное применение указанных методов позволит получить полное и объективное представление о состоянии и проблемах продовольственной безопасности в части обеспечения населения российских регионов продукцией рыбного хозяйства, с позиций устойчивого развития. Предложенный подход позволяет устранить некоторые ограничения, присущие иным подходам к оценке продовольственной безопасности. Он предоставляет лицам, принимающим решения и другим стейкхолдерам ряд систематических процедур для принятия взвешенных решений по управлению ключевыми, как мы полагаем, параметрами продовольственных систем в той их части, которая касается вопросов функционирования рынков рыбопродуктов и регулирования потребления этих товаров.

Использование модифицированной регрессии с эластичной сетью делает возможным включение в анализ большого числа разносторонних показателей, отражающих всю сложность и разнообразие региональных продовольственных систем, а также упрощает процесс выявления тех характеристик, которые оказывают наибольшее влияние на целевую интегральную переменную – состояние продовольственной безопасности. При этом точность результатов регрессионного анализа можно дополнительно повысить, например, за счёт использования более совершенных методов оптимизации. С другой стороны, предложенный кластерный формат представления результатов анализа состояния продовольственной безопасности повышает интерпретируемость и придаёт дополнительную практическую значимость полученным оценкам. Его главная ценность состоит в способности выявлять важные для политики закономерности, которые невозможно обнаружить с помощью какого-либо одного показателя. Благодаря этому применение метода кластеризации позволяет лицам, принимающим те или иные политические решения связывать агрегированные оценки состояния продовольственной безопасности с основными характеристиками регионов и контекстно-специфическими мерами, осуществляемыми в рамках стратегии, основанной на идеях и принципах концепции устойчивого развития.

Вместе с тем, несмотря на преимущества предложенного подхода к комплексной оценке продовольственной безопасности, он, как и всякое другое теоретическое построение имеет определённые недостатки. В частности, использованный метод построения регрессии предполагает линейность, в то время как между параметрами продовольственной безопасности могут существовать и нелинейные взаимосвязи, которые в данной модели явно не моделируются. Кроме того, важно признать, что хотя кластеризация повышает интерпретируемость результатов и способствует разработке целенаправленной политики, применение стандартных алгоритмов реализации этого метода в ряде случаев не позволяет отразить всю сложность специфических условий российских регионов, в то время как использование более сложных типологий кластеризации может быть сопряжено со значительными трудностями как методологического, так и практического характера. Имеются также и другие ограничения, выявление и подробное описание которых станет одним из предметов нашей дальнейшей работы. Однако, как мы полагаем, указанные недостатки не являются критическими. Предлагаемая методика позволяет давать объективное представление о состоянии, проблемах и перспективах продовольственной безопасности с позиций долгосрочного обеспечения населения рыбопродуктами, в том числе, обусловленных социально-экономическим неравенством между российскими регионами. В следующей нашей статье будут представлены основные результаты эмпирической проверки и тестирования предложенной методики.

Список источников

1. Fei S., Qian Z., Santini G., Ni J., Bing Y., Zhu L., Fu J., Li Z., Wang N. Towards the high-quality development of City Region Food Systems: Emerging approaches in China // *Cities*. 2023. Vol. 135(1). DOI:10.1016/j.cities.2023.104212.
2. Ran Y., Van Rysselberge P., Macura B., Persson U. M., Hatab A. A., Jonell M., Lindahl T., Rööf E. Effects of public policy interventions for environmentally sustainable food consumption: A systematic map of available evidence // *Environmental Evidence*. 2024. Vol. 13(10). DOI:10.1186/s13750-024-00333-6.
3. Cambeses-Franco C., González-García S., Feijoo G., Moreira M. T. Driving commitment to sustainable food policies within the framework of American and European dietary guidelines // *The Science of The Total Environment*. 2021. Vol. 807(2). DOI:10.1016/j.scitotenv.2021.1508.
4. Sibbing L., Candel J., Termeer K. A comparative assessment of local municipal food policy integration in the Netherlands // *International Planning Studies*. 2019. Vol. 26 (211). P. 56-69. DOI:10.1080/13563475.2019.1674642
5. Maxwell S. Food security: a post-modern perspective // *Food Policy*. 1996. Vol. 21. P. 155-170. DOI:10.1016/0306-9192(95)00074-7.

6. Carletto C., Zezza A., Banerjee R. Towards better measurement of household food security: harmonizing indicators and the role of household surveys // *Global Food Security*. 2013. Vol. 2(1). P. 30-40. DOI:10.1016/j.gfs.2012.11.006.
7. Bawadi H. A., Tayyem R. F., Dwairy A. N., Al-Akour N. Prevalence of food insecurity among women in northern Jordan // *Journal of Health Population and Nutrition*. 2012. Vol. 30(1). P. 49-55. DOI:10.3329/jhpn.v30i1.11276.
8. Moramarco L., Di Santo N., Di Sparti D., Petrontino A., Moro G., Santoro F., Fucilli V. Assessing Food Policies for Sustainability Transitions: A Scoping Review of Evaluation Methods // *Sustainability*. 2025. Vol. 17(18). DOI:10.3390/su17188105.
9. Кузин В. И., Харин А. Г. Управление экономической доступностью рыбопродуктов как элемент политики социально-экономического развития // *Балтийский экономический журнал*. 2024. №3(47). С. 68-85.
10. Wilkinson A., Eidinow E. Evolving practices in environmental scenarios: a new scenario typology // *Environmental Research Letters*. 2008. Vol. 3(4). DOI:10.1088/1748-9326/3/4/045017.
11. Rittel H., Webber M. Dilemmas in a general theory of planning // *Policy Sciences*. 1973. Vol. 4(2). P. 155-169. DOI:10.1007/BF01405730.
12. Cafiero C., Melgar-Quinonez H. R., Ballard T. J., Kepple A. W. Validity and reliability of food security measures // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2014. Vol. 1331(1). P. 230-248. DOI:10.1111/nyas.12594.
13. Caccavale O. M., Giuffrida V. The Proteus composite index: towards a better metric for global food security // *World Development*. 2020. Vol. 126(3). DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104709.
14. Manikas I., Ali B., Sundarakani B. A systematic literature review of indicators measuring food security // *Agriculture and Food Security*. 2023. Vol. 12(1). DOI: 10.1186/s40066-023-00415-7
15. Upton J. B., Cissé J. D., Barrett C. B. Food security as resilience: reconciling definition and measurement // *Agricultural Economics*. 2016. Vol. 47(S1). P. 135-147. DOI:10.1111/agec.12305.
16. Cissé J. D., Barrett C. B. Estimating development resilience: a conditional moments-based approach // *Journal of Development Economics*. 2018. Vol. 135(2). P. 272-284. DOI:10.1016/j.jdeveco.2018.04.002.
17. Al-Ansari M., Nabeel H., Abdella G., El Mekrawy T. Moving Beyond Indices: A Systematic Approach Integrating Food System Performance and Characteristics for Comprehensive Food Security Assessment // *Foods*. 2025. 1 Vol. 4(10). DOI:10.3390/foods14101834.
18. Hastie T., Taylor J., Tibshirani R., Walther G. Stagewise algorithms and lasso-type problems // *Electronic journal of statistics*. 2007. Vol. 1. P. 1-29. DOI: 10.1214/07-EJS004.
19. Zou H., Hastie T. Regularization and variable selection via the elastic net // *J Journal of the Royal Statistical Society Series B (Statistical Methodology)*. 2005. Vol. 67(2). P. 301-320. DOI:10.1111/j.1467-9868.2005.00503.x.

20. Oyeyemi G. M., Ogunjobi E. O., Folorunsho A. I. On Performance of Shrinkage Methods – A Monte Carlo Study // *International Journal of Statistics and Applications*. 2015. Vol. 5(2). P. 72-76. DOI:10.5923/j.statistics.20150502.04.

21. Питание и продовольственные системы. Доклад Группы высокого уровня по продовольственной безопасности и питанию Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 2017. 190 с. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/d3b6842e-0076-47b8-9a7c-823916a4d637/content>

References

1. Fei S., Qian Z., Santini G., Ni J., Bing Y., Zhu L., Fu J., Li Z., Wang N. Towards the high-quality development of City Region Food Systems: Emerging approaches in China // *Cities*. 2023. Vol. 135(1). DOI:10.1016/j.cities.2023.104212.

2. Ran Y., Van Rysselberge P., Macura B., Persson U.M., Hatab A. A., Jonell M., Lindahl T., Rööös E. Effects of public policy interventions for environmentally sustainable food consumption: A systematic map of available evidence // *Environmental Evidence*. 2024. Vol. 13(10). DOI:10.1186/s13750-024-00333-6.

3. Cambeses-Franco C., González-García S., Feijoo G., Moreira M.T. Driving commitment to sustainable food policies within the framework of American and European dietary guidelines // *The Science of The Total Environment*. 2021. Vol. 807(2). DOI:10.1016/j.scitotenv.2021.1508.

4. Sibbing L., Candel J., Termeer K. A comparative assessment of local municipal food policy integration in the Netherlands // *International Planning Studies*. 2019. Vol. 26 (211). P. 56-69. DOI:10.1080/13563475.2019.1674642.

5. Maxwell S. Food security: a post-modern perspective // *Food Policy*. 1996. Vol. 21. P. 155-170. DOI:10.1016/0306-9192(95)00074-7.

6. Carletto C., Zezza A., Banerjee R. Towards better measurement of household food security: harmonizing indicators and the role of household surveys // *Global Food Security*. 2013. Vol. 2(1). P. 30-40. DOI:10.1016/j.gfs.2012.11.006.

7. Bawadi H. A., Tayyem R. F., Dwairy A. N., Al-Akour N. Prevalence of food insecurity among women in northern Jordan // *Journal of Health Population and Nutrition*. 2012. Vol. 30(1). P. 49-55. DOI:10.3329/jhpn.v30i1.11276.

8. Moramarco L., Di Santo N., Di Sparti D., Petrontino A., Moro G., Santoro F., Fucilli V. Assessing Food Policies for Sustainability Transitions: A Scoping Review of Evaluation Methods // *Sustainability*. 2025. Vol. 17(18). DOI:10.3390/su17188105.

9. Kuzin V. I., Kharin A. G. Managing the economic availability of fish products as an element of socio-economic development policy // *Baltic Economic Journal*. 2024. No. 3 (47). P. 68-85. (in Russ.)

10. Wilkinson A., Eidinow E. Evolving practices in environmental scenarios: a new scenario typology // *Environmental Research Letters*. 2008. Vol. 3(4). DOI:10.1088/1748-9326/3/4/045017.

11. Rittel H., Webber M. Dilemmas in a general theory of planning // Policy Sciences. 1973. Vol. 4(2). P. 155-169. DOI:10.1007/BF01405730.
12. Cafiero C., Melgar-Quinonez H. R., Ballard T. J., Kepple A. W. Validity and reliability of food security measures // Annals of the New York Academy of Sciences. 2014. Vol. 1331(1). P. 230-248. DOI:10.1111/nyas.12594.
13. Caccavale O. M., Giuffrida V. The Proteus composite index: towards a better metric for global food security // World Development. 2020. Vol. 126(3). DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104709.
14. Manikas I., Ali B., Sundarakani B. A systematic literature review of indicators measuring food security // Agriculture and Food Security. 2023. Vol. 12(1). DOI: 10.1186/s40066-023-00415-7.
15. Upton J. B., Cissé J. D., Barrett C. B. Food security as resilience: reconciling definition and measurement // Agricultural Economics. 2016. Vol. 47(S1). P. 135-147. DOI:10.1111/agec.12305.
16. Cissé J. D., Barrett C. B. Estimating development resilience: a conditional moments-based approach // Journal of Development Economics. 2018. Vol. 135(2). P. 272-284. DOI:10.1016/j.jdeveco.2018.04.002.
17. Al-Ansari M., Nabeel H., Abdella G., El Mekrawy T. Moving Beyond Indices: A Systematic Approach Integrating Food System Performance and Characteristics for Comprehensive Food Security Assessment // Foods. 2025. 1 Vol. 4(10). DOI:10.3390/foods14101834
18. Hastie T., Taylor J., Tibshirani R., Walther G. Stagewise algorithms and lasso-type problems // Electronic journal of statistics. 2007. Vol. 1. P. 1-29. DOI: 10.1214/07-EJS004.
19. Zou H., Hastie T. Regularization and variable selection via the elastic net // J Journal of the Royal Statistical Society Series B (Statistical Methodology). 2005. Vol. 67(2). P. 301-320. DOI:10.1111/j.1467-9868.2005.00503.x.
20. Oyeyemi G. M., Ogunjobi E. O., Folorunsho A. I. On Performance of Shrinkage Methods – A Monte Carlo Study // International Journal of Statistics and Applications. 2015. Vol. 5(2). P. 72-76. DOI:10.5923/j.statistics.20150502.04.
21. Nutrition and Food Systems. Report of the High-Level Panel on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome. 2017. 190 p. (in Russ.) URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/d3b6842e-0076-47b8-9a7c-823916a4d637/content>

Информация об авторах

В. И. Кузин – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

V. I. Kuzin - Ph. D. economy Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Finance INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

A. G. Kharin – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Finance of the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 45-56.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 45-56.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 339.56.055

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-45-56

Россия на рынке услуг ЕАЭС

Виктория Владимировна Мосейко

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

vimoseiko@gmail.com

Аннотация: РФ занимает особое положение в ЕАЭС и во всех сегментах единого евразийского рынка, в том числе на рынке услуг. Вместе с тем, события 2020 г. и 2022 г. изменили траектории развития нашей страны, что не могло не отразиться на торговле услугами с третьими странами и со странами ЕАЭС. Цель статьи – используя статистический анализ, рассмотреть место РФ на рынке услуг в ЕАЭС в 2015-2024 гг., рассмотреть произошедшие изменения, вызванные событиями 2020 г. и 2022 г. В статье показано, что в общей торговле услугами ЕАЭС на РФ приходится половина; несмотря на снижение доли РФ во взаимной торговле услугами в ЕАЭС ее позиции остаются лидирующими. РФ, имея торговые отношения со всеми странами ЕАЭС, на протяжении анализируемого периода в большей степени в торговле услугами ориентировалась на третьи страны. Установлено, что постпандемийное восстановление 2021 г. в РФ в целом происходило быстрее, чем в ЕАЭС. Показано, что события 2022 г. привели к изменениям в объемах, структуре экспорта и импорта услуг РФ. Основываясь на анализе значений индекса комплементарности и индекса STRI для РФ, показано, с одной стороны, наличие потенциала для дальнейшего развития взаимной торговли со странами ЕАЭС, но, с другой стороны, сохранение ограничений для иностранных поставщиков услуг на рынке услуг РФ, препятствующих развитию взаимной торговли.

Ключевые слова: рынок услуг ЕАЭС, торговля услугами в ЕАЭС, взаимная торговля услугами в ЕАЭС.

Для цитирования: Мосейко В. В. Россия на рынке услуг ЕАЭС // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 45-56. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-45-56>.

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Russia in the EAEU Services Market

Victoria V. Moseiko

INOTEKU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

vimoseiko@gmail.com

Abstract: The Russian Federation holds a special position within the EAEU and across all segments of the unified Eurasian market, including the services market. However, the events of 2020 and 2022 have altered the developmental trajectory of our country, inevitably impacting trade in services both with third countries and with EAEU member states. The aim of this article is to use statistical research methods to examine the position of the Russian Federation in the EAEU services market from 2015 to 2024 and to analyze the changes brought about by the events of 2020 and 2022. The article demonstrates that the Russian Federation accounts for half of the EAEU's total trade in services. Despite a decline in its share of intra-EAEU services trade, the Russian Federation maintains a leading position. While having trade relations with all EAEU countries, Russia has primarily oriented its services trade towards third countries throughout the analyzed period. It is established that Russia's post-pandemic recovery in 2021 generally occurred faster than in the EAEU overall. It is shown that the events of 2022 have led to changes in the volume and structure of Russia's export and import of services. Based on the analysis of complementarity index and STRI Index values for Russia, the article demonstrates, on the one hand, the potential for further development of mutual trade with EAEU countries. On the other hand, it highlights the persistence of restrictions for foreign services suppliers in the Russian services market, which hinder the development of mutual trade.

Keywords: EAEU services market, trade in services within the EAEU, mutual trade in services within the EAEU.

For citation: Moseiko, V. V. Russia in the EAEU Services Market // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):45-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-45-56>.

Введение

Россия, обладая мощным экономическим потенциалом, занимает на рынке услуг евразийской интеграции особое положение. Оно определяется размером и структурой российской экономики, вовлеченностью в экспортно-импортные отношения со всеми странами ЕАЭС. Пандемия COVID-19 замедлила торговлю услугами РФ с ЕАЭС и миром, восстановление 2021 г. оказалось недолгим: события 2022 г. вызвали потоки эмиграции из РФ и санкционное давление со стороны западных стран, чем ухудшили положение России на рынке услуг ЕАЭС.

Цель статьи – рассмотреть место РФ на рынке услуг ЕАЭС в период с 2015-2024 гг., проанализировать и оценить изменения, произошедшие после 2020 г. и 2022 г.

Торговля услугами в ЕАЭС рассматривается в науке с разных сторон. Наибольший пласт работ посвящен вопросам генезиса единого рынка услуг [1; 2]; выявлению трудностей формирования и развития единого рынка услуг; определению понятий "услуга", "единый рынок услуг" [3, С. 40-42]; обнаружению препятствий на пути либерализации рынка услуг ЕАЭС [1]. В юридической науке активно исследуются вопросы правового регулирования торговли услугами [3; 4; 5].

Отдельное направление посвящено анализу изменений торговых отношений в региональных группировках, в том числе в ЕАЭС, вызванных пандемией COVID-19 [6], а также воздействием событий 2022 г. на рынок услуг ЕАЭС [7; 8; 9].

Анализ положения РФ на рынке услуг в период с 2015 г. по настоящее время следует проводить поэтапно. Во-первых, представляет интерес первая пятилетка существования ЕАЭС с 2015 по 2019 гг. Во-вторых, следует обратить внимание на пандемийный 2020 г., когда торговля услугами была ограничена, и постпандемийный 2021 г., когда торговля услугами начала восстанавливаться. В-третьих, особый интерес представляют события 2022 г., которые оказали влияние на все стороны экономики РФ, в том числе торговлю услугами. В данной работе представлена попытка исследовать место России на рынке услуг ЕАЭС с момента образования ЕАЭС в 2015 г. и до настоящего времени с учетом указанных временных интервалов.

Фактографической базой работы послужили ежегодные доклады НИУ ВШЭ "Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли" за 2020-2024 гг. [10]; аналитические отчеты Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) "Об экспорте и импорте услуг в государствах – членах ЕАЭС" [11]; Доклады о состоянии взаимной торговли между государствами – членами ЕАЭС с 2015-2022 гг. [12]; статистические бюллетени "Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе" за 2016-2021 гг. [13; 14], а также статистические данные по структуре экспорта и импорта услуг РФ, представленные ЕЭК [15].

Становление и развитие единого рынка услуг в ЕАЭС

Формирование единого рынка услуг на евразийском пространстве – это длительный процесс, начатый сразу после распада СССР и продолжающийся до сих пор. Анализ опыта либерализации рынка услуг в ЕС подтверждает наличие трудностей и ограничений, свойственных этому сегменту торговых отношений [16, С. 223; 17, р. 357].

Из-за множества организационно-институциональных препятствий либерализация на рынке услуг ЕАЭС происходит медленно. Так, по данным ВЭБ

к 2020 г. единый рынок услуг в ЕАЭС был реализован примерно на 45 % [18]. Обращается внимание на множество нерешенных вопросов. Среди них: сложности в легальном определении таких важных понятий, как "услуги", "единый рынок услуг" [3], сохранение национальных ограничений, препятствующих расширению взаимной торговли услугами [1], необходимость формирования правового института трансграничного оказания цифровых услуг [5].

Отмечается, что рынок услуг ЕАЭС характеризуется моноцентричностью и доминированием РФ во взаимных экспортно-импортных операциях [19, С. 74] при неразвитости торговли услугами между другими странами ЕАЭС [1, С. 104-105; 2, С. 114], а также преобладанием торговли услугами с третьими странами [19, С. 73].

Характеристика внешней торговли услугами РФ

Проведем статистический анализ, чтобы понять сохранились ли указанные выше характеристики и какие изменения произошли с положением РФ на рынке услуг ЕАЭС.

Таблица 1 – Объем торговли услугами ЕАЭС и РФ, 2015-2024 гг.

Table 1 – Volume of trade in services between the EAEU and the Russian Federation, 2015-2024.

ЕАЭС, РФ/год	2015		2019		2020		2021		2022		2023		2024	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
ЕАЭС	173,6	100	202,4	100	143,2	100	165,8	100	162,3	100	169,3	100	183,2	100
РФ	140,4	80,9	160,4	79,2	112,7	78,7	131,4	79,3	119,7	73,8	117,1	69,2	124,5	68,0

Составлено и рассчитано автором по данным ЕЭК [15].

Как видно из таблицы 1, доля РФ в объеме общей торговли услугами среди всех стран ЕАЭС снижалась на протяжении 2015-2024 гг. Наиболее сильное падение произошло в 2022-2023 г. и было вызвано не пандемией, а событиями 2022 г. При этом РФ не утратила лидерской позиции в торговле услугами среди стран ЕАЭС.

В таблице 2 представлены приросты торговли услугами.

Таблица 2 – Приросты торговли услугами стран ЕАЭС и РФ, %

Table 2 – Growth in trade in services between the EAEU countries and the Russian Federation, %

Субъекты/год	2020/2019	2019/2015	2020/2015	2021/2015	2022/2015	2024/2015
ЕАЭС	-29,2	16,5	-17,5	-4,5	-6,5	5,5
РФ	-29,8	14,3	-19,7	-6,4	-14,8	-11,3

Составлено и рассчитано автором по данным ЕЭК [15].

Из таблицы 2 видно, что прирост объемов торговли в допандемийном 2019 г. (в РФ составил 14,3 %, а в ЕАЭС – 16,5 %), падение объемов торговли в 2020 г. вследствие пандемии COVID-19 (в РФ составил -29,8 %, а в ЕАЭС – -29,2 %) и восстановление в 2021 г. (в РФ составил -6,4 %, а в ЕАЭС – -4,5 %) было примерно одинаковым для ЕАЭС и РФ. Это объясняется доминирующей долей РФ в торговле услугами среди стран ЕАЭС.

Наиболее заметные изменения произошли в 2022 и 2023 гг., в результате которых результаты ЕАЭС и РФ в 2024 г. к 2015 г. оказались сильно различающимися: прирост торговли услуг для всех стран ЕАЭС оказался положительным и составил 5,5 %, а РФ продемонстрировала отрицательные результаты – -11,3 %.

Произошли изменения в структуре экспорта и импорта услуг РФ [11; 15]. Наиболее заметными в торговле услугами в анализируемый период являлись следующие сектора: "транспортные услуги", "поездки", "строительство", "прочие деловые услуги", "телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги" (ТКИУ).

В экспорте услуг на стабильном уровне оставались транспортные услуги, на долю которых в период с 2016-2024 гг. всегда приходилось более 30 % (первое место). Поездки резко сократились в пандемийный и постпандемийный период (с 17 % в 2019 г. до 6 % в 2020 г.). На протяжении всего анализируемого периода росла доля строительства с 7 % в 2016 г. до 13,2 % в 2022 г., в 2023 г. она сократилась до 11,9 % и в 2024 г. до 11,4 %. Экспорт ТКИУ оставался практически неизменным в период с 2016-2019 гг. и составлял 8-9 %, в 2020-2021 гг. произошел рост: на долю ТКИУ пришлось 13 % в 2020 г. и 12,9 % в 2021 г., а с 2022 г., наметилась тенденция к снижению, ее результатом стало снижение доли ТКИУ до 5,7 % в 2024 г. Аналогичная ситуация наблюдалась в секторе "прочие деловые услуги", их доля в 2024 г. снизилась до 15,4 % в сравнении с 25 % в 2020 г. и 23 % в 2016 г.

В импорте услуг на стабильном уровне остались транспортные услуги, их доля в 2016 г. составляла 16 %, в 2020 г. – 18 %, в 2022 г. – 20,3 %, в 2024 г. – 18,3 %. Поездки выросли с 32 % в 2016 г. до 47,7 % в 2024 г., снизившись в период пандемии в 2020 г. до 14 %. Увеличилась доля строительства с 5 % в 2016 г. до 8,2 % в 2024 г. Доли импорта ТКИУ и прочих деловых услуг снизились с 7 % и 23 % в 2016 г. до 4,8 % и 10,5 % в 2024 г. В ряде исследований подчеркивается роль массовой релокации IT-специалистов и капитала из России в страны Центральной Азии и вследствие этого переориентации потоков ТКИУ [7; 8].

Характеристика взаимной торговли услугами РФ со странами ЕАЭС

Статистика взаимной торговли услугами РФ со странами ЕАЭС и ЕАЭС (таблицы 3, 4) представлена ЕЭК до 2022 г.

Таблица 3 – Объемы взаимной торговли услугами РФ со странами ЕАЭС и ЕАЭС, млрд. долл.

Table 3 – Volumes of mutual trade in services between the Russian Federation and the EAEU countries, billion dollars

ЕАЭС, РФ/год	2015		2016		2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
ЕАЭС	8,7	100	8,0	100	9,1	100	9,8	100	10,2	100	7,4	100	8,9	100
РФ	4,4	50,6	3,7	46,3	4,2	46,2	4,7	48,0	5,3	52,0	4,1	55,4	5,1	57,3

Составлено и рассчитано автором по данным ЕЭК [12; 13; 14].

Таблица 4 – Приросты взаимной торговли услугами в ЕАЭС, %

Table 4 – Growth in mutual trade in services in the EAEU, %

Субъекты/год	2020/2019	2019/2015	2020/2015	2021/2015
ЕАЭС	-27,2	17,6	-14,3	3,0
РФ	-22,1	24,1	-5,5	16,6

Составлено и рассчитано автором по данным ЕЭК [12; 13; 14].

ЕАЭС оказался неэффективным в смягчении негативных последствий пандемии COVID-19 на внутрирегиональную торговлю [6]. Для РФ этот вывод оказался неверным. Как видно из таблицы 3, до 2022 г. положение РФ во взаимной торговле услугами со странами ЕАЭС оставалось стабильным: половина всей торговли услугами приходилось на РФ. В 2020 и 2021 гг. доля РФ во взаимной торговле была выше, чем в 2015 г. (50,6 %) и допандемийном 2019 г. (52 %). Это объясняется тем, что, во-первых, прирост в 2019 г. к 2015 г. для РФ оказался выше, чем для всех стран Союза вместе, и, во-вторых, страны ЕАЭС в целом пострадали от пандемии COVID-19 сильнее, чем РФ (таблица 4).

При этом удельный вес взаимной торговли на протяжении 2015-2021 гг. имел незначительный объем (таблица 5), главным образом потому, что страны ЕАЭС и в том числе РФ большую долю торговли услугами осуществляли с третьими странами.

Таблица 5 – Удельная доля взаимной торговли стран ЕАЭС в общей торговле услугами стран ЕАЭС, %

Table 5 – Specific share of mutual trade of the EAEU countries in the total trade in services of the EAEU countries, %

Субъекты/год	2015	2019	2020	2021
ЕАЭС	5,0	5,0	5,2	5,4
РФ	3,1	3,3	3,7	3,9

Составлено и рассчитано автором по данным ЕЭК [12; 13; 14; 15].

Торговля услугами между странами ЕАЭС осуществлялась крайне неравномерно (таблица 6). В 2021 г. только РФ имела устойчивые торговые связи со всеми странами ЕАЭС.

Таблица 6 – Распределение взаимной торговли услугами между странами ЕАЭС, 2021 г., млн. долл.

Table 6 – Distribution of mutual trade in services between the EAEU countries, 2021, million dollars

Страна-экспортер	Страна-импортер					Всего экспорт
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	РФ	
Армения	0	3	1	1	406	411
Беларусь	14	0	127	6	1861	2008
Казахстан	6	58	0	48	1086	1198
Кыргызстан	0	1	66	0	139	206
РФ	406	1920	2149	629	0	5104
Всего импорт	426	1981	2343	685	3492	8926

Источник: ЕЭК [12]¹.

Потенциал для развития торговли услугами РФ с другими странами ЕАЭС

Посредством индекса комплементарности², можно оценить положение РФ во взаимной торговле со странами ЕАЭС. В 2022 г. наиболее высокие значения индекса комплементарности услуг России наблюдались для Беларуси (78 %) и Казахстана (79 %), уровни комплементарности России с Арменией и Кыргызстаном в последние три года снижались, но по-прежнему оставались высокими: 58 % и 62 % [10]. Это говорит о наличии потенциала для развития и углубления взаимной торговли между РФ и другими странами Союза.

Одновременно обращается внимание на сохранение многочисленных ограничений для иностранных поставщиков услуг на российском рынке, которые могут быть проиллюстрированы через индекс STRI.³ В 2023 г. индекс STRI для России равнялся 0,48, в Казахстане – 0,33,⁴ а средний показатель STRI среди стран ОЭСР был равен 0,19 [10]. Следовательно, РФ отличается существенными

¹ Доклад "О состоянии взаимной торговли между государствами – членами ЕАЭС в 2021 году". С. 40.

² Индекс комплементарности услуг показывает степень взаимной дополняемости интегрирующихся стран. Он оценивает возможности доступа на рынок услуг конкретной страны. Диапазон значений индекса комплементарности находится в пределах от нуля до единицы. Чем ближе значение индекса к единице, тем более выгоден для страны – экспортера услуг этот показатель [10].

³ Анализирует фактические данные ограничений в сфере торговли услугами в 22 ключевых отраслях. Этот индекс позволяет оценить действующее законодательство в области услуг и лицензирования, определяя наличие избыточных барьеров для торговли, и дает объективную оценку открытости или ограниченности рынка. STRI включает два значения – 0 и 1, где 0 – полностью открытый рынок услуг, 1 – полностью закрытый [10].

⁴ Для остальных стран ЕАЭС расчеты индекса не производятся.

ограничениями, которые сдерживают развитие торговли услугами, в том числе взаимной.

Заключение

Развитие торговли услугами РФ со странами ЕАЭС – это длительный процесс, на который влияют институционально-организационные аспекты реализации евразийской интеграции, различия в экономических потенциалах стран участниц ЕАЭС, а также экзогенные шоки, вызванные пандемией COVID-19 и СВО, начавшейся в 2022 г.

Большая доля объема внешней торговли услугами ЕАЭС приходится на РФ. Объем внешней торговли услугами РФ сократился с 80 % в 2015 г. до 68 % в 2024 г., но по-прежнему остается самым большим в ЕАЭС. Развитие внешней торговли услугами РФ и ЕАЭС с 2015 г. по 2021 г. происходило равномерно. Наиболее заметные изменения во внешней торговле услугами РФ происходили в 2022 г., когда наблюдались разные темпы прироста торговли услугами в ЕАЭС и РФ. Анализ структуры экспорта и импорта услуг РФ показывает, что наибольшие изменения произошли в секторах "поездки", "строительство", "ТКИУ", "прочие деловые услуги".

Анализ взаимной торговли услугами между странами ЕАЭС ограничен статистическими данными, представленными до 2022 г. В 2015-2021 гг. большая доля взаимной торговли услугами в ЕАЭС приходилась на РФ. Удельный вес взаимной торговли РФ в общей торговле услугами на протяжении 2015-2021 гг. оставался небольшим, что объясняется ориентацией в торговле услугами на третьи страны, и имел незначительный рост. В период пандемии взаимная торговля услугами в РФ пострадала меньше, чем в ЕАЭС в целом, а в 2021 г. восстанавливалась быстрее. Из всех стран ЕАЭС только РФ имела устойчивые торговые связи с другими странами ЕАЭС.

Анализ индекса комплементарности показывает наличие потенциала для развития взаимной торговли между РФ и странами ЕАЭС в будущем. Значения индекса STRI для РФ свидетельствуют о существовании ограничений для иностранных поставщиков услуг. Следовательно, либерализация российского рынка услуг может стать основанием для роста внешней торговли услугами.

Список источников

1. Еликбаев К., Андропова И. Пять лет единому рынку услуг ЕАЭС: некоторые итоги // Современная Европа. 2021. № 2. С. 99-110. DOI: 10.15211/soveurope2202199110.
2. Шкутько О. Н. Единый рынок услуг ЕАЭС: необходимость и проблемы формирования // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 1 (13). С. 112-123. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-112-123.

3. Ищенко Н. Г. Свобода предоставления услуг, свобода учреждения и свобода движения рабочей силы в праве Евразийского экономического союза // Международное право и международные. 2024. № 3. С. 37-50. EDN: UQALRK. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.3.33900.

4. Михалева Т. Н., Берман А. М. Единый рынок Евразийского экономического союза: de jure, de facto, de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 673–688. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688.

5. Ворникова Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: монография. М.: Юстицинформ, 2024. 248 с.

6. Arapova E. Exploring Regional Integration Resilience in the Context of COVID-19. International Trends / Mezhdunarodnye protsessy. 2023;21(3):50-68. DOI: 10.17994/2023.21.3.74.3.

7. Додонов В. Ю. Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 47–62. EDN: KDYKHE. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-47-62.

8. Рахмонов А. Х. Вынужденная эмиграция из России 2022: потенциал российских IT-специалистов для центральноазиатских стран-участниц СНГ // Вестник университета. 2023. № 7. С. 162–170. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170.

9. Вызовы и перспективы Евразийской интеграции в условиях особой геополитической ситуации. ВЭБ РФ. Институт исследований и экспертизы. под. ред. А. Н. Клепача. 2022. URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/828/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8~.pdf> (дата обращения 30.12.2025).

10. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". Институт торговой политики. Хронология публикации Докладов. URL: <https://tradepol.hse.ru/2025> (дата обращения 25.12.2025).

11. Экспорт и импорт услуг. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/express/express_ex_im_services.php (дата обращения 09.12.2025=6).

12. Доклады о состоянии взаимной торговли между государствами – членами ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/analytics/tradereport.php (дата обращения 30.12.2025).

13. Архив статистического бюллетеня Экспорт и импорт услуг. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/arkhiv-sbornika.php (дата обращения 19.12.2025).

14. Статистические сборники. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/ (дата обращения 19.12.2025).

15. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/fin_stat/time_series/balance.php (дата обращения 10.01.2026).

16. Кондратьева Н. Б. Единый внутренний рынок европейского союза на 30-летнем рубеже: достижения и новые вызовы // Научные труды ВЭО России. 2024. 248 т. С. 220-228. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-220-228.

17. Barnard C. The Substantive Law of the EU. 3rd ed. Oxford University Press, 2010. 674 p.

18. Вызовы и перспективы евразийской интеграции. Доклад Института развития интеграционных процессов ВABT и Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ / под ред. А. Н. Клепача. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2020. 54 с.

19. Большова Н. Н. Торговля услугами и перспективы общего рынка услуг в ЕАЭС // Международная аналитика. 2018. № (3). С. 71–81. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-71-81.

References

1. Elikbaev, K., Andronova I. Five years of the EAEU single services market: some results // Modern Europe. 2021. No. 2. P. 99–110. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope2202199110.

2. Skut'ko O. N. Single market of services of the EAEU: necessity and problems of formation // International trade and trade policy. 2018. No 1 (13). P. 112–123. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-112-123.

3. Ishhenko, N. G. Freedom to provide services, freedom of establishment and freedom of movement of labor in the law of the Eurasian Economic Union // International law and international organizations. 2024. No. 3. P. 37-50. (In Russ.). EDN: UQALRK. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.3.33900.

4. Mihaleva, T. N., Berman, A. M. Single market of the Eurasian Economic Union: de jure, de facto, de lege ferenda // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 4. P. 673–688. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688.

5. Vornikova, E. D. Legal regulation of foreign trade in services in the digital economy: monograph. M.: Justicinform. 2024. 248 p. (In Russ.).

6. Arapova E. Exploring Regional Integration Resilience in the Context of COVID-19. International Trends / Mezhdunarodnye protsessy. 2023;21(3):50-68. DOI: 10.17994/2023.21.3.74.3.

7. Dodonov, V. J. Factors driving ICT services exports: the case of Kazakhstan // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 18, No. 2. P. 47–62 (In Russ.). EDN: KDYKHE. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-47-62.

8. Rakhmonov A. Kh. Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists' potential for Central Asian CIS member countries. Vestnik Universiteta. 2023. No. 7. P. 162–170. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170.

9. Challenges and Prospects of Eurasian Integration in the Context of a Special Geopolitical Situation. VEB RF. Institute for Research and Expertise. ed. by A. N. Klepach. 2022. URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/828/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8~.pdf> (accessed 30.12.2025). (In Russ.).
10. National Research University Higher School of Economics. Institute of Trade Policy. Chronology of publication of Reports. URL: <https://tradepol.hse.ru/2025> (date of access 25.12.2025). (In Russ.).
11. Export and import of services. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/express/express_ex_im_services.php (accessed 09.12.2025=6). (In Russ.).
12. Reports on the state of mutual trade between the EAEU member states. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/analytics/tradereport.php (accessed 30.12.2025). (In Russ.).
13. Archive of the statistical bulletin Export and Import of Services. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/arkhiv-sbornika.php (accessed 19.12.2025). (In Russ.).
14. Statistical compilations. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/ (accessed 19.12.2025). (In Russ.).
15. Balance of payments, international investment position and external debt. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/fin_stat/time_series/balance.php (accessed 10.01.2026). (In Russ.).
16. Kondratieva, N. B. The Single Internal Market of the European Union at the Thirty-Year Mark: Achievements and New Challenges // Scientific Works of the VEO of Russia. 2024. Vol. 248 volumes. P. 220-228. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-220-228.
17. Вызовы и перспективы евразийской интеграции. Доклад Института развития интеграционных процессов ВАВТ и Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ / под ред. А. Н. Клепача. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2020. 54 с.
18. Bolshova, N. N. Prospects of the EAEU Single Services Market // Journal of International Analytics. 2018. No. 3. P. 71–81. (In Russ.). DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-71-81.

Информация об авторе

В. В. Мосейко — канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

V. V. Moseiko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaliningrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 56-69.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 56-69.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-56-69

Территориальные и продуктовые особенности производства потребительских товаров на Северо-Западе России¹

Инна Ричардовна Чеплинските

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

inna.cheplynskite@mail.ru

Аннотация. Стимулирование потребительского спроса является одним из резервов роста экономики страны. Большое значение имеет удовлетворение спроса населения посредством производства потребительских товаров и услуг не только на страновом, но и на региональном уровне. Цель исследования заключается в изучении особенностей производства потребительских товаров на Северо-Западе России. Задачи исследования: провести анализ динамики изготовления потребительских товаров в округе, а также изучить его территориальную и продуктовую структуру. Методический аппарат включает статистический анализ, сравнение и обобщение, информационную базу составляют данные Росстата. Динамика выпуска обозначенного сектора, в том числе в разрезе трех агрегированных групп, рассмотрена в период с 2019 по 2024 гг. Установлено, что в СЗФО значение показателя увеличивается, самые высокие результаты демонстрирует группа непродовольственных товаров. Рассмотрен

© Чеплинските И. Р., 2026.

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР FMGZ-2025-0012 "Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз".

выпуск в территориальном разрезе. Изучена продуктовая структура производства потребительских товаров как сектора в целом, так и каждой агрегированной группы в частности, определены категории продукции, изготавливаемые в наибольшем и наименьшем объеме, приведены тенденции их выпуска в регионах Северо-Запада России.

Ключевые слова: потребительские товары, Северо-Западный федеральный округ, продовольственные товары, непродовольственные товары, услуги.

Для цитирования: Чеплинская И. Р. Территориальные и продуктовые особенности производства потребительских товаров на Северо-Западе России // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 56-69. [https://doi.org/ 10.46845/2073-3364-2026-0-1-56-69](https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-56-69).

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Territorial and product features of the production of consumer goods in the North-West of Russia

Inna R. Cheplinskite

Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences

inna.cheplinskite@mail.ru

Abstract. Stimulating consumer demand is one of the reserves for the growth of the country's economy. Meeting the demand of the population through the production of consumer goods and services is of great importance not only at the country level, but also at the regional level. The purpose of the study is to study the specifics of the production of consumer goods in the North-West of Russia. Research objectives: to analyze the dynamics of consumer goods production in the district, as well as to study its territorial and product structure. The methodological framework includes statistical analysis, comparison and generalization. The dynamics of the output of the designated sector, including in the context of three aggregated groups, was reviewed in the period from 2019 to 2024. It is established that in the Northwestern Federal District the value of the indicator is increasing, the highest results are demonstrated by the group of non-food products. The issue is considered in the territorial context. The product structure of consumer goods production in the sector as a whole and in each aggregated group in particular is studied, the categories of products manufactured in the largest and smallest volumes are identified, and the trends in their production in the regions of Northwestern Russia are shown.

Key words: consumer goods, Northwestern Federal District, food products, non-food products, services.

For citation: Cheplinskite I. R. Territorial and product features of the production of consumer goods in the North-West of Russia // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):56-69. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-56-69>.

Введение. Удовлетворение постоянно растущих потребностей населения представляет собой конечную цель функционирования экономической системы. В связи с этим потребительский спрос, под которым подразумевается совокупность отраслей по производству товаров и услуг для населения, выступает

объектом стратегического планирования государства [1]. Потребительский сектор является одним из основных источников восстановления экономики страны в условиях кризиса, способствует ее развитию, что особенно важно в современных геополитических условиях. Вместе с тем требуется формирование оптимального объема производства потребительских товаров, способных в полной мере удовлетворить спрос со стороны населения. Для этого необходимо в первую очередь учитывать текущее состояние названного сектора, а также тенденции его функционирования в отраслевом и территориальном разрезе.

В связи с обозначенным выше целью настоящего исследования заключается в изучении особенностей производства потребительских товаров в СЗФО. Достижение цели исследования требует выполнения следующих задач:

- проанализировать динамику производства потребительских товаров в СЗФО;
- изучить территориальную и продуктовую структуру производства товаров и услуг обозначенного сектора Северо-Запада России.

Объект исследования – экономика СЗФО, предмет – производство потребительских товаров в округе. Исследование производилось с использованием таких методов, как статистический анализ, сравнение и обобщение. Информационная база исследования включает данные Росстата, а также исследования в области анализа конечного потребления домохозяйств и производства потребительских товаров.

Теоретические предпосылки исследования. Потребительские товары или товары народного потребления представляют собой продукцию, продаваемую населению и служащую для удовлетворения его потребностей. Их отличительной особенностью является предназначение для личного пользования, а не получение коммерческой прибыли или достижения каких-либо иных целей [2].

В контексте потребительских товаров в научной среде широкое распространение получило исследование конечного потребления домохозяйств. Последнее называется одной из ключевых предпосылок перехода на модель устойчивого экономического развития страны [3]. Конечное потребление домохозяйств определяет общенациональную динамику, его падение стало основным фактором спада ВВП страны в 2015 г. [4], при этом стимулирование внутреннего потребительского спроса является резервом роста экономики, так как оно способно нивелировать негативные внешние воздействия, вызванные нестабильностью на экспортном рынке [5; 6].

В работах отечественных исследователей изучаются факторы, оказывающие влияние на конечное потребление. К таковым относятся: реальные доходы населения и их структура, динамика потребительских цен на продовольственные и непродовольственные товары, платные услуги и др. [6]. Бюджетные трансферты как один из факторов, определяющих конечное потребление, имеет двоякое влияние: с одной стороны государство увеличивает

доходы домохозяйств посредством различных выплат, с другой стороны – влияет на расходы через финансирование предоставляемых населению услуг. [7].

Исследование данной тематики на региональном уровне произведено для Ульяновской области [2]. В нем изучается динамика изготовления продовольственных товаров и возможности импортозамещения в основных группах пищевой продукции. Кроме того, проведен анализ потребления на уровне муниципалитетов на территории Республики Мордовия [8].

Регулирование производства потребительских товаров, его стабилизация требует использования комплексного подхода, иными словами, выпуск данной продукции должен находиться в неразрывной взаимосвязи и зависимости от удовлетворения спроса покупателей. Для выполнения данного условия разрабатываются балансовые методики регулирования производства потребительских товаров, в которых предложение продукции увязывается с потребностью в них [9]. Авторская методика учитывает существующий дисбаланс в товарах, последний используется в ограничениях оптимизационной модели производства.

Таким образом, исследователями анализируется динамика и структура производства потребительских товаров главным образом на уровне страны, реже – на региональном и макрорегиональном. Данное исследование направлено на конкретизацию и выявление особенностей производственного процесса в обозначенном секторе в СЗФО.

Методология исследования. В рамках данного исследования в целях анализа производства потребительских товаров последние объединены в несколько категорий. Их агрегация осуществлялась на основе синергии двух подходов. Первый из них содержится в Классификаторе индивидуального потребления домашних хозяйств по целям (КИПЦ-ДХ)¹, второй соответствует классификации потребительских расходов домохозяйств по группам и товарам услуг. Их соотношение представлено на рисунке 1.

В результате были получены три большие группы потребительских товаров: продовольственные и непродовольственные товары, а также услуги. Наполнение каждой из групп будет рассмотрено в аналитической части. При анализе их производства использовались данные об объеме отгруженных товаров в период с 2019 по 2024 гг. в ценах 2024 г.

¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 5 апреля 2017 г. N 226 "Об утверждении Методологических положений по формированию агрегированных показателей доходов, расходов и потребления домашних хозяйств на основе программы Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств".

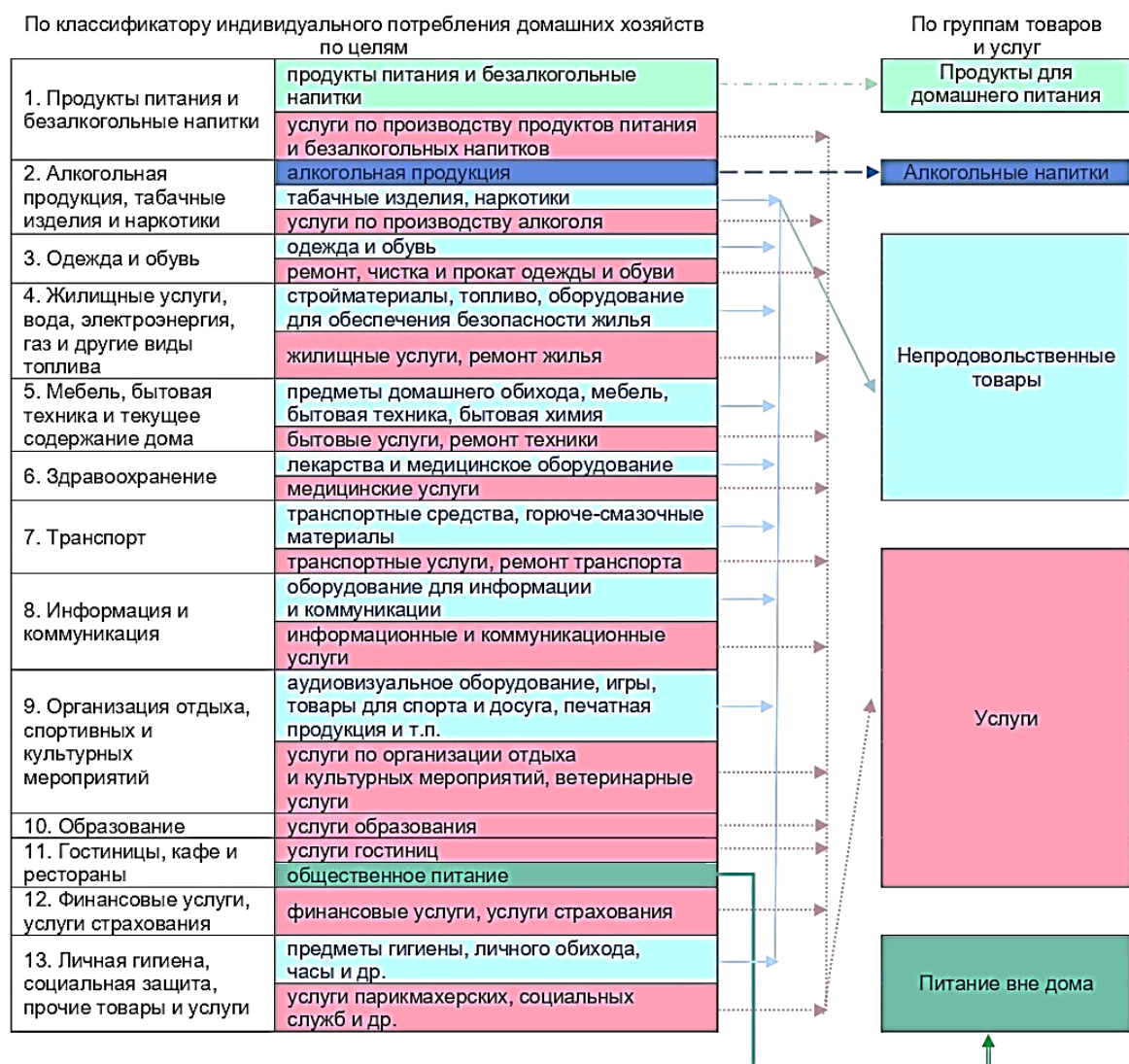

Рисунок 1 – Классификация потребительских расходов домохозяйств

Figure 1 – Classification of household consumer spending

Источник: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области в 2023 году. Статистический бюллетень.

Результаты исследования. Производство потребительских товаров в Северо-Западе России в период с 2019 по 2024 гг. характеризуется в целом положительной динамикой. В совокупности по всем группам отмечается рост выпуска в 2,4 раза (таблица 1), однако изменение показателя неравномерно. Рост, длившийся вплоть до 2021 г., сменяется снижением в 2022 г., что обусловлено общим спадом промышленного производства ввиду санкционных ограничений [10]. Впоследствии вновь фиксируется его увеличение, причиной чего является постепенное восстановление экономики округа. Кроме того, нарастающее санкционное давление оказало стимулирующее воздействие на промышленность страны [11]. В разрезе отдельных групп товаров сложилась схожая ситуация: в 2024 г. по сравнению с 2019 г. фиксируется рост производства. Максимум достиг выпуск непродовольственных товаров (рост в 4,5 р.), минимум прироста

характерен для группы продовольственных товаров (+22,9 %), однако в последней увеличение показателя наблюдается в течение всего периода исследования.

Таблица 1 – Динамика производства потребительских товаров СЗФО в 2019–2024 гг. (в постоянных ценах 2024 г.), млрд. руб.

Table 1 – Dynamics of consumer goods production in the Northwestern Federal District in 2019-2024 (at constant prices in 2024), billion rubles.

№	Группа товаров	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2019, %
1.	Продовольственные	1013,8	1024,5	1128,2	1155,8	1173,3	1246,1	122,9
2.	Непродовольственные	2277,9	2410,3	2767,4	1678,1	1740,7	10224,9	в 4,5 р.
3.	Услуги	3271,7	3261,9	3805,9	3641,7	3812,6	4024,0	123,0
	Всего	6562,7	6660,2	7567,5	6289,8	6620,6	15495,0	В 2,4 р.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Потребительские товары на Северо-Западе России производятся главным образом предприятиями Санкт-Петербурга. На обозначенный регион приходится более половины от общего объема выпуска данного сектора (59,7 %; рисунок 2). За ним следуют два региона, которые занимают долю в почти четверть от суммарной отгрузки округа. Это Ленинградская область на втором месте (18,3%) и Калининградская на третьем (7,7 %). На оставшиеся субъекты СЗФО в совокупности приходится всего 14,3 %, среди них наименьшая доля характерна для Ненецкого автономного округа (0,2 %).

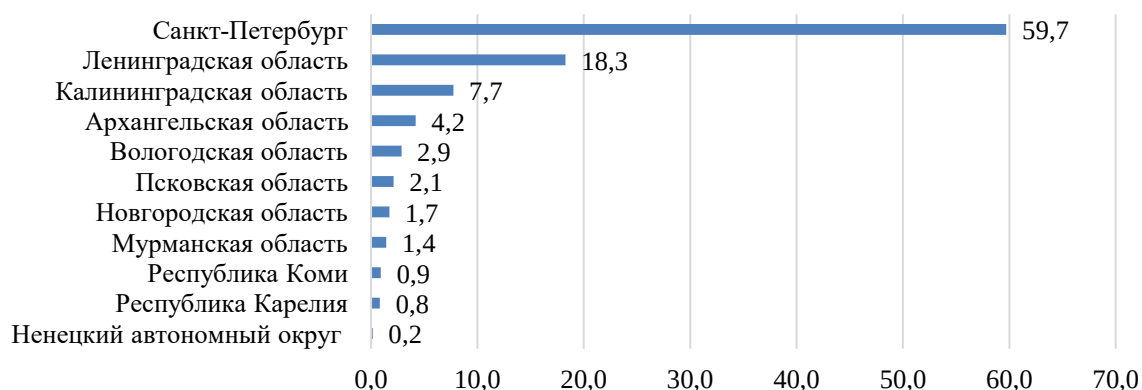

Рисунок 2 – Территориальная структура производства потребительских товаров СЗФО в 2024 г., % к итогу

Figure 2 – Territorial structure of consumer goods production in the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В продуктовой структуре потребительских товаров среди трех агрегированных групп в Северо-Западе России преобладает группа непродовольственных товаров. В 2024 г. на ее долю пришлось 66 % от общего объема отгрузки данного сектора (таблица 2). За ней следует группа услуг (26 %), наименьшей долей, а именно 8 %, характеризуется группа продовольственных товаров. В течение большей части периода исследования

иерархия трех групп оставалась неизменной, однако в 2024 г. произошли значительные трансформации. Ранее первенство приходилось на услуги, но за последний год их доля в структуре потребительских товаров сократилась на 29,9 %, уменьшение показателя также характерно для продовольственных изделий, а доля занимавшей второе место группы, непродовольственных товаров, наоборот возросла почти на 40 %.

Таблица 2 – Динамика структуры потребительских товаров СЗФО в 2019–2024 гг., %

Table 2 – Dynamics of the structure of consumer goods in the Northwestern Federal District in 2019-2024., %

№	Группа товаров	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2019
1.	Продовольственные	15,5	15,4	15,0	18,3	17,6	8,0	-7,5
2.	Непродовольственные	34,6	36,1	36,3	26,8	26,5	66,0	31,4
3.	Услуги	49,9	48,5	48,7	54,9	55,9	26,0	-23,9

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Продуктовая структура потребительских товаров в разрезе регионов СЗФО достаточно неравномерна. Так, в семи регионах, как и в целом в округе, преобладает группа непродовольственных товаров. Среди них максимальной долей характеризуются Архангельская и Ленинградская области (78,0 и 76,3 % соответственно; рисунок 3). Минимум отмечается в Республике Коми (7,7 %) и Ненецком автономной округе (8,0 %). Вместе с тем в четырех регионах Северо-Запада России преобладает группа услуг. Особенно среди них выделяются Ненецкий автономный округ (88,3 % от общего объема отгрузки данного сектора), где слабо представлено материальное производство в целом, а также Республика Коми (86,9 %). Продовольственные товары среди регионов СЗФО наибольшую долю занимают в Калининградской и Псковской областях (25,3 и 21,9 %).

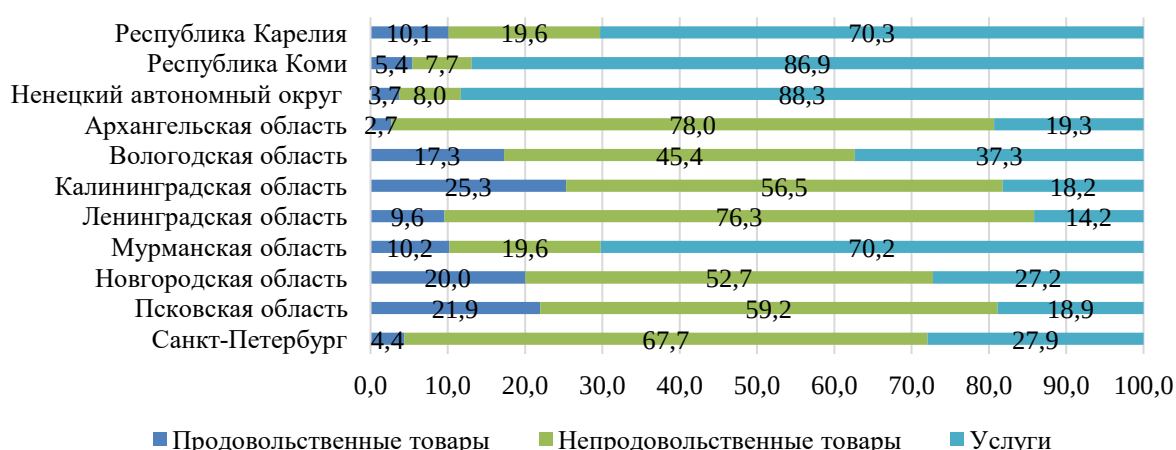

Рисунок 3 – Соотношение групп потребительских товаров регионов СЗФО в 2024 г., % к итогу

Figure 3 – The ratio of consumer goods groups in the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рассмотрим более подробно структуру потребительских товаров по трем основным группам.

Производство товаров группы продовольственной продукции распределено неравномерно среди регионов СЗФО. На три региона, Санкт-Петербург, Калининградскую и Ленинградскую области, приходится 78,9 % от общего объема отгрузки (рисунок 4). Наименьший вклад вносят Ненецкий автономный округ, доля которого в производстве продовольственной продукции составляет всего 0,1 %, и Республика Коми (0,6 %).

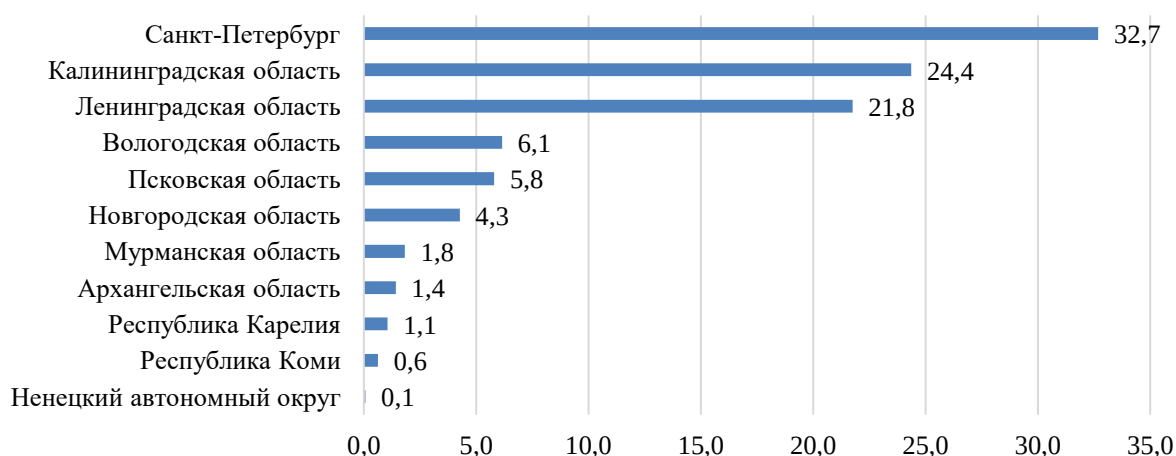

Рисунок 4 – Территориальная структура производства продовольственной продукции в СЗФО в 2024 г., % к итогу

Figure 4 – Territorial structure of food production in the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Ключевые продукты питания, выпускаемые регионами Северо-Запада России, включают мясную продукцию, растительные и животные масла и жиры, а также молоко и молочные изделия. Мясо и мясные изделия в наибольшем объеме производятся Калининградской и Псковской областями, для последней данная отрасль является одной из специализаций, при этом СЗФО занимает второе место в стране по потреблению мяса¹. Большая часть растительных и животных масел и жиров в округе, а именно 95,2 %, также производятся в Калининградской области. В выпуске молочной продукции лидируют Вологодская область и Санкт-Петербург (29,4 и 28,7 % от общего объема выпуска товаров в СЗФО соответственно). На Вологодчине наблюдается рост производства молока, за девять месяцев 2024 года оно увеличилось на 5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Определяющим фактором здесь стала реализация инвестиционных проектов в молочной отрасли².

¹ Северо-Западный федеральный округ оказался на втором месте по поеданию мяса. URL: <https://informpskov.ru/news/462595.html> (дата обращения: 10.11.2025).

² В Вологодской области увеличили объем производства молока на 4,9% с начала года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22094801> (дата обращения: 10.11.2025).

Группа продовольственной продукции включает две категории товаров: пищевые продукты и напитки. Первые преобладают во всех регионах округа. Их доля изменяется в интервале от 56,7 % в Республике Коми, 61,3 % в Архангельской области, 71,4 % в Санкт-Петербурге. В остальных регионах доля производства пищевых продуктов в пределах 92-99,3 % (рисунок 5). Вторую категорию составляют напитки. В большинстве регионов их доля не превышает 10 %, однако в уже упомянутой выше Республике Коми она составляет более 40 %, близким значением характеризуется Архангельская область (38,7 %).

Рисунок 5 – Структура группы продовольственных потребительских товаров СЗФО в 2024 г., % к итогу

Figure 5 – The structure of the group of food consumer goods of the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Следующая агрегированная группа – непродовольственные товары. Ее отличает более сложный состав, представленный продукцией ряда отраслей промышленности, таких как, например, машиностроение, химический комплекс, пищевая, текстильная промышленность и др. В СЗФО в целом преобладает производство транспортных средств (34,9 %; рисунок 6), компьютеров и электронных изделий (22,7 %), а также алкогольной и табачной продукции (14,4 %).

Производство транспортных средств преобладает в пяти регионах Северо-Запада. В наибольшей степени здесь выделяется Архангельская область, в которой доля транспорта в продуктовой структуре непродовольственных потребительских товаров в 2024 г. достигла 93,4 %. За ней следуют Мурманская и Калининградская области. Доля данной категории в них уступает лидирующему региону на 28 и 32 % соответственно, однако она по-прежнему велика, на нее в обоих случаях приходится больше половины выпуска. Транспортные средства занимают второе место в структуре производства непродовольственных товаров в Вологодской области и Санкт-Петербурге (в обоих случаях первенство принадлежит компьютерным и электронным изделиям; рисунок 6), а также в Псковской области (доля транспортных средств уступает производству мебели и

бытовой техники). Другой широко распространенной категорией являются компьютеры и электронные изделия. Они производятся практически всеми субъектами округа за исключением Ненецкого автономного округа. Их доля колеблется в интервале от 0,5 % в Республике Коми до 31,7 % в Санкт-Петербурге. Стоит сделать оговорку о том, что максимальной долей в объеме отгрузки компьютерных и электронных изделий характеризуется Вологодская область 62 %, однако такое большое значение обеспечивается производством оптических изделий для нужд ВПК. Наименее распространенными товарами, помимо категории прочих товаров, являются табачные изделия. Несмотря на то, что их доля в СЗФО достаточно велика (14 %), в семи регионах их производства отсутствуют, а высокие результаты округа обеспечиваются Ленинградской областью и Санкт-Петербургом.

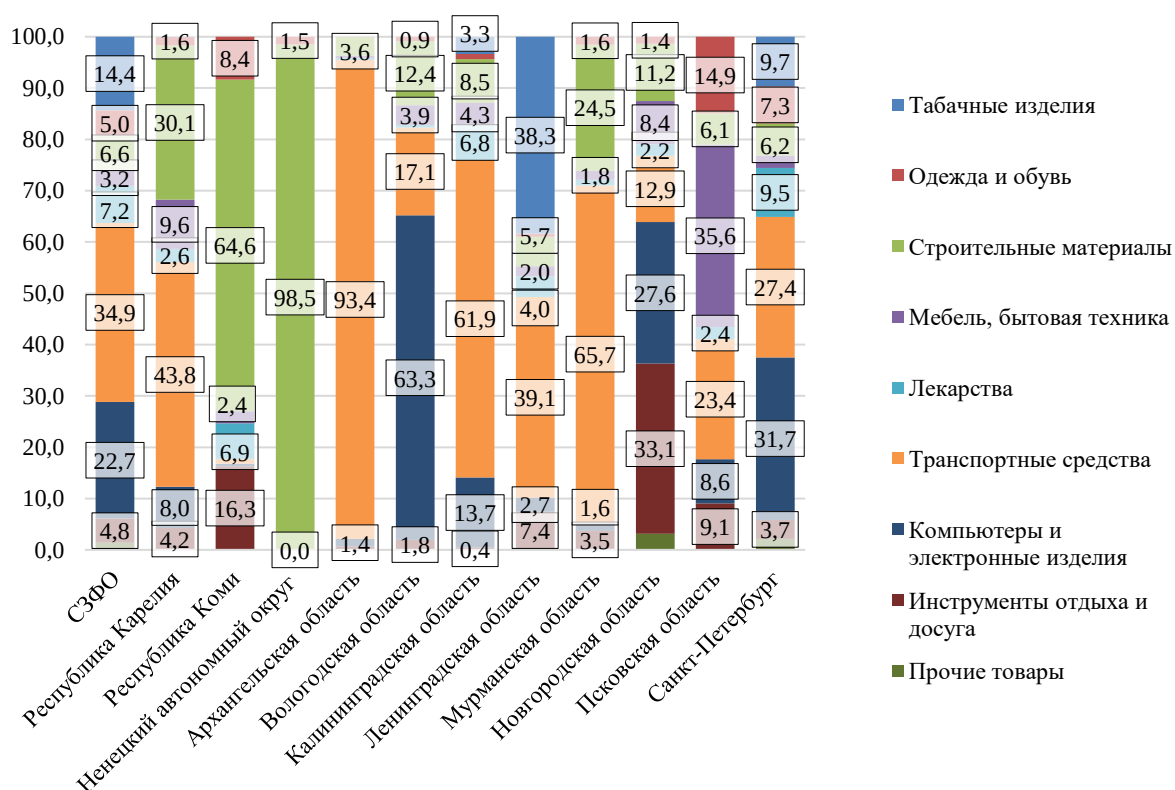

Рисунок 6 – Структура группы непродовольственных потребительских товаров СЗФО в 2024 г., % к итогу

Figure 6 – The structure of the group of non-food consumer goods of the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Третью группу формируют услуги. Лидирующие позиции как в СЗФО в целом, так и в большинстве его регионов в частности, занимают жилищные услуги. В данную категорию включено обеспечение электроэнергией, газом, водоснабжение и водоотведение. В общем по Северо-Западу доля жилищных услуг составляет 27,1 % (рисунок 7). Второе место занимают услуги в области информации и связи (23,1 %), за ними следуют транспортные услуги (21,5 %).

Наименьшей долей, практически равной нулю, характеризуются финансовые и страховые услуги, также малое значение показателя отмечается в прочих социальных услугах (0,2 %).

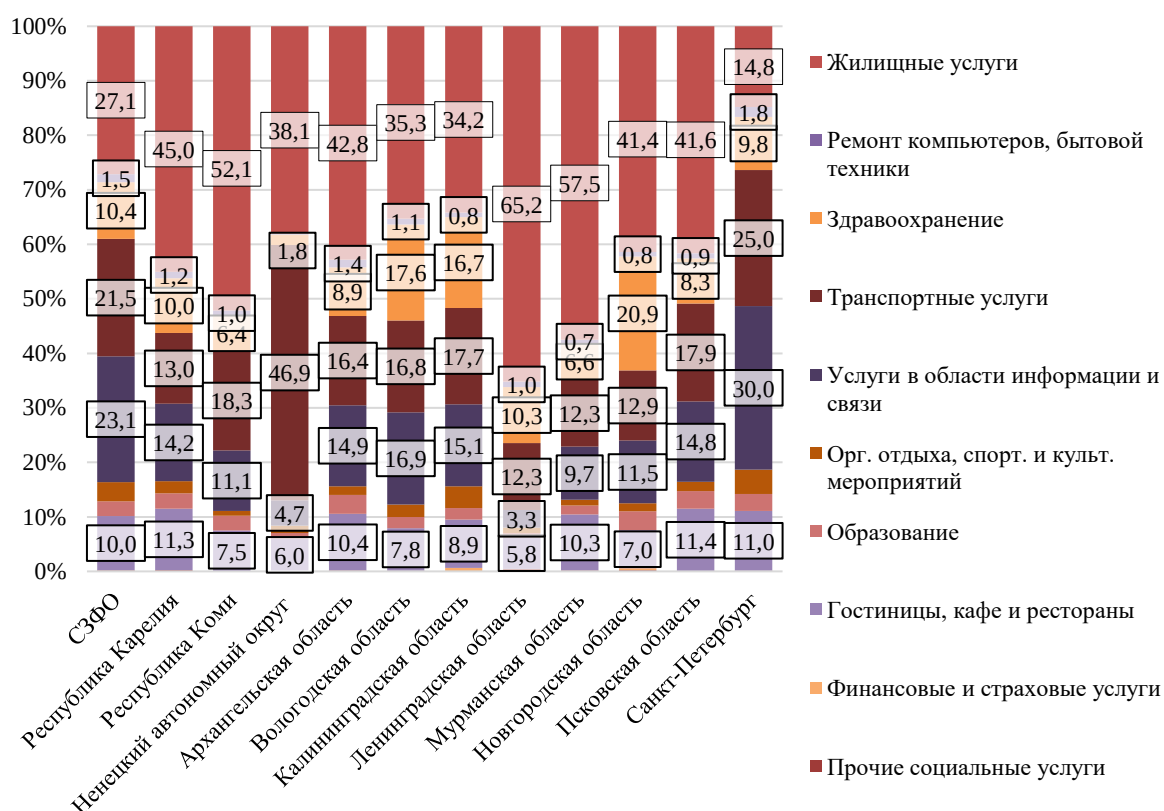

Рисунок 7 – Структура потребительских услуг СЗФО в 2024 г., % к итогу
Figure 7 – The structure of consumer services in the Northwestern Federal District in 2024, % of the total

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Как уже было отмечено выше, в большинстве регионов, а именно в девяти, СЗФО преобладают жилищные услуги. Максимальная доля данной категории наблюдается в Ленинградской области 65,2 %. Наименьшей долей характеризуется Санкт-Петербург (14,8 %), специализирующийся в большей степени на предоставлении услуг в области информации и связи. Второй по значимости категорией являются транспортные услуги. Наибольшее значение она имеет для Ненецкого автономного округа (46,9 %), большим весом обладает в Санкт-Петербурге, Псковской и Калининградской областях. За ней следуют услуги в области информации и связи, а также здравоохранение. Наименьшими долями в структуре потребительских услуг характеризуются финансовые услуги, присутствующие всего в трех регионах СЗФО – Новгородской (20,9 %), Вологодской (17,6 %) и Калининградской (16,7 %) областях.

Заключение. Таким образом, в рамках настоящего исследования проведен анализ территориальных и структурных особенностей производства потребительских товаров в регионах Северо-Запада России. За последние шесть

лет в округе наблюдается рост производства продукции изучаемого сектора. Такая ситуация сложилась и в трех входящих его состав агрегированных группах. Среди последних наибольшими темпами роста показателя отличаются непродовольственные товары.

Производство потребительских товаров в СЗФО характеризуется неравномерным территориальным распределением, отмечается его концентрация в нескольких регионах, прежде всего в Санкт-Петербурге. Наименьший вклад вносит Ненецкий автономный округ.

В последние годы наблюдается структурный сдвиг в сторону увеличения доли непродовольственных товаров. На их выпуске в большей степени специализируются Архангельская и Ленинградская области. На протяжении длительного времени лидирующую позицию занимала группа услуг. Ее доля в структуре производства снизилась, однако она по-прежнему имеет большое значение для регионов Северо-Запада России, особенно для Ненецкого автономного округа и Республики Коми. На третьем месте находится группа продовольственных товаров, флагманами в которой являются Калининградская и Псковская области.

В ходе исследования изучена продуктовая структура производства каждой агрегированной группы товаров. Так, в выпуске продовольственных товаров преобладают пищевые продукты. Основные результаты здесь обеспечиваются Санкт-Петербургом, Ленинградской и Калининградской областью. В изготовлении отдельных категорий товаров первенство принадлежит другим регионам СЗФО, например, Псковской области в производстве мяса и мясных изделий, Вологодской области в выпуске молочной продукции. Вторая и третья группы имеют более сложную структуру. Непродовольственные товары включают продукцию ряда отраслей обрабатывающей промышленности, наибольшим удельным весом среди них характеризуются транспортные средства, строительные материалы, а также компьютерные и электронные изделия. В группе потребительских услуг преобладают жилищные услуги, занимающие первое место как в СЗФО в целом, так и в девяти регионах округа. Большое значение также имеют услуги в области информации и связи, транспортные услуги.

Список источников

1. Потапов И. С., Михайлова Л. В. Стратегическое планирование развития потребительского сектора Российской экономики // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12(42). С. 349-353.

2. Волкова Е. А., Чурашкина А. В., Филиппова Ю. Анализ производства товаров народного потребления, продовольственные товары и импортозамещение в Ульяновской области // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2023. № 1(101). С. 59-69.

3. Котенкова С. Н. Личное потребление как инструмент устойчивого экономического роста страны // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 236-246.

4. Михеева Н. Н. Исходные условия для формирования новой модели экономического роста: пространственный аспект // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. Т. 14. С. 586-605.

5. Palley T. Domestic demand-led growth: a new paradigm for development. This Paper was Presented at the Alternatives to Neoliberalism Conference Sponsored by the New Rules for Global Finance Coalition, May 23–24, 2002. Pp. 1–12.

6. Леонидова Е. Г. Факторы конечного потребления домашних хозяйств в регионе // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. С. 5. DOI 10.15838/tdi.2020.5.55.5.

7. Анимица П. Е. Влияние бюджетных трансфертов на конечное потребление домохозяйств региона (на примере субъектов Уральского федерального округа) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2014. № 3. С. 40-50.

8. Земскова Е.С., Колосков Д.А. Деформация структуры конечного потребления как препятствие экономического роста (на примере Республики Мордовия) // Наукoведение. 2017. № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf>

9. Спанова Б. Ж. Балансовые модели процессов регулирования производства товаров народного потребления // Труды университета. 2001. № 1. С. 100-101.

10. Широкова Е. Ю., Лукин Е. В. Функционирование производственного сектора экономики Северо-Запада России в 2022-2023 годах: ожидания и реальность // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 44-63. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.4.

11. Широкова Е. Ю., Лукин Е. В. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение трансформации? // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 4. С. 10-29. DOI 10.15838/ptd.2024.4.132.2.

References

1. Potapov I. S., Mihajlova L. V. Strategic planning of the development of the consumer sector of the Russian economy // Social studies and social psychology. 2022;12(42):349-353. (In Russ.).

2. Volkova E. A., CHurashkina A. V., Filippova YU Analysis of the production of consumer goods, food products and import substitution in the Ulyanovsk region // Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University. 2023;1(101);59-69. (In Russ.).

3. Kotenkova S. N. Personal consumption as a tool of stable economic growth of the country // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010;152(4):236-246. (In Russ.).

4. Mikheeva N. N. Initial conditions for the formation of a new model of economic growth: the spatial aspect // Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the RAS. 2016;14:586-605. (In Russ.).

5. Palley T. Domestic demand-led growth: a new paradigm for development. This Paper was Presented at the Alternatives to Neoliberalism Conference Sponsored by the New Rules for Global Finance Coalition, May 23–24, 2002;1–12.

6. Leonidova E. G. Factors of households' final consumption in the region // Territorial development issues. 2020;8(5):5. DOI 10.15838/tdi.2020.5.55.5 (In Russ.).

7. Animitsa P. E. The impact of budget transfers on the final consumption of households in the region (on the example of the subjects of the Ural Federal District) // Ars Administrandi (Art of Management). 2014;3:40–50. (In Russ.).

8. Zemskova E. S., Koloskov D. A. Deformation of the structure of final consumption as an obstacle to economic growth (on the example of the Republic of Mordovia) // Naukovedenie. 2017;6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf> (in Russ.).

9. Spanova B. J. Balance models of the processes of regulating the production of consumer goods // Proceedings of the University. 2001;1:100–101. (In Russ.).

10. Shirokova E. Yu., Lukin E. V. Functioning of manufacturing sector of the north-west Russian economy in 2022–2023: Expectations and reality // Problems of Territory's Development. 2023;27(6):44–63. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.4 (In Russ.).

11. Shirokova E. Yu., Lukin E. V. Manufacturing sector of the economy of North-West Russia: Is it continuing transformation? // Problems of Territory's Development. 2024;28(4):10–29. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.2 (In Russ.).

Информация об авторе

И. Р. Чеплинские – младший научный, сотрудник центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития ВолНЦ РАН.

Information about the author

I. R. Cheplinskite – Junior Research at the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 30.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.242.2:004.9

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-70-82

Особенности развития механизмов регулирования особых, свободных и специальных экономических зон в условиях цифровой трансформации

Елена Ивановна Шабалина

Западный филиал РАНХиГС, Калининград, Россия

shabalina-ei@ranepa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются направления развития механизмов государственного и квазигосударственного регулирования особых, свободных и специальных экономических зон (далее — экономические зоны) в условиях цифровой трансформации. Показано, что цифровизация изменяет содержание регулирования: от преобладания разрешительно-административной модели к сервисно-платформенной модели, основанной на данных, межведомственной интероперабельности и риск-ориентированном надзоре. Предложена модель "цифрового контура регулирования" зоны, включающая сервисный, контрольный и аналитический контуры, а также контур управления данными и информационной безопасностью. Выделены ключевые регуляторные инструменты: электронное "одно окно", реестровая модель предоставления льгот, подходы suptech/regtech, цифровые KPI, мониторинг эффектов и комплаенс резидентов на основе событийных данных. Систематизированы риски (правовые, технологические, организационные) и меры их снижения: нормативное закрепление реестров, стандартизация данных, архитектура безопасных интеграций, аудит и развитие компетенций управляющих компаний. Сформулированы практические рекомендации и поэтапная дорожная карта внедрения цифровых механизмов регулирования экономических зон с привязкой к измеримым показателям результативности. Результаты могут быть использованы при проектировании и модернизации регуляторной архитектуры зон, а также при построении системы мониторинга эффективности преференциальных режимов на основе воспроизводимых данных и прозрачных процедур.

Ключевые слова: особые экономические зоны; свободные экономические зоны; специальные экономические зоны; цифровая трансформация; платформенное регулирование; реестры; межведомственное взаимодействие; регуляторные технологии (regtech); надзорные технологии (suptech); оценка эффективности.

Для цитирования: Шабалина Е. И. Особенности развития механизмов регулирования особых, свободных и специальных экономических зон в условиях цифровой трансформации // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 70-82. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-70-82>.

Features of the development of regulation mechanisms for special, free and special-purpose economic zones in the context of digital transformation

Elena I. Shabalina

The Western branch of the RANEPa, Kaliningrad, Russia

shabalina-ei@ranepa.ru

Abstract: The article examines the evolution of public and quasi-public regulation mechanisms for special, free and special-purpose economic zones (hereinafter — economic zones) under digital transformation. It argues that digitalization changes the nature of regulation from a predominantly permission-based administrative model to a service-and-platform model driven by data, inter-agency interoperability, and risk-based supervision. A “digital regulatory circuit” model is proposed, consisting of service, supervisory and analytical layers, as well as data governance and cybersecurity layers. Key regulatory tools are systematized: an electronic one-stop shop, registry-based provision of incentives, suptech/regtech approaches, digital KPIs, impact monitoring, and resident compliance based on event data. The study outlines major risk groups (legal, technological, organizational) and mitigation measures, including formalizing registry-based legal significance, data standards and reference classifiers, secure integration architecture, audit mechanisms, and competency development for managing companies and public authorities. Practical recommendations and a phased roadmap for implementing digital regulatory mechanisms in economic zones are presented, linked to measurable performance indicators. The results may support the design and modernization of zone governance and the development of evidence-based monitoring of preferential regimes through reproducible datasets and transparent procedures.

Keywords: special economic zones; free economic zones; digital transformation; platform regulation; registries; interoperability; regtech; suptech; performance evaluation.

For citation: Shabalina E. I. Features of the development of mechanisms for regulating special, free, and special-purpose economic zones in the context of digital transformation// Baltic Economic Journal. 2026;1(53):70-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-70-82>.

Введение

Экономические зоны (особые, свободные и специальные) представляют собой институциональный инструмент территориального развития, привлечения инвестиций и ускорения структурных изменений за счет предоставления резидентам специальных режимов ведения деятельности: налоговых и таможенных льгот, упрощенных административных процедур, доступа к инфраструктуре, сопровождения проектов. В российской и международной практике режимы зон отличаются по целям и набору преференций, однако их общим знаменателем остается необходимость "тонкого" регулирования: с одной стороны — обеспечить предсказуемость и низкие транзакционные издержки для бизнеса, с другой — предотвратить злоупотребления, обеспечить достижение социально-экономических эффектов и соблюдение требований государства.

Цифровая трансформация (в логике государственных программ цифрового развития и перехода к "государству как платформе") изменяет инструментарий и логику регулирования экономических зон. Если традиционно регулирование строилось вокруг бумажного документооборота, дискретных проверок и отчетности "по запросу", то цифровая среда дает возможность перейти к:

- сквозным электронным сервисам "одного окна";
- реестровой модели подтверждения прав и предоставления льгот;
- межведомственной интеграции данных;
- непрерывному мониторингу исполнения обязательств резидентов;
- риск-ориентированному контролю и предиктивной аналитике;
- прозрачной оценке эффективности зон на основе данных [4–6, 9; 10].

При этом цифровизация не является исключительно технологическим проектом. Она требует изменения нормативной базы, процессов, распределения полномочий, компетенций управляющих компаний и органов власти, а также построения системы управления данными и информационной безопасностью [8–10].

Цель статьи — определить особенности развития механизмов регулирования экономических зон в условиях цифровой трансформации и предложить прикладную модель цифрового контура регулирования, применимую для проектирования и модернизации регуляторной архитектуры зон.

Задачи исследования:

1. систематизировать традиционные и цифровые механизмы регулирования экономических зон;
2. выделить ключевые технологические и организационные элементы цифрового регулирования;
3. предложить показатели (KPI) и подходы к оценке результативности цифровизации регулирования;
4. обозначить риски и меры их минимизации;
5. сформулировать рекомендации по этапам внедрения.

Методы исследования: институциональный анализ, сравнительный анализ регуляторных инструментов, обобщение практик цифрового государства и регуляторных технологий, логическое моделирование (построение контуров регулирования и матрицы "процесс–данные–контроль"). В качестве источников использованы нормативно-правовые акты, международные аналитические обзоры и исследования по управлению зонами и цифровой трансформации [1–10].

2. Теоретико-прикладные основания регулирования экономических зон и влияние цифровизации

2.1. Экономические зоны как объект регулирования: специфика "режимного" управления

Экономическая зона — это управляемая территория с особым правовым режимом. Регулирование здесь носит комбинированный характер:

- правовой (установление режима, критериев резидентства, перечня видов деятельности, требований к инвестициям);
- административный (процедуры подачи заявок, сопровождение проектов, контроль исполнения соглашений);
- финансово-экономический (льготы, субсидии инфраструктуры, тарифные решения);
- инфраструктурный (подведение сетей, земельные отношения, промпарки, логистика);
- контрольно-надзорный (комплаенс, таможенные процедуры, предотвращение "фиктивного резидентства").

При этом зона — динамическая система с множеством участников: резиденты, управляющая компания, региональные и федеральные органы власти, таможенные и налоговые органы, институты развития, банки, операторы инфраструктуры. Следовательно, регулирование неизбежно основано на обмене данными и согласовании решений между участниками.

2.2. Цифровая трансформация как переход от "документоцентричности" к "данноцентричности"

Цифровая трансформация в государственном управлении обычно включает:

- перевод услуг в электронный вид и реинжиниринг процессов;
- построение межведомственного электронного взаимодействия;
- переход к реестровой модели данных ("один источник истины");
- внедрение аналитики и риск-ориентированного контроля;
- развитие платформенных решений и API для участников экосистемы [9;10].

В контексте экономических зон это означает, что "регулирование" перестает быть совокупностью разрозненных процедур и становится непрерывным контуром управления жизненным циклом резидента: от подачи заявки и заключения соглашения до мониторинга результатов, предоставления льгот и выхода из режима.

2.3. Международный контекст: акцент на эффективность и прозрачность

Международные организации отмечают, что зоны дают эффект при наличии ясных целей, качественного управления, инфраструктуры и механизмов

оценки результативности. ЮНКТАД подчеркивает необходимость модернизации моделей управления зонами и повышения их "умности" (smart SEZ) за счет цифровых решений, устойчивого развития и интеграции в цепочки создания стоимости [4]. Всемирный банк указывает на важность прозрачных процедур, минимизации административных барьеров и постоянного мониторинга результатов [5, 10]. ОЭСР, анализируя роль зон и преференциальных режимов, отдельно выделяет вопросы управляемости, учета льгот и предотвращения злоупотреблений, что напрямую связано с качеством данных и цифровыми механизмами контроля [6, 9].

3. Нормативно-институциональные механизмы регулирования экономических зон и направления их цифрового развития

3.1. Нормативные основы и "регуляторный периметр" зоны

Регуляторный периметр экономических зон, как правило, включает:

- закон(ы), определяющие тип зоны, льготы, порядок создания, статус резидента;
- подзаконные акты о порядке отбора проектов, заключения соглашений, ведения реестров резидентов;
- налоговое и таможенное регулирование (применение преференций, отчетность);
- земельное и градостроительное регулирование (предоставление участков, разрешения на строительство);
- регламенты управляющей компании (сопровождение проектов, доступ к инфраструктуре, тарифы).

Для Российской Федерации правовой каркас и отдельные режимы регулируются, в частности, федеральными законами об особых экономических зонах, территориях опережающего развития и режимах свободных портов [1–3; 7]. В цифровом измерении важно, чтобы нормы:

- допускали полностью электронные процедуры (подача, согласование, подписание);
- закрепляли юридическую значимость данных из реестров (а не копий документов);
- определяли состав и операторов реестров, правила доступа и обмена;
- позволяли применять риск-ориентированные подходы при контроле.

3.2. Институциональная архитектура и "узкие места" традиционного регулирования

Традиционная модель управления зоной часто сталкивается со следующими проблемами:

- многоканальность и дублирование сведений (резидент многократно предоставляет одни и те же данные);

- неполная прослеживаемость решения (сложно восстановить, кто и на каком основании согласовал льготу/услугу);
- задержки из-за межведомственных запросов;
- "разрыв" между предоставлением льгот и оценкой результатов (льготы выдаются по факту статуса, а эффект измеряется постфактум и нерегулярно);
- ограниченная прозрачность для инвестора (непонятны сроки, статус заявки, причины отказа).

Цифровизация направлена на устранение указанных узких мест через интеграцию процессов и данных, а также через унификацию "жизненного цикла" резидента.

3.3. Принципы цифрового развития регулирования зон

С учетом практик цифрового государства и управления зонами целесообразно опираться на следующие принципы:

1. "Цифровое по умолчанию": все процедуры доступны электронно, бумага является исключением.
2. "Один раз предоставил": повторный запрос сведений у заявителя минимизируется за счет межведомственного обмена.
3. Реестровая модель: юридически значимыми становятся записи в реестрах.
4. Сквозная прослеживаемость: каждое решение и изменение статуса резидента фиксируется в журнале событий.
5. Риск-ориентированный контроль: проверочные мероприятия пропорциональны риску.
6. Данные как актив: определены владельцы данных, качество, правила доступа, безопасность.
7. Клиентоцентричность: измеряется пользовательский опыт (сроки, понятность, предсказуемость).

4. Механизмы цифрового регулирования: от "одного окна" к цифровому контуру управления

4.1. Сервисный контур: цифровое "одно окно" и жизненный цикл резидента

Сервисный контур ориентирован на удобство инвестора и снижение транзакционных издержек. Его ядро — электронное "одно окно", в котором реализуются:

- подача заявки на резидентство, включая бизнес-план и инвестиционные параметры;
- электронная коммуникация (запросы, уточнения, уведомления);
- заключение соглашений в электронной форме;

- доступ к услугам управляющей компании (подбор площадки, подключение к инфраструктуре, сопровождение разрешений);
- календарь обязательств и отчетность (в т. ч. автоматизированная выгрузка).

Ключевая особенность цифрового "одного окна" — переход от "пакета документов" к "набору данных". Заявитель вводит структурированные сведения, часть подтягивается из государственных реестров, а итоговое решение оформляется как изменение статуса в реестре резидентов.

4.2. Контрольный контур: suptech/regtech и риск-ориентированный комплаенс

Контрольный контур в цифровой модели основан на:

- событийном мониторинге исполнения условий соглашений (инвестиции, рабочие места, виды деятельности);
- автоматической сверке данных резидента с внешними источниками (налоговая отчетность, таможенные операции, трудовые сведения — при наличии правовых оснований);
- риск-скоринге резидентов и проектов;
- "умных" уведомлениях о приближении к порогам нарушений и возможностях корректирующих действий [8].

Подходы regtech (технологии для соблюдения требований) и suptech (технологии для надзора) позволяют уйти от ситуации, когда контроль осуществляется редкими проверками, и перейти к модели "предупреждение—коррекция—санкция", где санкции применяются при доказанной и прослеживаемой неисполненности.

4.3. Аналитический контур: оценка результативности, эффектов и "доказательное" регулирование

Аналитический контур обеспечивает:

- регулярную оценку эффективности зон (затраты бюджета на льготы и инфраструктуру, инвестиции, выпуск, занятость, налоговая отдача после окончания льготного периода);
- сравнение зон между собой по унифицированным метрикам;
- анализ "воронки" инвестпроектов: исследование → заявки → одобрение → ввод мощностей → достижение KPI;
- геоаналитику (использование земель, загрузка инфраструктуры) при наличии данных.

В отличие от "отчетов по форме", цифровая оценка строится на интеграции данных и воспроизводимых методиках. Это повышает доверие к показателям и облегчает корректировку правил зоны на основе фактов.

4.4. Контур управления данными и информационной безопасностью

Цифровое регулирование невозможно без:

- модели данных (словарей, классификаторов, справочников видов деятельности, статусов, льгот);
- управления качеством данных (полнота, актуальность, непротиворечивость);
- разграничения доступа и журналирования действий;
- защиты персональных и коммерчески чувствительных данных;
- обеспечения устойчивости сервисов (резервирование, планы восстановления) [9; 10].

Практика показывает, что именно контур данных является наиболее "дефицитным": цифровые сервисы можно внедрить быстро, но без стандартизации данных и интеграции с источниками они превращаются в "электронный фасад" без реального снижения издержек. В то же время, авторы исследований региональных экономических систем отмечают важность повышения инновационности предприятий, расположенных в субъектах Российской Федерации [11].

5. Модель цифрового контура регулирования экономической зоны

Для системного проектирования цифровизации целесообразно использовать модель цифрового контура регулирования, объединяющую процессы, данные и контроль.

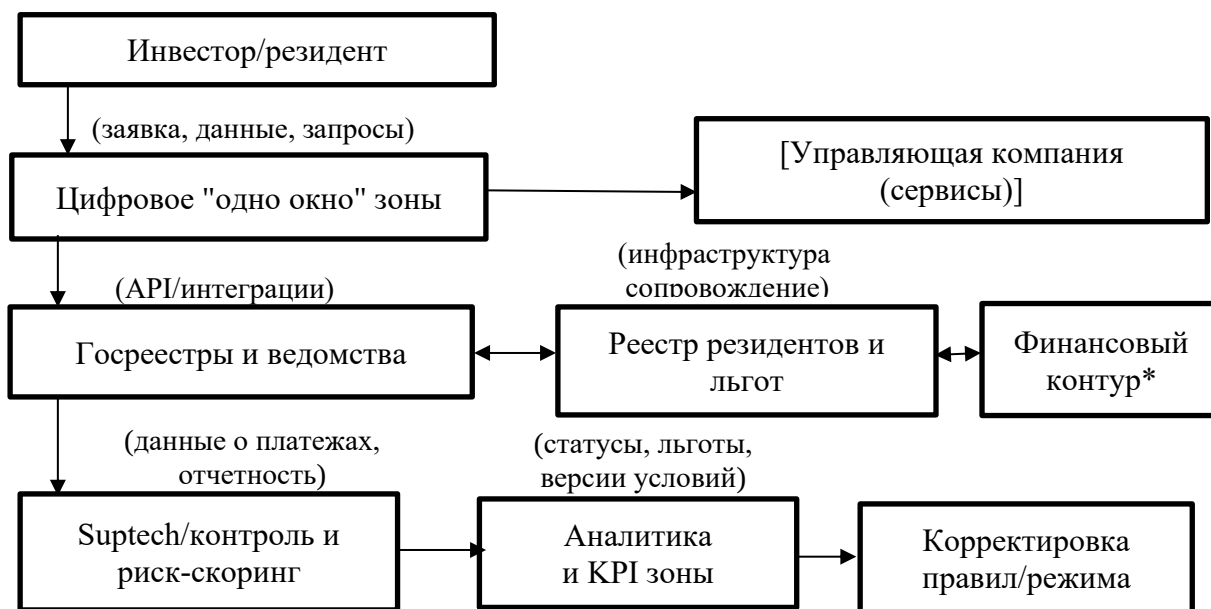

Рисунок 1 – Цифровой контур регулирования экономической зоны

Figure 1 – Digital regulatory circuit of an economic zone

Источник: составлено автором.

*Примечание: состав внешних систем зависит от архитектуры электронного правительства; финансовый контур обозначен условно.

Согласно рисунку 1, ключевые точки цифрового регулирования: единая точка входа (одно окно) и единая запись о статусе резидента (реестр); интеграция с внешними источниками (для проверки, предоставления льгот и мониторинга); совмещение сервисной логики и контрольной логики; аналитика как инструмент корректировки политики зоны.

Для практической реализации предложенной модели следует отметить возможные риски и ограничения.

6. Риски и ограничения цифровой трансформации регулирования экономических зон

6.1. Правовые риски

1. Юридическая неустойчивость "данных вместо документов". Если нормы прямо не закрепляют реестровую модель и юридическую значимость записей, участники продолжают требовать справки, что приводит к двойному контуру (цифровой + бумажный).

2. Неопределенность статуса электронных решений и журналов событий при спорах. Требуется регламентация хранения, неизменяемости, доступа и аудита.

3. Ограничения по персональным и коммерческим данным. Нужны правовые основания для межведомственного обмена и минимизация данных.

6.2. Технологические риски

1. Интеграционные разрывы: отсутствие API, несовместимость справочников, низкое качество данных в первичных источниках.

2. Киберриски: атаки на "одно окно", компрометация учетных записей, утечки коммерческой информации.

3. Зависимость от вендора и технологическая фрагментация: разные зоны/регионы внедряют несопоставимые решения.

6.3. Организационные риски

1. "Цифровизация без реинжиниринга": перенос бумажных процедур в электронные формы без сокращения шагов и устранения дублирования.

2. Дефицит компетенций у управляющих компаний (продуктовое управление, аналитика, безопасность, работа с данными).

3. Конфликт стимулов: если KPI органов и управляющих компаний не согласованы, цифровые инструменты используются формально

6.4. Предлагаемые меры минимизации

- нормативное закрепление реестровой модели и состава данных;
- единые справочники и стандарты данных;

- архитектура интеграций с ведомствами на основе безопасных каналов и журналирования;
- внедрение подходов security by design и privacy by design;
- независимый аудит информационной безопасности и качества данных;
- обучение и сертификация сотрудников, создание центров компетенций по цифровому регулированию.

7. Практические рекомендации: дорожная карта внедрения цифровых механизмов регулирования

Для управляемого перехода к цифровому регулированию экономических зон целесообразен поэтапный подход.

Этап 1. Инвентаризация и целевая модель

- описать жизненный цикл резидента и карту процессов (as-is);
- определить целевую модель (to-be) и список услуг "одного окна";
- определить состав реестров (резиденты, соглашения, льготы, инфраструктурные заявки) и владельцев данных;
- согласовать КРІ цифровизации и методики измерения.

Этап 2. Реинжиниринг процедур и нормативная настройка

- исключить дублирующие шаги, внедрить маршрутизацию согласований;
- закрепить юридическую значимость электронных записей и подписей;
- установить регламенты межведомственного обмена, состав данных и сроки;
- определить правила хранения и аудита.

Этап 3. Запуск "одного окна" и реестровой модели

- реализовать единую точку входа и личный кабинет резидента;
- обеспечить электронное заключение соглашений;
- запустить реестр резидентов и льгот с версионированием условий;
- обеспечить базовые интеграции с ключевыми источниками данных (в пределах правовых оснований).

Этап 4. Контрольный контур (suptech/regtech)

- настроить события жизненного цикла и контрольные точки (инвестиции, рабочие места, сроки);
- внедрить риск-скоринг и сегментацию резидентов;
- автоматизировать уведомления и профилактические меры;
- обеспечить прозрачность для резидента (что контролируется, какие данные используются).

Этап 5. Аналитический контур и "доказательная" корректировка режима

- панель управления зоной (dashboard) для органов и управляющей компании;
- регулярная публикация агрегированных показателей (без раскрытия коммерческой тайны);
- сравнительный анализ зон и корректировка требований к отбору/льготам на основе данных;
- оценка регуляторного воздействия изменений режима (ex-ante/ex-post).

Заключение

Цифровая трансформация механизмов регулирования экономических зон меняет характер управления: от дискретного, документно-ориентированного администрирования к непрерывному, данноцентричному и платформенному регулированию. Ключевыми особенностями развития становятся: внедрение цифрового "одного окна" и реестровой модели льгот, межведомственная интероперабельность, риск-ориентированный контроль на основе событийных данных, а также аналитическая оценка эффективности зон в режиме, приближенном к реальному времени.

Предложенная модель цифрового контура регулирования (сервисный, контрольный, аналитический контуры и контур управления данными/безопасностью) позволяет структурировать проект цифровизации и увязать технологические решения с правовыми и организационными изменениями. Показано, что успех цифровой трансформации определяется не только внедрением ИТ-систем, но и качеством нормативной настройки реестровой модели, стандартизацией данных, компетенциями управляющих компаний и согласованием КРІ участников.

Практическая значимость результатов заключается в возможности использования предложенных инструментов как основы для разработки программ цифровизации управления экономическими зонами, а также для мониторинга результативности и прозрачности предоставления преференций.

Список источников

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.
2. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ "О территориях опережающего развития в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.

3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ "О свободном порте Владивосток" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4339.

4. UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. Geneva: United Nations, 2019. 236 p. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2019> (дата обращения: 03.02.2026).

5. Farole T. Special Economic Zones: An Operational Review of Their Impacts. Washington, DC: World Bank, 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (дата обращения: 03.02.2026).

6. OECD. Economic Zones and the Future of Work: Policy and Governance Considerations (аналитические материалы ОЭСР по зонам и режимам). Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 03.02.2026).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р "Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 32. Ст. 5138.

8. Bank for International Settlements. SupTech and RegTech: Technology-driven innovation in supervision and regulation. Basel: BIS, 2018. URL: <https://www.bis.org/> (дата обращения: 03.02.2026).

9. OECD. The Path to Becoming a Data-Driven Public Sector. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/> (дата обращения: 03.02.2026).

10. World Bank. GovTech Maturity Index 2020: The State of Public Sector Digital Transformation. Washington, DC: World Bank, 2020. URL: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 03.02.2026).

11. Гудименко Г. В., Салгириев Р. Р. Инновационность нефтедобывающих компаний как фактор регионального развития (на примере Калининградской области и Чеченской республики) // Балтийский экономический журнал. 2025. No 4(52). С. 6-16. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-4-6-16> (дата обращения 07.02.2026).

References

1. Federal Law of 22.07.2005 No. 116-FZ "On Special Economic Zones in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2005, no. 30 (part II), art. 3127. (In Russian).

2. Federal Law of 29.12.2014 No. 473-FZ "On Advanced Development Territories in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation, 2015, no. 1 (part I), art. 26. (In Russian).

3. Federal Law of 13.07.2015 No. 212-FZ "On the Free Port of Vladivostok". Collected Legislation of the Russian Federation, 2015, no. 29 (part I), art. 4339. (In Russian).

4. UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. Geneva, United Nations, 2019, 236 p. Available at: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2019> (accessed 03.02.2026).
5. Farole T. Special Economic Zones: An Operational Review of Their Impacts. Washington, DC, World Bank, 2017. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/> (accessed 03.02.2026).
6. OECD. Economic Zones and the Future of Work: Policy and Governance Considerations. Paris, OECD Publishing, 2019. Available at: <https://www.oecd.org/> (accessed 03.02.2026).
7. Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-r “On Approval of the Program ‘Digital Economy of the Russian Federation’”. Collected Legislation of the Russian Federation, 2017, no. 32, art. 5138. (In Russian).
8. Bank for International Settlements. SupTech and RegTech: Technology-driven innovation in supervision and regulation. Basel, BIS, 2018. Available at: <https://www.bis.org/> (accessed 03.02.2026).
9. OECD. The Path to Becoming a Data-Driven Public Sector. Paris, OECD Publishing, 2019. Available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/> (accessed 03.02.2026).
10. World Bank. GovTech Maturity Index 2020: The State of Public Sector Digital Transformation. Washington, DC, World Bank, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/> (accessed 03.02.2026).
11. Gudimenko G. V., Salgiriev R. R. Innovation of Oil-Producing Companies as a Factor of Regional Development (on the Example of the Kaliningrad Region and the Chechen Republic) // Baltic Economic Journal. 2025. No 4(52). Pp. 6-16. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-4-6-16> (accessed 07.02.2026).

Информация об авторе

Е. И. Шабалина – канд. экон. наук, доцент; доцент кафедры таможенного дела Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

E. I. Shabalina - candidate of economic sciences, associate professor; associate professor at the department of customs affairs at the Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.57

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-83-101

Исследование факторов, определяющих личное потребление рыбoproductов в российских регионах

Александр Геннадьевич Харин

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Особенностью нашей страны является многообразие моделей питания, помимо прочего, приводящее к сильным контрастам в спросе на рыбопродукты. Изучение факторов, определяющих эти различия, представляется актуальной задачей. Ее решение, составляющее цель и содержание данной работы, способствует повышению эффективности продовольственной политики на всех уровнях управления. Работа опирается на публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению причин пространственной неоднородности спроса на рыбопродукты. В ней используются общедоступные статистические данные, предоставляемые информационной системой ЕМИСС/Росстат. Инструментальную основу исследования составляет метод корреляционного анализа. Основным результатом работы стали выводы о характере и силе влияния ключевых факторов в разного типа регионах РФ. Полученные знания служат лучшему пониманию причин, обуславливающих межрегиональные различия в индивидуальном потреблении рыбопродуктов. Они также могут стать основой для моделирования процессов управления спросом на эти товары.

Ключевые слова: рыбопродукты, спрос, среднечеловеческое потребление, факторы, региональные особенности и различия.

Для цитирования: Харин А. Г. Исследование факторов, определяющих личное потребление рыбопродуктов в российских регионах // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 83-101. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-83-101>.

A study of factors affecting per capita consumption of fish products in Russian regions

Alexander G. Kharin

INOTECHU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. A distinctive feature of Russia is the diversity of dietary patterns, leading to contrasting demand for fish products. This paper aims to identify and assess the factors behind interregional differences in per capita fish and fish product consumption in the Russian Federation from 2011 to 2024. The theoretical basis of the study is based on publications by domestic and international authors on the spatial heterogeneity of fish product consumption. Correlation analysis was used as the primary research tool. The study is based on publicly available statistical data from the EMISS/Rosstat information system. The main results of the study are conclusions about the nature and strength of the influence of demand factors for fish products in different regions of the Russian Federation. The study's results contribute to a better understanding of the causes of interregional differences in individual consumption of fish products. They can serve as a basis for modeling demand management processes for these products.

Keywords: fish products, demand, per capita consumption, factors, regional characteristics and differences factors.

For citation: Kharin A. G. A study of factors affecting per capita consumption of fish products in Russian regions // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):83-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-83-101>.

Введение. Пищевые предпочтения потребителей, выражающиеся в частоте употребления ими рыбы и продуктов ее переработки существенно различаются в разных регионах Российской Федерации. Эти предпочтения формируют спрос и оказывают влияние на многие аспекты деловой и общественной жизни, включая вопросы благосостояния, здоровья и безопасности людей. Поэтому понимание потребительского поведения в отношении рыбной продукции имеет первостепенное значение для проведения более эффективной экономической политики на всех ее уровнях. Несмотря на большое количество исследований, изучавших особенности спроса на рыбу и рыбопродукты, существующие представления о причинах межрегиональных различий в потреблении рыбопродуктов довольно поверхностны и фрагментированы, а отечественные публикации по данной проблематике носят единичный характер. Отсутствие систематизированного знания о факторах, определяющих потребительские предпочтения и поведение, а также о связях этих факторов между собой и с другими социально-экономическими характеристиками территорий является одним из обстоятельств, обуславливающих сохраняющуюся пространственную неоднородность и поляризацию спроса на рыбопродукты в нашей стране.

Данное исследование призвано отчасти устранить этот пробел. Оно нацелено на выявление и оценку причин возникновения межрегиональных различий в величине среднедушевого потребления рыбы и рыбопродуктов в Российской Федерации в период 2011-2024 гг. В фокусе работы находятся ключевые факторы, способные оказывать влияние на спрос на рыбу, включая как общепризнанные и доступные, так и ненаблюдаемые, трудноизмеримые в совокупности приводящие к возникновению различий в выборе рыбопродуктов потребителями в разных регионах страны.

Материалы и методы. На величину, динамику и структуру среднедушевого потребления рыбы и рыбопродуктов, как и других продуктов питания, влияет целый ряд факторов экологического, экономического, политического, социального и иного характера. Среди факторов, определяющих уровень потребления рыбы исследователями, обычно называются традиции, привычки и вкусы потребителей, размер располагаемых доходов, цены на рыбопродукты и их заменители, а также физическая доступность этих продуктов [1].

Потребительские традиции, привычки и вкусы выступают одной из главных причин обуславливающих многообразие моделей питания и могут служить хорошим объяснением пространственных различий в потреблении рыбы. Пищевые предпочтения людей, проявляющиеся в частоте употребления ими рыбы и рыбопродуктов во многом вызваны социально-культурными и психосоциальными особенностями [2; 3]. В свою очередь, эти особенности, формирующие пищевые традиции, часто связываются с отличиями в местных природных условиях, которые определяют возможность и целесообразность производства и поставок тех или иных видов продовольствия, а также иным способом влияют на рацион питания людей. Для рыбной продукции такими природными условиями, прежде всего, являются выход к морю или наличие внутренних водоемов, богатых рыбой. Экономическое развитие стран и регионов с высоким потреблением рыбной продукции на душу населения как правило исторически связано с использованием рыбных ресурсов. В случае таких субъектов рыба не только играет роль важнейшего экономического ресурса, но и часто выступает наиболее доступным продуктом в рационе питания людей, во многом обеспечивающим их потребности в пище. Данное обстоятельство является базовой предпосылкой формирования устойчивых пищевых привычек (в которых рыба и рыбопродукты занимают особое место) и вкусовых предпочтений потребителей, независимо от наличия каких-либо других факторов. Страны и регионы с природно-обусловленной традицией потребления рыбы широко представлены географически. Они присутствуют во всех макрорегионах мира и довольно разнообразны по уровню своего экономического развития (от слабо- до высоко развитых) [4].

Помимо природных условий другой базисной предпосылкой общих пищевых предпочтений людей является культура питания [5]. Данным термином

обычно обозначается широкий и разнообразный спектр нематериальных аспектов социальных и общественных отношений, таких как религиозные традиции, обычаи, нормы, правила и пр., структурирующих повседневное поведение людей, связанное с выбором, приготовлением и приемом пищи. Имеются исследования, указывающие на особую роль культуры как детерминанты питания, подчеркивающие, что она во многом является причиной различий в покупательских предпочтениях в отношении рыбопродуктов даже внутри одной страны [6]. Но в отличие от других движущих сил, определяющих поведение потребителей, поддающихся измерению и количественному анализу, культурные установки, участвующие в формировании пищевых привычек и убеждений, до сих пор не получили формального описания, по крайней мере, в отношении потребления рыбы.

Важнейшим и наиболее часто принимаемым во внимание фактором, определяющим спрос на рыбу и рыбопродукты является располагаемый доход потребителей. На положительную связь между доходом и потреблением рыбы, объясняющую пространственную дифференциацию душевого потребления этого продукта указывают многие исследователи. Различия в доходах между отдельными странами и регионами также определяют неоднородность структуры потребления: население развитых стран как правило отдаёт предпочтение более дорогим видам рыбы и рыбопродуктов [7]. Такие выводы, основанные на эмпирических данных, имеют довольно убедительное научное объяснение. Так, согласно канонам экономической теории (закон Э. Энгеля), рост доходов выступает основным фактором, приводящим к изменению объёма и структуры потребления продуктов питания [8]. Увеличение доходов и более полное удовлетворение пищевых потребностей людей приводят к изменению спроса на отдельные группы продуктов питания в зависимости от их эластичности по доходу. На этой идее, в частности, основывается предположение, что рост мирового потребления рыбной продукции на душу населения во второй половине XX века в значительной степени был обусловлен ростом среднего дохода. При этом различия между странами и регионами в динамике роста доходов и в эластичности по доходу во многом обусловили пространственную и временную неоднородность потребления рыбы. В силу более высоких темпов роста доходов и большей эластичности спроса на пищевую рыбу по доходу в развивающихся странах, чем в развитых, динамика душевого потребления в менее развитых странах во второй трети XX века была вдвое выше, чем в развитых [9].

Однако рост потребления рыбы и рыбопродуктов на душу населения, вызванный ростом благосостояния потребителей, имеет некие пределы, после достижения которых дальнейшее увеличение доходов населения уже не стимулирует потребление [10]. Таким образом, изменение в личном потреблении рыбопродуктов, вызванное ростом благосостояния, помимо прочего, зависит от уровня текущего душевого потребления и от некоторых других факторов. Обычно предполагается, что чем ниже текущее потребление, тем сильнее положительное

влияние роста дохода на потребление. Вместе с тем имеющиеся эмпирические данные не дают однозначного ответа на вопрос о наличии корреляции между доходом и душевым потреблением рыбы. С одной стороны, такая корреляция отмечалась, например, в Китае и Японии, с другой стороны, она отсутствовала в Норвегии и Германии [11]. Аналогичная ситуация сложилась и в современной России, регионы которой сильно отличаются по степени реакции уровня индивидуального потребления рыбопродуктов на изменение среднедушевого дохода [12].

Рост доходов и повышение уровня жизни также ведут к изменению структуры потребления рыбы, поскольку эластичность спроса на рыбу и рыбопродукты сильно варьируется в зависимости от продукта. В частности, как показывают некоторые исследования, более высокую эластичность спроса по доходу имеют высококачественные и дорогостоящие виды рыбопродуктов [13]. По мере роста благосостояния людей, как правило, происходит замена дешевых продуктов на более дорогие и ценные с точки зрения потребителей. Масштаб и степень смещения спроса в сторону более дорогих продуктов имеют заметные географические различия, они зависят от сложившегося в той или иной местности уровня потребления рыбы и от роли продукта в местном рационе. Это явление в большей степени характерно для богатых стран и регионов с высоким уровнем потребления рыбопродуктов и с повышенными требованиями к качеству питания. В таких странах и регионах рост потребления рыбопродуктов как правило отстает от роста благосостояния, а увеличение расходов на рыбопродукты в основном приводит к изменению структуры потребления в пользу более дорогих продуктов. Другими словами, спрос в натуральном выражении в этих странах менее эластичен по доходу, чем спрос в стоимостном выражении [7]. В бедных странах и регионах рыба обычно рассматривается не с точки зрения разнообразия и качества продуктовой корзины, а как важный, иногда основной, источник животного белка в рационе питания людей, удовлетворяющий их базовые пищевые потребности. Рост доходов в этом случае действительно приводит к росту личного потребления, однако действие данного фактора носит узконаправленный характер, в основном ограничивается спросом на дешёвую рыбную продукцию [14].

В качестве фактора, обуславливающего увеличение спроса на рыбопродукты, хотя в определенной мере и связанного с доходами населения, однако часто рассматриваемого отдельно, выделяется рост уровня урбанизации территорий. Данный фактор особенно существенен в развивающихся странах, которые переживают этап быстрого роста городских поселений, сопровождающийся изменением пищевых предпочтений людей, ведущих к увеличению потребления рыбы и мяса независимо от величины дохода [15]. Таким образом, урбанизацию следует рассматривать в числе значимых драйверов спроса на рыбу на развивающихся рынках.

Еще одним важным фактором, влияющим на величину и структуру спроса на рыбу на уровне домохозяйств, являются цены на рыбопродукты и на их заменители. Исследования показывают, что средний по всем видам рыбопродуктов уровень ценовой эластичности выше, чем у большинства основных видов продовольствия, в том числе, товаров-заменителей рыбы [16; 17], что обуславливает более сильную реакцию потребителей на изменение цен на рыбные товары. А поскольку эластичность спроса на рыбопродукты по цене обычно выше у потребителей с низкими доходами, изменение цен сильнее влияет на потребление этих товаров в небогатых регионах, чем в регионах с высоким уровнем среднедушевого дохода. Следует, однако, отметить, что фрагментарность такого рода исследований, а также различия в методах их проведения, как и в случае оценки влияния дохода, не позволяет делать однозначные выводы [18].

Реакция спроса на изменение цен также сильно зависит от типа продукта, что важно в силу большого разнообразия рыбных товаров. В частности, имеются доказательства, что изменение цен на отдельные группы этих товаров способно оказывать влияние на общую структуру потребления. Так, снижение мировых цен на некоторые дорогие виды рыб и моллюсков, имеющих высокую ценовую эластичность (например, такие как лосось и креветки), наблюдавшееся в конце XX – первом десятилетии XXI века, в значительной мере обусловило рост глобального потребления рыбопродуктов, в том числе в развивающихся странах с низким уровнем дохода на душу населения [14].

Объём потребления рыбы во многом определяется и динамикой цен на товары-заменители – другие богатые белком продукты питания, представленные в основном мясопродуктами. Как и в случае с ценовой эластичностью спроса на рыбопродукты, перекрёстная эластичность спроса на эти товары также имеет сильные географические и страновые различия. Имеются исследования, показывающие, что рост мировых цен на говядину на 10 % в конце XX века привёл к заметному увеличению потребления рыбы и рыбопродуктов в Норвегии и Египте – на 9 % и 8 % соответственно, но в то же время мало повлиял на потребление рыбы в США и Китае – на 1 % и 3 % соответственно [19]. Во многом аналогичная ситуация складывается и на российском рынке, для региональных сегментов которого характерна крайне разноречивая динамика цен на рыбо- и мясопродукты [20].

Немаловажным обстоятельством, несмотря на свою очевидность, также пока не получившим убедительного подтверждения, является воздействие на цены и потребление рыбопродуктов со стороны предложения. Уровень развития рынка, основными индикатором которого может служить наличие рыбопродуктов, их физическая доступность для потребителей, несомненно, выступает значимым фактором потребления рыбы. В качестве ключевых элементов, определяющих предложение рыбопродуктов принято рассматривать добычу рыбного сырья (промысел и аквакультура), его переработку, хранение и

транспортировку, а также торговлю. Все эти компоненты рыбной отрасли способны влиять на предложение и, следовательно, на потребление рыбопродуктов поскольку при прочих равных условиях потребители более склонны предъявлять спрос на товары, которые широко распространены и представлены в торговой сети. Однако кажущаяся несомненность этого утверждения не всегда подтверждается фактическими данными. Так, например, некоторые исследования указывают на слабую связь спроса на продукцию рыбного хозяйства от объема вылова рыбы в современной России, выражающуюся в неэластичности цены продаж [21]. Более того, в основных рыбодобывающих регионах РФ, как правило, с наиболее высоким предложением и среднедушевым потреблением рыбы относительная цена рыбопродуктов в 2018-2022 гг. складывалась в среднем на 12% выше, чем в других, не обладающих существенными рыбными ресурсами, регионах страны [22]¹. С другой стороны, имеется немало доказательств наличия тесной отрицательной связи между ценами на рыбопродукты и объемом добычи рыбо- и морепродуктов [23].

Не менее важный чем добыча рыбного сырья вклад в формирование предложения вносят и другие звенья производства и сбыта рыбной продукции. Трансформация рыночной инфраструктуры во второй половине XX века, существенно улучшившая логику поставок рыбы и рыбопродуктов, сделала эти продукты более доступными для потребителей, что в значительной степени способствовало росту потребления пищевой рыбы в глобальном масштабе. Этому также содействует развитие технологий консервирования пищевых продуктов, расширение транспортных возможностей и внедрение новых методов организации производства, распределения и торговли рыбными товарами. Учитывая особенности рыбы и рыбопродуктов (повышенные требования к режиму хранения), особое значение имеет прогресс в области технологий заморозки на всех этапах пищевой цепочки (от заморозки свежего улова на судах, хранения рыбы в портах и транспортировки в мобильных морозильных камерах до современных технологий охлаждения и заморозки на предприятиях пищевой промышленности и хранения в холодильниках магазинов и домохозяйств). На доступность рыбной продукции для потребителей также положительно влияют изменения в организации торговли, расширяющие каналы сбыта. В последние два десятилетия XX века во многих развитых и развивающихся странах произошло заметное увеличение доли крупных торговых сетей в объеме продаж рыбной продукции [24]. Снижение роли мелкой торговли традиционно доминировавшей в дистрибуции рыбной продукции, сделало эти продукты более доступными для потребителей. А требования, предъявляемые к производителям со стороны крупных продавцов в отношении регулярности поставок и качества продукции,

¹ Данный факт, вероятно объясняется более высокой ценностью этого товара для потребителей, обусловленной действием неэкономических факторов (пищевых привычек, традиций и других психо-социальных установок), стимулирующих потребление рыбы.

дополнительно способствовали улучшению предложения рыбной продукции и росту ее потребления [24].

К факторам, определяющим объем потребления рыбы, относится и широта ассортимента рыбной продукции. Существует большое разнообразие видов рыб, служащих сырьем для производства рыбопродуктов, многие из которых, в свою очередь, представлены на рынке в различных формах (от свежей рыбы и замороженного филе до солёной, маринованной, вяленой и копчёной продукции, различных консервов и готовых рыбных блюд). Столь большой выбор рыбной продукции позволяет адаптировать её к разнообразным и меняющимся вкусам и предпочтениям потребителей, что, в конечном счёте, ведёт к увеличению потребления рыбы и рыбопродуктов на душу населения.

Обобщая приведенную выше характеристику основных факторов, которые по мнению разных авторов, определяют индивидуальное потребление рыбопродуктов, можно выделить несколько, на наш взгляд, ключевых, в наибольшей степени влияющих на данный параметр в нашей стране. Это, во-первых, уровень благосостояния населения, в качестве индикаторов которого могут использоваться показатели среднедушевого дохода, соотношения среднедушевого дохода и прожиточного минимума, а также доли населения с доходами ниже уровня прожиточного минимума. Эти общедоступные статистические показатели характеризуют разные стороны благосостояния населения и хорошо отражают региональную специфику с точки зрения финансовой способности людей покупать рыбопродукты. Во-вторых, важным фактором потребления рыбопродуктов является их цена. Учитывая высокую эластичность спроса на рыбопродукты (как единой группы товаров) по цене, следует рассматривать этот параметр как в сравнении с ценами на прямые товары-заменители, так и относительно общего уровня цен на продукты питания. Исходя из этого в качестве индикаторов, характеризующих ценовой аспект спроса на рыбопродукты, могут выступать индексы региональных цен на продукты питания, а также синтетические показатели, отражающие относительную экономическую доступность рыбопродуктов – разница индексов цен на рыбу и на товары-субституты (мясопродукты) и соотношение покупательной способности по основным видам рыбопродуктов и их субститутов. В-третьих, помимо экономической доступности, важнейшим фактором, определяющим уровень потребления рыбопродуктов, является наличие данных товаров в сети розничной торговли или иных способов доступа людей к этим продуктам. Такого рода показатели сложны для непосредственного измерения и в явном виде отсутствуют в отечественной статистике. Косвенную оценку физической доступности рыбопродуктов могут дать данные о количестве в регионах объектов розничной торговли, специализирующихся на продажах рыбопродуктов, а также об источниках поступления рыбопродуктов в домохозяйства. Четвертую группу факторов, влияющих на личное потребление рыбы образуют разнообразные, часто трудно идентифицируемые обстоятельства, характеризующие тип

преобладающей в том или ином регионе модели питания людей, в том числе, отражающие культурно-исторические предпосылки и, отчасти, природно-географические условия. Субъективность и нематериальность многих из факторов, определяющих традиции, опыт, нормы и иные социально-личностные установки крайне затрудняют их экономическую оценку. Их измерение с помощью каких-либо экономических показателей, как правило, не даёт адекватной оценки и часто приводит к дублированию уже учтённых факторов. Тем не менее, определённое представление о доминирующей в регионе модели питания могут дать стратифицированные данные о доле потребительских расходов на продукты питания, показатели качества (пищевой ценности) продуктовой корзины потребителя, а также доли городского населения в общей численности жителей региона. Первые два показателя, как мы полагаем, отражают преобладающие в регионе традиции питания, а третий – учитывает влияние на потребление рыбопродуктов процесса урбанизации, помимо прочего меняющего структуру питания людей.

Результаты и их обсуждение. Изложенные выше доводы служат основанием для отбора и квантификации основных факторов, влияющих на величину индивидуального потребления рыбопродуктов в разных регионах страны. Чтобы несколько упростить задачу из всего многообразия российских регионов мы выделили 2 полярные группы, представленные субъектами с наибольшим и наименьшим уровнями потребления рыбы и рыбопродуктов. Критерием отбора послужило среднее за ряд последних лет значение этого показателя. Согласно общедоступным данным Росстата¹, группу регионов с наибольшим среднедушевым потреблением рыбопродуктов в этот период составляли: Астраханская область (34,3 кг в год в среднем за 2020-2024 гг.), Магаданская область (31,6 кг), Приморский край (30 кг). Наименее потребляющим рыбу было население республик Тыва (7,1 кг), Алтай (9,8 кг) и Северная Осетия-Алания (13,6 кг). На рисунке показана динамика душевого потребления рыбопродуктов в выделенных группах регионов, а также средняя по РФ величина показателя.

Разница между средними за ряд лет значениями личного потребления рыбы в двух рассматриваемых группах регионов превышает 3 раза – 32,8 кг в рыбопотребляющих и 10,4 кг в нерыбопотребляющих регионах, что является отражением значительной дифференциации спроса на этот продукт. При этом потребление в регионах с низким спросом на рыбу было менее изменчиво – волатильность (стандартное отклонение) показателя в них в 2010-2024 гг. в 3 раза ниже, чем в основных рыбопотребляющих регионах.

¹ Потребление основных продуктов питания в среднем на потребителя в год. Рыба и рыбопродукты. Информационный ресурс ЕМИСС/Росстат. <https://fedstat.ru/indicator/43226>

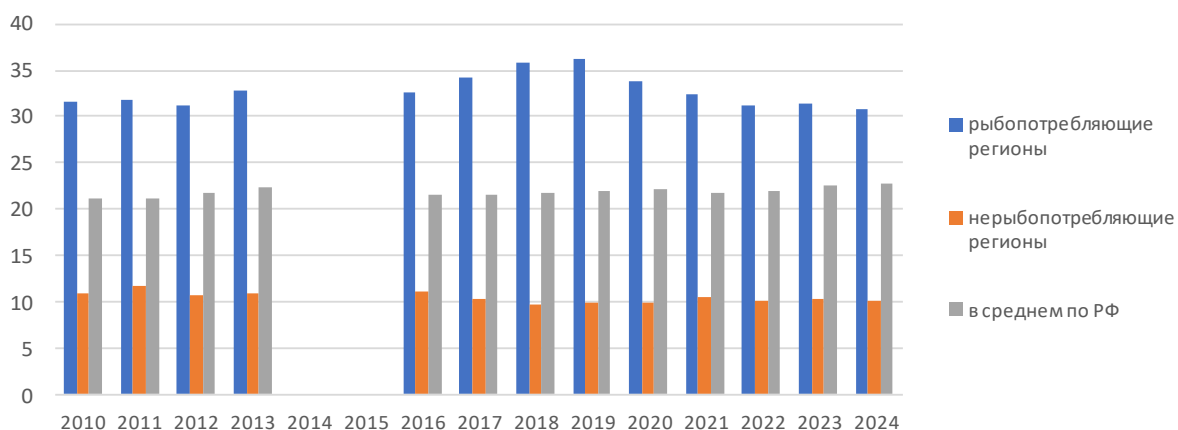

Рисунок – Величина среднедушевого потребления рыбы и рыбопродуктов, кг в год на человека (в весе сырца)

Figure – Average per capita consumption of fish and fish products, kg per year (in raw weight)

Источник: ЕМИСС/Росстат

Примечание: данные за 2014-2015 гг. статистическим органом не раскрываются.

Мы полагаем, что столь заметные различия в спросе на рыбопродукты внутри одной страны обусловлены действием вышеописанных факторов. Причем сила воздействия на потребителей каждого из этих факторов была неодинакова в разные годы. Сделанное предположение наиболее просто проверяется посредством оценки связей между величиной среднедушевого потребления рыбопродуктов и основными показателями, измеряющими факторы влияния, выполненной с помощью стандартных методов и инструментов корреляционного анализа.

Таблица 1 – Значения среднедушевого потребления рыбы и рыбопродуктов и оцениваемых факторов, влияющих на него

Table 1 – Values of per capita consumption of fish products and influencing factors

	2011	2012	2013	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Среднедушевое потребление рыбы и рыбопродуктов, кг/чел.												
- рыбопотребляющие регионы	31,7	31,8	31,3	32,6	34,3	35,9	36,3	33,8	32,5	31,3	31,4	30,9
- нерыбопотребляющие регионы	10,9	11,7	10,7	11,2	10,4	9,7	9,9	10,0	10,5	10,1	10,2	10,1
Среднедушевой доход, руб.												
- рыбопотребляющие регионы	21900	25423	28756	35451	37026	39849	42950	45148	50333	61693	66898	н.д.
- нерыбопотребляющие регионы	12862	14182	15170	18507	18934	19688	20711	21827	23791	28266	32575	н.д.
Соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума, раз												
- рыбопотребляющие регионы	3,12	3,56	3,71	3,16	3,22	3,27	3,34	3,60	3,43	3,40	3,73	4,08
- нерыбопотребляющие регионы	2,24	2,39	2,21	1,97	2,07	2,09	2,08	2,12	2,18	2,15	2,43	2,61
Разница индексов цен на рыбо- и мясопродукты, %												
- рыбопотребляющие регионы	-4,67	-0,06	-4,27	-10,86	-2,66	-2,88	5,15	-3,89	-2,75	-0,31	-2,60	0,12
- нерыбопотребляющие регионы	3,22	1,44	-0,64	-12,19	-1,96	0,29	0,18	-5,70	-3,67	-0,52	-0,73	5,87

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Доля натуральных поступлений в потреблении рыбопродуктов, %												
- рыбопотребляющие регионы	5,0	5,7	4,7	6,3	7,2	н.д.	7,4	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
- нерыбопотребляющие регионы	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	н.д.	1,0	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Среднее количество специализированных продовольственных магазинов, шт.												
- рыбопотребляющие регионы	153	123	166	294	313	318	380	394	410	424	449	444
- нерыбопотребляющие регионы	531	536	512	525	519	523	536	544	565	566	578	585
Разница долей мясо- и рыбопродуктов в расходах на продукты питания, %												
- рыбопотребляющие регионы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	21,8	21,8	22,6	20,9	19,3	19,1	н.д.
- нерыбопотребляющие регионы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	18	16,8	16,6	15,2	19,5	20,2	н.д.
Содержание белков в суточном рационе питания индивида, г												
- рыбопотребляющие регионы	81	79	80	82	77	83	82	84	83	84	82	81
- нерыбопотребляющие регионы	70	71	71	70	71	73	77	73	77	75	75	74
Доля городского населения, %												
- рыбопотребляющие регионы	79,5	79,6	79,7	79,7	79,7	79,7	79,7	79,8	79,9	79,9	79,8	79,7
- нерыбопотребляющие регионы	48,5	49,0	49,2	49,3	49,4	49,5	49,4	49,5	49,6	49,6	49,6	49,7

Источник: ЕМИСС/Росстат.

В таблице 1 приведены значения основных факторов, которые, как мы полагаем, влияют на уровень потребления рыбопродуктов (строка 1), а в таблице 2 – результаты расчетов величины коэффициента линейной корреляции между этим показателем и факторами по двум выделенным группам регионов и по всей РФ за 2011-2024 гг., за исключением 2014 и 2015 гг. Для расчёта значений коэффициентов использована надстройка “Анализ данных” табличного редактора MS Excel.

Таблица 2 – Коэффициенты корреляции между потреблением рыбопродуктов и основными факторами

Table 2 – Correlation coefficients between fish product consumption and factors

Факторы	Рыбопотребляющие регионы	Нерыбопотребляющие регионы	В среднем по РФ
1	2	3	4
Среднедушевой денежный доход населения	-0,10	-0,57	0,59
Соотношение денежного дохода и прожиточного минимума	-0,51	-0,04	0,93
Разница годовых индексов цен на рыбо- и мясопродукты	0,20	-0,11	-0,15
Доля натуральных поступлений в потреблении рыбопродуктов	0,80	-0,32	0,38
Количество специализированных продовольственных магазинов	0,06	-0,15	0,04
Разница долей мясо- и рыбопродуктов в расходах домохозяйств на продукты питания	0,80	-0,23	-0,55

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Содержание белков в суточном рационе питания одного члена домохозяйств	0,03	-0,64	0,72
Доля городского населения в общей численности населения	0,16	-0,68	0,74

Выявленные корреляционные связи позволяют сделать ряд выводов о характере и степени влияния рассматриваемых факторов на потребление рыбопродуктов за анализируемый период времени. Прежде всего, следует отметить существенные различия в наборе факторов, оказывающих наиболее сильное воздействие на потребителей рыбы в разных регионах и в целом по стране. Так, в рамках всей РФ наиболее тесную статистическую связь с величиной среднедушевого потребления рыбопродуктов имели показатель, характеризующий отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума ($r_x = 0,93$), а также два показателя призванные отразить преобладающий в регионе или во всей стране тип модели питания – величина содержания белков в суточном рационе питания одного члена домохозяйств ($r_x = 0,72$) и доли городского населения в общей численности населения ($r_x = 0,74$). Последние два показателя также являются наиболее значимыми в регионах с низким спросом на рыбу. Однако в силу специфики местных традиций питания усиление этих факторов приводит к иному чем в рамках всей страны эффекту – не роста, а, напротив, снижения потребления рыбопродуктов.

В группе регионов с устойчиво высоким потреблением рыбопродуктов ключевое значение имеет один из факторов физической доступности – доли натуральных поступлений в весовой структуре потребления рыбопродуктов, а также один из факторов, характеризующих доминирующую модель питания – процентная разница в пищевых расходах домохозяйств между мясо- и рыбопродуктами (оба – $r_x = 0,80$). Сильное положительное влияние последнего фактора, по-видимому, объясняется локальной зависимостью расходов на покупку рыбопродуктов от доходов, обусловленной пищевыми предпочтениями людей (что подтверждается высокой отрицательной корреляцией данного фактора с величиной среднедушевого дохода в регионах с высоким потреблением рыбы, $r_x = -0,94$, и напротив, высокой положительной – в регионах с отсутствием традиций потребления этого продукта, $r_x = 0,71$).

Неожиданным является крайне слабое влияние на потребление ценового фактора – разницы между величинами индексов цен на рыбо- и мясопродукты. Причем в регионах с высоким уровнем потребления рыбы наблюдается положительная корреляция между уровнем индивидуального потребления и величиной этого фактора ($r_x = 0,2$). Другим непредвиденным результатом наших расчетов является отрицательное воздействие на потребление рыбопродуктов факторов роста финансового благосостояния в обеих группах регионов при ожидаемо положительном влиянии этих факторов в рамках всей страны. Можно предположить, что причиной тому служит сильное давление со стороны других факторов, прежде всего, определяющих пищевые предпочтения людей, а в

рыбопотребляющих регионах ещё и наличие альтернативных способов удовлетворения спроса на рыбу (самообеспечение). Эта же причина, по-видимому, объясняет эффект снижения потребления рыбы в случае увеличения спреда цен на мясо- и рыбопродукты в регионах с традиционно высоким спросом на этот продукт.

Незначительное влияние на потребление рыбы за анализируемый период оказывал уровень развития торговой инфраструктуры – специализированных продовольственных магазинов, торгующих мясо- и рыбопродуктами, что означает несущественность данного фактора в контексте нашего исследования. Это ставит под сомнение целесообразность традиционного направления мероприятий многих программ стимулирования потребления отечественной рыбной продукции – поддержки развития фирменной торговли рыбой. Кроме того, анализ корреляционной зависимости указывает на наличие довольно сильных взаимосвязей между некоторыми факторами, которые мы использовали для объяснения изменения спроса на рыбопродукты. Данное обстоятельство может служить основанием для исключения из дальнейшего рассмотрения малозначимых или дублирующих друг друга факторов, позволяющего сузить границы исследований и, в частности, упростить подбор регрессионных зависимостей, моделирующих потребление рыбопродуктов.

Заключение. Целью нашего исследования была оценка межрегиональных различий в спросе на рыбу и рыбопродукты относительно основных факторов, определяющих уровень потребления этих продуктов. Установление перечня и последующее изучение характера воздействия таких факторов на потребление рыбопродуктов, выполненное на основе обобщения результатов имеющихся в открытом доступе исследований и данных официальной статистики за 2011-2024 гг. позволило сделать следующие выводы.

Факторами, оказывавшими наиболее сильное влияние на уровень личного потребления рыбопродуктов как во всей РФ, так и в регионах страны с наибольшим и наименьшим потреблением рыбы были различные проявления, характеризующие общестрановые и региональные особенности традиций и культуры питания. В числе таких факторов мы рассматривали разницу долей расходов на мясо- и рыбопродукты в пищевых расходах населения, белковую насыщенность рациона питания людей, а также долю городских жителей в общей численности населения.

Номинальные денежные доходы населения и темпы изменения цен на рыбопродукты относительно цен на товары-заменители (мясопродукты) не имели существенного значения для спроса на эти товары в обеих выделенных группах регионов. Однако в рамках всей страны величина среднедушевого дохода оказывала умеренное положительное влияние на уровень среднедушевого потребления рыбопродуктов.

Зависимость уровня потребления рыбопродуктов от соотношения между доходами населения и величиной прожиточного минимума хотя и существенна, однако носит разноречивый характер. В то время как в целом по стране влияние этого фактора за анализируемый период очень велико и положительно, в основных рыбопотребляющих регионах улучшение финансового благосостояния людей, напротив, приводило к уменьшению потребления рыбы, а в регионах с

традиционно низким спросом на рыбу его воздействие на потребление было незначительно.

Спецификой регионов с устойчиво высоким уровнем потребления рыбопродуктов является важная роль натуральных источников поступления данного продукта в домохозяйства. Однако следует с осторожностью относиться к такому выводу, поскольку оценка влияния этого фактора не выглядит надёжной из-за малого числа наблюдений.

Уровень развития торговли (количество специализированных магазинов) не оказывает заметного влияния на потребление рыбопродуктов как в рамках всей страны, так и в рассматриваемых группах регионов.

Нетрудно также заметить, что все три главных рыбопотребляющих региона относятся к числу основных рыбодобывающих субъектов РФ, в то время как три региона с наименьшим потреблением рыбы лишены крупных водных объектов и не имеют выхода к морю, подтверждая, тем самым, предположение о наличии тесной связи между уровнем потребления рыбопродуктов и доступом к рыбным ресурсам. Данный факт требует соответствующего отражения в моделях, описывающих региональную специфику спроса на рыбопродукты.

Как любое другое научно-прикладное исследование сложных социально-экономических процессов и явлений, наша работа имеет определенные допущения и ограничения, игнорирование которых способно приводить к неверным выводам. В частности, погрешности могут возникать из-за малого количества наблюдений, недостаточного для объективного анализа факторов, а также из-за ошибок и неточностей в статистической информации, использованной в наших расчетах. На высокую вероятность последнего указывает экстремально большая нестабильность (а иногда, явная противоречивость) некоторых показателей, сообщаемых официальной статистикой, особенно на региональном уровне. Кроме того, оценивая влияние тех или иных факторов следует помнить, что само по себе обнаружение корреляционной зависимости не даёт основания утверждать, что все рассматриваемые объясняющие переменные являются истинными причинами изменения уровня потребления рыбопродуктов, либо что между этими переменными действительно существуют прямые причинные связи, а изменения их величин не вызваны влиянием некоего неучтённого фактора [25]. С другой стороны, отсутствие корреляции между двумя величинами не всегда означает отсутствие связи между ними. В частности, зависимость потребления рыбопродуктов от некоторых факторов может иметь сложный нелинейный характер, выявление и описание которого требует применения специальных методов.

Тем не менее, обнаруженные и оцененные в результате нашего исследования взаимосвязи могут послужить основой для разработки моделей, описывающих среднестатистическое потребление рыбопродуктов на страновом или субстратовом уровнях, а также для более глубокого изучения причин, обуславливающих межрегиональные различия в величине данного показателя.

Список источников

1. Ye Y. Historical Consumption and Future Demand for Fish and Fishery Products: Exploratory Calculations for the Years 2015/2030. FAO Fisheries Circular No. 946. Rome. FAO. 1999. 243 p.
2. Can M. F., Gunlu A., Can H. Y. Fish consumption preferences and factors influencing it // Food Science and Technology (Campinas). 2015. Vol. 35 (2). P. 339-346. DOI:10.1590/1678-457X.6624.
3. Honkanen P., Olsen S. O., Verplanken B. Intention to consume seafood – the importance of habit // Appetite. 2005. Vol. 45 (2). P. 161-168. DOI:10.1016/j.appet.2005.04.005.
4. Laurenti G. 1961-2005 Fish and fishery products: world apparent consumption statistics based on food balance sheets. FAO Fisheries Circular No. 821, rev. 9. Rome. FAO. 2007. 429 p.
5. Naylor R., Kishore A., Sumaila U. R., Issifu I., Hunter B. P., Belton B., et al. Blue food demand across geographic and temporal scales // Nature Communication. 2021. Vol. 12. 5413. DOI: 10.1038/s41467-021-25516-4.
6. Thapa G., Dey M. M., Engle C. Consumer preferences for live seafood in the Northeastern Region of USA: results from Asian ethnic fish market survey // Aquaculture Economics & Management. 2015. Vol. 19 (2). P. 210-225. DOI:10.1080/13657305.2015.1024346.
7. Knap R. Trends and Factors of Development of the World Consumption of Fish and Fishery Products // Folia Oeconomica Stetinensia. 2011. Vol. 10 (1). P. 213-227. DOI: 10.2478/v10031-011-0012-3.
8. Clements K. W., Si J. Engel's law, diet diversity, and the quality of food consumption // American Journal of Agricultural Economics. 2018. Vol. 100. P. 1-22. DOI:10.1093/ajae/aax053.
9. Seale J., Regmi A., Bernstein J. International Evidence on Food Consumption Patterns. US Department of Agriculture. Technical Bulletin 2003. No. 1904. 53 p. DOI:10.22004/ag.econ.33580.
10. OECD-FAO Agricultural Outlook 2018-2027. OECD-FAO. 2018. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2018-2027_agr_outlook-2018-en.html
11. The State of World Fisheries and Aquaculture 2000. Rome. FAO. 2000. <https://www.fao.org/4/x8002e/x8002e00.htm>
12. Харин А. Г. Оценка различий в экономической доступности рыбопродуктов в регионах Российской Федерации // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1 (49). С. 134-152. DOI:10.46845/2073-3364-2025-0-134-152.
13. Delgado C. L. et al. Fish to 2020: supply and demand in changing global markets. International Food Policy Research Institute/WorldFish Center. Washington, D.C.-Penang, Malaysia. 2003. 226 p. <https://digitalarchive.worldfishcenter.org/server/api/core/bitstreams/847b2603-3e06-435c-9c81-376ba3d09c0a/content>

14. The State of World Fisheries and Aquaculture 2008. Rome. FAO. 2009.
<https://www.fao.org/4/i0250e/i0250e00.htm>
15. Béné C., Barange M., Subasinghe R., Pinstrip-Andersen P., Merino G., Hemre G., et al. Feeding 9 billion by 2050 – Putting fish back on the menu // Food Security. 2015. Vol. 7 (2). P. 261-274. DOI:10.1007/s12571-015-0427-z.
16. Babovic J., Ignjatijevic S., Dordevic D. Supply, Demand and Elasticity of Fish // Economics of Agriculture. 2011. Vol. 58 (4). P. 595-608.
<https://www.ea.bg.ac.rs/index.php/EA/article/view/609>
17. Мнацаканян А. Г., Карлов А. М., Харин А. Г. Метод оценки экономической доступности рыбных продуктов в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Морские интеллектуальные технологии. 2021. № 4. Том 4. С. 135-140.
18. Asche F., Bjørndal T., Gordon D. V. Demand Structure for Fish. In: Handbook of Operations Research in Natural Resources. 2007. P. 295-314. DOI:10.1007/978-0-387-71815-6_15.
19. Delgado C. L., Courbois C. Changing Fish Trade and Demand Patterns in Developing Countries and Their Significance for Policy Research. MTID Discussion Paper No. 18. Washington. International Food Policy Research Institute. 1997.
<https://hdl.handle.net/10568/161149>
20. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Исследование межрегиональных различий в ценах на некоторые рыбопродукты и на товары-заменители рыбы в Российской Федерации // АПК: Экономика, управление. 2025. № 2. С. 55-65. DOI: 10.33305/252-55.
21. Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л. Ценовая эластичность спроса на рыбную продукцию: практика российского рынка // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2024. № 4 (63). С. 65-74. DOI: 10.25686/2306-2800.2024.4.65.
22. Харин А. Г. Комплексная оценка межрегиональных различий в цене рыбопродуктов в Российской Федерации // Балтийский экономический журнал. 2025. № 4 (52). С. 112-125.
23. Issifu I., Deffor E.W., Deyshappriya N., Dahmouni I., Sumaila U. R. Drivers of Seafood Consumption at Different Geographical Scales // Journal of Sustainability Research. 2022. Vol. 4 (3). e220012. DOI: 10.20900/jsr20220012.
24. Papageorgiou P. A. National Seafood Market Information and Analysis of Demand Factors. In: Seafood Market Studies for the Introduction of New Aquaculture Products, ed. P. Paquotte, C. Mariojouis, J. Young, CIHEAM-IAMZ, Zaragoza. 2002. P. 47-57. <http://om.ciheam.org/om/pdf/c59/02600080.pdf>
25. Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: Учебник / Под ред. И. И. Елисеевой. 4-е издание, переработанное и дополненное. Москва. Финансы и Статистика. 2002. 480 с.

References

1. Ye Y. Historical Consumption and Future Demand for Fish and Fishery Products: Exploratory Calculations for the Years 2015/2030. FAO Fisheries Circular No. 946. Rome. FAO. 1999. 243 p.
2. Can M. F., Gunlu A., Can H. Y. Fish consumption preferences and factors influencing it // Food Science and Technology (Campinas). 2015. Vol. 35 (2). P. 339-346. DOI:10.1590/1678-457X.6624.
3. Honkanen P., Olsen S. O., Verplanken B. Intention to consume seafood – the importance of habit // Appetite. 2005. Vol. 45 (2). P. 161-168. DOI:10.1016/j.appet.2005.04.005.
4. Laurenti G. 1961-2005 Fish and fishery products: world apparent consumption statistics based on food balance sheets. FAO Fisheries Circular No. 821, rev. 9. Rome. FAO. 2007. 429 p.
5. Naylor R., Kishore A., Sumaila U. R., Issifu I., Hunter B. P., Belton B., et al. Blue food demand across geographic and temporal scales // Nature Communication. 2021. Vol. 12. 5413. DOI: 10.1038/s41467-021-25516-4
6. Thapa G., Dey M. M., Engle C. Consumer preferences for live seafood in the Northeastern Region of USA: results from Asian ethnic fish market survey // Aquaculture Economics & Management. 2015. Vol. 19 (2). P. 210-225. DOI:10.1080/13657305.2015.1024346.
7. Knap R. Trends and Factors of Development of the World Consumption of Fish and Fishery Products // Folia Oeconomica Stetinensia. 2011. Vol. 10(1). P. 213-227. DOI: 10.2478/v10031-011-0012-3.
8. Clements K. W., Si J. Engel's law, diet diversity, and the quality of food consumption // American Journal of Agricultural Economics. 2018. Vol. 100. P. 1-22. DOI:10.1093/ajae/aax053.
9. Seale J., Regmi A., Bernstein J. International Evidence on Food Consumption Patterns. US Department of Agriculture. Technical Bulletin 2003. No. 1904. 53 p. DOI:10.22004/ag.econ.33580.
10. OECD-FAO Agricultural Outlook 2018-2027. OECD-FAO. 2018. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2018-2027_agr_outlook-2018-en.html
11. The State of World Fisheries and Aquaculture 2000. Rome. FAO. 2000. <https://www.fao.org/4/x8002e/x8002e00.htm>
12. Kharin A. G. Assessment of differences in the economic availability of fish products in the regions of the Russian Federation // Baltic Economic Journal. 2025. No. 1 (49). P. 134-152. DOI: 10.46845/2073-3364-2025-0-134-152.
13. Delgado C. L. et al. Fish to 2020: supply and demand in changing global markets. International Food Policy Research Institute/WorldFish Center. Washington, D.C.-Penang, Malaysia. 2003. 226 p. <https://digitalarchive.worldfishcenter.org/server/api/core/bitstreams/847b2603-3e06-435c-9c81-376ba3d09c0a/content>

14. The State of World Fisheries and Aquaculture 2008. Rome. FAO. 2009. <https://www.fao.org/4/i0250e/i0250e00.htm>
15. Béné C., Barange M., Subasinghe R., Pinstup-Andersen P., Merino G., Hemre G., et al. Feeding 9 billion by 2050 – Putting fish back on the menu // Food Security. 2015. Vol. 7 (2). P. 261-274. DOI:10.1007/s12571-015-0427-z.
16. Babovic J., Ignjatijevic S., Dordevic D. Supply, Demand and Elasticity of Fish // Economics of Agriculture. 2011. Vol. 58 (4). P. 595-608. <https://www.ea.bg.ac.rs/index.php/EA/article/view/609>
17. Mnatsakanyan A. G., Karlov A. M., Kharin A. G. Method for assessing the economic availability of fish products in the context of food security // Marine intelligent technologies. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 135-140.
18. Asche F., Björndal T., Gordon D. V. Demand Structure for Fish. In: Handbook of Operations Research in Natural Resources. 2007. P. 295-314. DOI:10.1007/978-0-387-71815-6_15.
19. Delgado C. L., Courbois C. Changing Fish Trade and Demand Patterns in Developing Countries and Their Significance for Policy Research. MTID Discussion Paper No. 18. Washington. International Food Policy Research Institute. 1997. <https://hdl.handle.net/10568/161149>
20. Mnatsakanyan A. G., Kharin A. G. Study of interregional differences in prices for some fish products and fish substitutes in the Russian Federation // APK: Economics, Management. 2025. No. 2. C. 55-65. DOI: 10.33305/252-55.
21. Sergeev L. I., Sergeev D. L. Price elasticity of demand for fish products: Russian market practice // Bulletin of the Volga State Technological University. Series: Economics and Management. 2024. No. 4 (63). P. 65-74. DOI: 10.25686/2306-2800.2024.4.65.
22. Kharin A. G. Comprehensive assessment of interregional differences in the price of fish products in the Russian Federation // Baltic Economic Journal. 2025. №4 (52). P. 112-125.
23. Issifu I., Deffor E. W., Deyshappriya N., Dahmouni I., Sumaila U. R. Drivers of Seafood Consumption at Different Geographical Scales // Journal of Sustainability Research. 2022. Vol. 4 (3). e220012. DOI: 10.20900/jsr20220012.
24. Papageorgiou P. A. National Seafood Market Information and Analysis of Demand Factors. In: Seafood Market Studies for the Introduction of New Aquaculture Products, ed. P. Paquotte, C. Mariojouis, J. Young, CIHEAM-IAMZ, Zaragoza. 2002. P. 47-57. <http://om.ciheam.org/om/pdf/c59/02600080.pdf>
25. Eliseeva I. I., Yuzbashev M. M. General Theory of Statistics: Textbook / Ed. I. I. Eliseeva. 4th edition. Moscow. Finance and Statistics. 2002. 480 p.

Информация об авторе

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

A. G. Kharin – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Finance of the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 101-112

Baltic Economic Journal. 2026. № 1(53). P. 101-112

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338:331

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-101-112

Ремонт рыбопромысловых судов: кадровый потенциал и новые технологии

Оксана Геннадьевна Огий

ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет",
Калининград, Россия

oksana.ogij@klgtu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа кадровой готовности рыбохозяйственного комплекса решать перспективные задачи судоремонта в условиях старения рыбопромыслового флота и наращивания темпов строительства новых высокотехнологичных судов. На основе статистического анализа девятилетней динамики численности обучающихся по программам в области технологий судостроения, судоремонта и смежным, реализуемых образовательными организациями, подведомственными Росрыболовству, сделан вывод об общей обеспеченности перспективной кадровой потребности рыбохозяйственного судоремонта. Рыбохозяйственный образовательный кластер готов обеспечить высококвалифицированным персоналом и специалистами среднего звена внедрение новых технологий судоремонта, включая автоматизацию и роботизацию, использование новых материалов и цифровых технологий. Вместе с тем, результаты анализа указывают на наличие территориальной диспропорциональности в кадровой обеспеченности судоремонта, которую необходимо компенсировать, в том числе с помощью сетевых программ, совместных инжиниринговых центров и других гибких интеграционных проектов.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, судоремонт, кадровый потенциал, управление, новые технологии.

Для цитирования: Огий О. Г. Ремонт рыбопромысловых судов: кадровый потенциал и новые технологии // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 101-112. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-101-112>.

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Fishing vessel repair: human resources and new technologies

Oksana G. Ogiy

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

oksana.ogij@klgtu.ru

Abstract. This article presents the results of an analysis of the fisheries industry's personnel readiness to address the future challenges of ship repair, given the aging fishing fleet and the increasing pace of construction of new high-tech vessels. Based on a statistical analysis of nine-year enrollment dynamics in programs in shipbuilding, ship repair, and related fields offered by educational institutions under the jurisdiction of the Federal Agency for Fisheries, it is concluded that the overall personnel needs of the fisheries ship repair industry are adequately met. The fisheries educational cluster is prepared to provide highly qualified personnel and mid-level specialists for the implementation of new ship repair technologies, including automation and robotics, the use of new materials, and digital technologies. At the same time, the results of the analysis indicate the presence of a territorial disproportion in the staffing of ship repair, which needs to be compensated, including through network programs, joint engineering centers and other flexible integration projects.

Keywords: fisheries complex, ship repair, human resources, management, new technologies

For citation: Ogiy O. G. Fishing vessel repair: human resources and new technologies // Baltic Economic Journal. 2026; 1(53): P. 101-112. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-101-112>.

Введение

Рыбопромысловый флот является основным стратегическим ресурсом развития рыбохозяйственного комплекса. Несмотря на то, что видовая структура основных фондов рыбохозяйственного комплекса претерпевает трансформацию в последние годы - доля транспортных средств в общем объеме сокращается [1], рыбопромысловый флот по-прежнему составляет основу материально-технической базы отрасли.

По данным Российского морского регистра (РС) и Российского классификационного общества (РКО) на конец 2025 года рыбопромысловый флот насчитывал 3369 судов, включая рыболовные самоходные (рыболовные, рыбопромысловые), рыбообрабатывающие (приёмо-транспортные и рефрижераторные), рыболовные несамоходные, плавзаводы, вспомогательные

суда (спасательные, обстановочные, природоохранные) и суда специального назначения (научно-исследовательские, экспедиционные, учебные суда); рыболовные маломерные (самоходные и несамоходные рыбопромысловые, спасательные, специального назначения).

В составе рыбопромыслового флота имеют возраст до 20 лет 9,8 % (РС) и 45,4 % (РКО) судов; от 20 до 29 лет – 16,5 % (РС) и 7,3 % (РКО); от 30 до 39 лет - 53,7 % судов (РС) и 19,5 % судов (РКО); от 40 до 49 лет – 17 % (РС) и 20,8 % (РКО); 50 лет и старше – 3 % (РС) и 7 % (РКО). Более четверти флота (25,3 %) старше 40 лет.

Без учета маломерных судов, основу производственного потенциала рыбопромыслового флота составляют средние суда (от 34 м до 65 м) - 518 единиц; больших судов длиной от 65 м до 100 м - 120 единиц, суперсудов длиной более 100 м - 124 единицы, малых судов длиной от 24 м до 34 м – 156 единиц [2, 3].

Отрасль ремонта гражданских судов претерпевает значительные преобразования. С одной стороны, над ней довлеет тенденция старения эксплуатируемого флота, с другой стороны, строящиеся современные суда становятся всё более сложными, требующими специализированных навыков и технологий ремонта. Возрастающая сложность судов требует большего количества квалифицированных рабочих и передовых технологий [4-6]. Доступных данных, отвечающих требованиям надежности, для решения управленческих задач, как в отношении судоремонтных предприятий, их мощностей, так и в отношении перспективной потребности в судоремонте, практически нет [7].

Информационную базу исследования составил датасет по 3369 судам рыбопромыслового флота, сформированный на основе парсинга данных регистровых книг РС и РКО. База данных, составленная на основе данных отчетов федерального статистического наблюдения ВПО-1, 1-Мониторинг и данных мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования ГИВЦ Минобрнауки России¹. Для выявления тенденций использовалась методика построения динамических рядов показателей за период с 2017 по 2025 гг.

Судоремонтные компетенции рыбохозяйственного образования

Привлечение и удержание квалифицированных специалистов имеют решающее значение для роста отрасли рыбохозяйственного судоремонта, особенно в области передовых технологий, таких как автоматизация и робототехника. Решение проблемы нехватки квалифицированного персонала и адаптация к изменяющимся технологическим ландшафтам становятся ключом к успешному поддержанию надлежащего технического состояния рыбопромыслового флота.

Образовательный кластер рыбохозяйственного комплекса представлен образовательными организациями, подведомственными Федеральному агентству

¹ Данные доступны по ссылке: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

по рыболовству, в т. ч.: ФГБОУ ВО "Астраханский государственный технический университет" (АГТУ), ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет" (КГТУ), ФГБОУ ВО "Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет" (Дальрыбвтуз), ФГБОУ ВО "Камчатский государственный технический университет" (КамчатГТУ) и ФГБОУ ВО "Керченский государственный морской технологический университет" (КГМТУ), которые осуществляют подготовку по программам высшего, среднего профессионального, дополнительного профессионального образования, программам профессионального обучения, программам подготовки научно-педагогических кадров.

Вузами Росрыболовства осуществляется как профильная подготовка в области судостроения и судоремонта, так и в области эксплуатации судовым машин, оборудования, механизмов. По направлению "Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры" по программам высшего образования осуществляют подготовку АГТУ и КГТУ, по направлению среднего профессионального образования "Судостроение" АГТУ и КГМТУ. На базе КГТУ функционирует Научно-образовательный центр судостроения, морской инфраструктуры и техники. Для обеспечения привлекательности и роста количества абитуриентов, желающих обучаться на программах судостроительного, судоремонтного профиля, реализуются проекты ранней профессионализации. Так, в 2025 году при грантовой поддержке Министерства науки и высшего образования созданы инженерные классы судостроительного профиля в Калининградской области и в Камчатском крае. Общее количество обучающихся в инженерных судостроительных классах в 2025 году составило 317 школьников.

Положительная динамика контингента обучающихся по программам в области судостроения и судоремонта позволяет говорить о наличии возможности обеспечения перспективной потребности рыбохозяйственного судоремонта как в высококвалифицированных кадрах, так и в специалистах среднего звена (ППССЗ) (таблица 1).

Таблица 1 - Динамика контингента обучающихся по направлениям, специальностям судостроительного и судоремонтного профиля и смежным программам, чел.
Table 1 - Dynamics of the number of students by areas, specialties of shipbuilding and ship repair profile and related programs, people.

Уровни образования и направления, специальности	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бакалавриат	1088	1069	1148	1233	1208	1290	1273	1322	1473
Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры	274	287	315	365	362	378	386	367	392

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Машиностроение	171	179	182	154	152	133	124	146	170
Технологические машины и оборудование	643	603	651	714	694	779	763	809	911
Магистратура	170	198	194	205	180	217	222	218	248
Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры	52	64	65	69	77	90	90	92	95
Машиностроение						16	26	46	50
Технологические машины и оборудование	118	134	129	136	103	111	106	80	103
СПО ППСЗ	1900	1696	2179	2353	2287	2378	2327	2216	2264
Монтаж и техническое обслуживание судовых машин и механизмов	84	90	89	93	94	94	96	96	90
Монтаж, техническая эксплуатация и ремонт холодильно-компрессорных и теплонасосных машин и установок (по отраслям)	922	841	1137	1264	1337	1466	1417	1372	1404
Монтаж, техническое обслуживание, эксплуатация и ремонт промышленного оборудования (по отраслям)	570	437	612	645	502	477	463	403	398
Судостроение	324	328	341	351	354	341	351	345	342
Техническая эксплуатация и обслуживание роботизированного производства (по отраслям)									30

Источник: рассчитано автором по данным федеральной статистической отчетности.

По данным международных исследовательских агентств мировой рынок ремонта и технического обслуживания судов обслуживает более 50000 коммерческих судов, 12000 рыболовных судов, 400 действующих круизных лайнеров и 1500 военно-морских судов, нуждающихся в регулярном капитальном ремонте и обслуживании. Ежегодно более 30 000 судов по всему миру проходят плановые доковые ремонты, включающие такие рутинные работы, как очистка корпуса, техническое обслуживание гребных винтов, капитальный ремонт двигателей и модернизация электроники. Крупнейшие мировые верфи ежегодно выполняют более 10000 сложных ремонтных работ, включая модернизацию на соответствие экологическим стандартам. Азиатско-Тихоокеанский регион остается крупнейшим рынком по ремонту и техническому обслуживанию судов, обрабатывая более 50 % мирового объема работ в сухом доке. Порты Европы ежегодно обслуживают более 7000 судов, в основном это морские буровые установки и военно-морские флоты. На Северную Америку ежегодно поступает на техническое обслуживание более 5000 судов, причем лидируют крупные прибрежные верфи. Верфи Ближнего Востока ежегодно обслуживают более 2500

судов, включая нефтяные танкеры и суда снабжения для морских платформ. Согласно отчетам о мировом рынке судоремонта за 2025 год, объем рынка в 2024 году достиг 36,31 млрд. долларов США [8].

Новые технологии судоремонта и образовательный кластер Росрыболовства

Растущий спрос на услуги прогнозируемого технического обслуживания (PdMaaS)¹, автоматизация и роботизация судоремонта будут способствовать увеличению потребности в специалистах этой области.

Передовые системы мониторинга состояния, интегрированные с датчиками IoT, теперь позволяют операторам отслеживать износ и показатели производительности ключевых компонентов, таких как двигатели, винты и системы отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха, в режиме реального времени, что способствует прогнозируемому техническому обслуживанию вместо дорогостоящего оперативного ремонта. Более 200 верфей в мире уже используют роботизированные установки для очистки корпуса и все чаще внедряют автоматизированные системы пескоструйной обработки и покраски для сокращения времени выполнения работ. В мировой практике программные платформы управления проектами теперь помогают координировать сложные графики ремонта, логистику запасных частей и документацию по соответствию требованиям, особенно для крупных флотов. Модернизация систем кибербезопасности также является частью современного технического обслуживания, поскольку суда превращаются во взаимосвязанные цифровые экосистемы, уязвимые для киберугроз.

Университеты образовательного кластера Росрыболовства осуществляют подготовку в области автоматизации производства и цифровых технологий (таблица 2), часть выпускников этих программ заполняют перспективную потребность рыбохозяйственного судоремонта.

Таблица 2 - Динамика контингента обучающихся по направлениям, специальностям в области цифровых технологий и автоматизации, чел.

Table 2 - Dynamics of the number of students by field of study and specialty in digital technologies and automation, people

Уровни образования и направления, специальности	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Бакалавриат	1133	1107	1285	1390	1429	1414	1437	1513	1567
Автоматизация технологических процессов и производств	346	349	378	366	336	310	292	307	350
Информатика и вычислительная техника	208	194	235	290	307	320	321	310	310

¹ Predictive Maintenance as a Service — предиктивное обслуживание как услуга.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Информационная безопасность	96	99	109	116	126	134	150	158	140
Информационные системы и технологии	-	-	-	-	-	-	-	45	99
Прикладная информатика	483	465	563	618	660	650	674	693	668
Магистратура	127	138	139	118	110	145	197	187	180
Автоматизация технологических процессов и производств	57	66	64	48	41	52	62	68	90
Информатика и вычислительная техника	21	28	29	26	25	39	69	72	61
Информационная безопасность	7	3	5	11	13	16	21	11	12
Прикладная информатика	42	41	41	33	31	38	45	36	17
Специалитет	143	184	211	213	209	245	262	267	273
Информационная безопасность автоматизированных систем	143	184	211	213	209	245	262	267	273
СПО ППССЗ	575	523	640	672	747	943	1155	1264	1381
Информационные системы (по отраслям)	377	338	443	429	319	179	78	1	0
Информационные системы и программирование	-	-	-	-	126	333	571	730	833
Компьютерные системы и комплексы	87	77	79	113	111	138	123	104	107
Обеспечение информационной безопасности автоматизированных систем	-	-	-	-	41	91	151	161	199
Оснащение средствами автоматизации технологических процессов и производств (по отраслям)	-	-	-	-	25	47	64	76	40
Прикладная информатика (по отраслям)	111	108	118	130	101	69	24	0	0
Сетевое и системное администрирование	-	-	-	-	24	86	144	192	202

Источник: рассчитано автором по данным федеральной статистической отчетности.

В целом достаточная обеспеченность рыбохозяйственного судоремонта собственными кадрами характеризуется территориальной неравномерностью. Наибольший дефицит будет испытывать Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн как в высококвалифицированных кадрах, так и в специалистах среднего звена (таблица 3). Решить эту проблему можно за счет внутриотраслевой кооперации в разработке и реализации образовательных программ, создания зеркальных лабораторий и целевого обучения.

Таблица 3 - Численность обучающихся по направлениям, специальностям судостроительного и судоремонтного профиля и смежным программам в образовательных организациях, подведомственных Росрыболовству в 2025 году, чел.

Table 3 - Number of students enrolled in shipbuilding and ship repair programs and related programs in educational institutions subordinate to the Federal Agency for Fishery in 2025, people

Уровни образования и направления, специальности	АГТУ	КГТУ	Даль-рыбвтуз	Камчат ГТУ	КГМУ
Бакалавриат	732	650	155	90	196
Автоматизация технологических процессов и производств	170	180	-	-	-
Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры	223	169	-	-	-
Машиностроение	-	170	-	-	-
Технологические машины и оборудование	339	131	155	90	196
Магистратура	192	110	13	4	19
Автоматизация технологических процессов и производств	71	19	-	-	-
Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры	64	31	-	-	-
Машиностроение	-	50	-	-	-
Технологические машины и оборудование	57	10	13	4	19
СПО ППСЗ	633	349	904	69	349
Монтаж и техническое обслуживание судовых машин и механизмов	-	-	-	-	90
Монтаж, техническая эксплуатация и ремонт холодильно-компрессорных и теплонасосных машин и установок (по отраслям)	236	260	839	69	-
Монтаж, техническое обслуживание, эксплуатация и ремонт промышленного оборудования (по отраслям)	244	89	65	-	-
Оснащение средствами автоматизации технологических процессов и производств (по отраслям)	40	-	-	-	-
Судостроение	83	-	-	-	259
Техническая эксплуатация и обслуживание роботизированного производства (по отраслям)	30	-	-	-	-
Общий итог	1557	1109	1072	163	564

Источник: рассчитано автором по данным федеральной статистической отчетности.

Судоремонтная отрасль переживает цифровую трансформацию, обусловленную интеграцией интеллектуальной диагностики, автоматизации и прогнозной аналитики. Технологии 3D-лазерного сканирования и цифровых двойников упрощают структурную оценку и модернизацию, позволяя точно моделировать корпуса судов, переборки и компоновку оборудования.

Робототехника и инструменты инспекции на основе искусственного интеллекта используются для выполнения таких задач, как анализ сварных швов, измерение толщины и инспекция резервуаров, с большей точностью и минимальным риском для человека.

На российских верфях часть технологий разрабатывается и внедряется как ответ на дефицит судоподъемных мощностей. Например, некоторые судоремонтные заводы используют пневматические ролик-мешки (баллоны) для спуска и подъема судов (рисунок а), а Росфлотсервис разработал и приступил к тиражированию технологии гибридного модульного плавучего дока (рисунок б).

а

б

Рисунок – Примеры разработок в области альтернативных технологий подъема и спуска судов

Figure - Examples of developments in the field of alternative technologies for lifting and launching ships

Ряд принципиальных технологических решений для проектов модернизации и технического перевооружения судоремонтных мощностей предлагает АО "Центр технологии судостроения и судоремонта".¹ Разработаны и реализуются меры государственной поддержки развития судостроения и судоремонта [9].

Внедрение технологий трансформирует судоремонт из трудоемкой услуги в высокотехнологичное, требующее высокой точности производство. Однако, необходимо учитывать, что использование подобных передовых технологий, несмотря на свою эффективность, будет увеличивать общую стоимость ремонта и технического обслуживания, особенно на начальных этапах внедрения и эксплуатации.

Развитию и скорейшему внедрению новых технологий судоремонта в отраслевую хозяйственную деятельность будет способствовать более активная политика в области совместных проектов отраслевых образовательных

¹ Информация доступна на сайте www.sstc.spb.ru

организаций в коллаборации с национальными и региональными центрами судостроения, судоремонтными заводами.

Заключение

Результаты анализа динамики качественных и количественных характеристик подготовки кадров для судостроения, судоремонта и смежных областей позволяют сделать вывод о готовности рыбохозяйственного образовательного кластера обеспечить перспективную кадровую потребность отраслевого судоремонта. Рыбохозяйственными университетами активно реализуется политика наращивания компетенций в области автоматизации, роботизации, информационных технологий. Даже если десятая часть выпускников этих программ свяжут свою профессиональную деятельность с судоремонтом, это перекроет прогнозируемый кадровый дефицит. Вместе с тем, необходимо решать проблему территориальной неравномерности в подготовке инженерных кадров для судоремонта и смежных видов деятельности.

Для решения задач научно-технического обоснования и образовательной поддержки развития рыбохозяйственного судоремонта целесообразно создание отраслевой коллаборации вузов, судостроительно-судоремонтных кластеров и рыбопромышленных судовладельцев под эгидой Федерального агентства по рыболовству в формате отраслевого кластера или консорциума. Формирование такой гибкой структуры позволит скоординировать усилия разрозненных функциональных и территориальных отраслевых центров по мониторингу, разработке и внедрению инноваций, проектов модернизации и программ подготовки кадров в сфере судоремонта рыбопромыслового флота. Кластер возьмет на себя функции экспертной проработки проектов и программ развития судоремонтной базы в регионах и на отдельных площадках, сформирует единое образовательное пространство, в т.ч. цифровое, для ускоренного обновления компетенций в области современных технологий и инноваций судоремонта.

Список источников

1. Огий О. Г., Изедеров К. В. Динамика инноваций и инвестиций в развитие российского рыбохозяйственного комплекса // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 10(148). – DOI 10.60797/IRJ.2024.148.40.
2. Рогов А. З., Огай С. А., Огай А. С. Перспективы развития судоремонта на Дальнем Востоке // Вестник инженерной школы ДВФУ. 2025. № 1(62). С 89-104.
3. Огий О. Г., Осипов В. Ю. Ремонт рыболовных судов как объект многошагового управления ресурсами // Балтийский экономический журнал. – 2025. – № 4(52). – С. 61-75. – DOI 10.46845/2073-3364-2025-0-4-61-75.
4. Ye Y., Zheng P., Wang Q., Wong S., Xu P. Modeling economic loss associated with fishing vessel accidents: A Bayesian random-parameter generalized beta of the

second kind model with heterogeneity in means //Analytic Methods in Accident Research. 2025;(46):100384.

5. Колончин К. В., Левашов Д. Е. Строительство, реновация, модернизация... Что делать? // Рыбное хозяйство. 2025. № 2. С. 100-107.

6. Храпов В. Е. Перспектива инновационного развития судоремонта для рыбной отрасли в приморских регионах России // Рыбное хозяйство. 2025. № 2. С. 108-115.

7. Кашина В. В., Бурмистров Е. Г. Особенности формирования банка данных отечественных судоремонтных предприятий в целях насыщения информационно-технологической платформы "Флот-Сервис-Судоремонт" // Судостроение. – 2025. – № 6(883). – С. 58-62.

8. Ship Repairing Market Report // The Business Research Company. – 2025. <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/ship-repairing-global-market-report>

9. Игитханян Д. А. Анализ мер государственной поддержки судостроения и судоремонта в Российской Федерации // Судостроение. – 2025. – № 3(880). – С. 59-68.

References

1. Ogiy O. G., Izederov K. V. Dynamics of innovation and investment in the development of the Russian fisheries complex // International Research Journal. - 2024. - No. 10 (148). - DOI 10.60797 / IRJ.2024.148.40.

2. Rogov A. Z., Ogay S. A., Ogay A. S. Prospects for the development of ship repair in the Far East // Bulletin of the FEFU Engineering School. 2025. No. 1 (62). P 89-104

3. Ogiy O. G., Osipov V. Yu. Repair of fishing vessels as an object of multi-step resource management // Baltic Economic Journal. - 2025. - No. 4 (52). - P. 61-75. - DOI 10.46845/2073-3364-2025-0-4-61-75.

4. Ye Y., Zheng P., Wang Q., Wong S., Xu P. Modeling economic loss associated with fishing vessel accidents: A Bayesian random-parameter generalized beta of the second kind model with heterogeneity in means //Analytic Methods in Accident Research. 2025;(46):100384.

5. Kolonchin K.V., Levashov D.E. Construction, renovation, modernization... What is to be done? // Fisheries. 2025. No. 2. pp. 100-107.

6. Khrapov V.E. Prospects for innovative development of ship repair for the fishing industry in the coastal regions of Russia // Fisheries. 2025. No. 2. pp. 108-115.

7. Kashina V. V., Burmistrov E.G. Features of the formation of a database of domestic ship repair enterprises in order to saturate the information technology platform "Fleet-Service-Ship Repair" // Shipbuilding. - 2025. - No. 6 (883). - P. 58-62.

8. Ship Repairing Market Report // The Business Research Company. – 2025.
<https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/ship-repairing-global-market-report>.

9. Igitkhanyan D. A. Analysis of measures of state support for shipbuilding and ship repair in the Russian Federation // Shipbuilding. - 2025. - No. 3 (880). - P. 59-68.

Информация об авторе

О. Г. Огий - канд. социол. наук, доцент, первый проректор ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

O. G. Ogiy – candidate of social. sciences, 1st Vice-Rector of FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 10.03.2026.

ФИНАНСЫ

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 113-124.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 113-124.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 336

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-113-124

Трансформация монетарной политики Банка России в условиях структурных изменений

Аида Сатылгановна Акматалиева

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

aida.akmatalieva@klgtu.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция монетарной политики Банка России после 2022 года в ответ на глубокие структурные изменения в экономике и финансовой системе. Анализируется переход к политике "дорогих денег", отказ от таргетирования инфляции в чистом виде и внедрение новых приоритетов – поддержания финансовой стабильности, бесперебойности расчетов и обеспечения структурной трансформации экономики. Рассматривается модификация инструментария. Оценивается эффективность предпринятых мер по подавлению инфляции и стабилизации финансового сектора, а также формулируются ключевые вызовы для денежно-кредитного регулирования в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: монетарная политика, ключевая ставка, рефинансирование, Банк России, таргетирование инфляции, финансовая стабильность, структурные изменения, валютный контроль, инфляционные риски.

Для цитирования: Акматалиева А. С. Трансформация монетарной политики Банка России в условиях структурных изменений // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 113-124. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-113-124>.

FINANCE

Original article

Transformation of the Bank of Russia's Monetary Policy in the Context of Structural Changes

Aida S. Akmatalieva

INOTECHU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

aida.akmatalieva@klgtu.ru

Abstract. The article examines the evolution of the Bank of Russia's monetary policy since 2022 in response to profound structural changes in the economy and financial system.

It analyzes the transition to a "tight money" policy, the abandonment of pure inflation targeting, and the introduction of new priorities, such as maintaining financial stability, ensuring the smooth functioning of payments, and promoting structural transformation of the economy. The article also explores the modification of the Bank's policy tools and assesses the effectiveness of the measures taken to suppress inflation and stabilize the financial sector. Additionally, it identifies key challenges for monetary policy in the medium term.

Keywords: monetary policy, key rate, refinancing, Bank of Russia, inflation targeting, financial stability, structural changes, currency control, inflation risks.

For citation: Akmatolieva A. S. Transformation of the Bank of Russia's Monetary Policy in the Context of Structural Changes // Baltic Economic Journal. 2026;1(53):113-124. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-113-124>.

Введение

Формирование эффективного режима монетарной политики является ключевым условием макроэкономической стабильности и устойчивого роста. Для России этот процесс носил сложный, нелинейный характер, отражая как внутренние трансформации переходной экономики, так и воздействие внешних шоков. Понимание теоретических основ и эволюции данного режима необходимо для адекватной оценки его текущей конфигурации и будущих перспектив.

Эффективность монетарной политики определяется не только корректностью постановки целей, но и адекватностью, гибкостью и слаженностью используемого инструментария. Классическое инфляционное таргетирование, которого Банк России придерживался в период 2014-2021 гг., опиралось на ограниченный набор рыночных инструментов во главе с ключевой процентной ставкой, воздействующей на экономику через единый канал процентных ставок. Однако структурные шоки 2022 года, выразившиеся в отключении от международных финансовых систем, заморозке резервов, введении ограничений на валютные операции и кардинальном изменении логистических цепочек, потребовали незамедлительной и глубокой перестройки всего операционного механизма денежно-кредитного регулирования.

Успешность любого режима монетарной политики определяется не только теоретической стройностью или операционной слаженностью, но и его практической результативностью в достижении декларируемых целей. Новая гибридная модель Банка России, сформировавшаяся в 2022-2024 годах, прошла проверку на острую фазу кризиса. Однако ее устойчивость и действенность в среднесрочной перспективе требуют объективной оценки с учетом возникающих системных вызовов. Эффективность следует оценивать не по единому критерию (например, достижению инфляционного таргетира), а по многомерной системе целей, которую Центральный банк (ЦБ) де-факто на себя взял: 1) ценовая стабильность; 2) финансовая стабильность; 3) поддержка структурной адаптации.

Цель исследования – выявить и систематизировать ключевые изменения в системе монетарных инструментов, вызванные необходимостью ответа на беспрецедентные внешние шоки, санкционное давление и глубокую структурную перестройку финансовой системы. В работе последовательно рассматривается

эволюция использования ключевой ставки, модификация системы рефинансирования и ликвидностных операций, введение мер валютного контроля и административного регулирования, а также развитие программ льготного целевого кредитования. Автор приходит к выводу о формировании нового гибридного режима, в котором рыночные инструменты таргетирования инфляции (ключевая ставка) органично сочетаются с нерыночными мерами обеспечения финансовой стабильности и поддержки структурных изменений. Это позволяет Банку России эффективно решать многомерную задачу по контролю над инфляцией, стабилизации финансового сектора и адаптации экономики к новым условиям, что составляет сущность современной российской монетарной модели.

Теоретические основы и эволюция режима монетарной политики Банка России

Рассматривая теоретические парадигмы монетарного регулирования от монетаризма к инфляционному таргетированию необходимо отметить, что выбор режима монетарной политики опирается на определенную теоретическую базу, определяющую конечные цели, промежуточные ориентиры и инструментарий.

В основе такого подхода как, монетаризм и денежное таргетирование, ассоциирующегося с работами М. Фридмана, лежит гипотеза о стабильности скорости обращения денег и существовании долгосрочной нейтральности денег [1, с. 45]. Главным каналом трансмиссионного механизма признается денежный (количественный). Центральный банк, контролируя денежный агрегат (чаще всего M2), косвенно влияет на инфляцию в среднесрочной перспективе. Данный режим был востребован в условиях высокой и гиперинфляции для быстрого обуздания роста цен через жесткое ограничение денежной массы.

Теоретической основой режима управляемого валютного курса выступает концепция номинального якоря, призванного стабилизировать инфляционные ожидания через фиксацию стоимости национальной денежной единицы к стабильной иностранной валюте (доллару или евро) [2, с. 112]. Данный режим эффективен для малых открытых экономик, но лишает ЦБ независимости в проведении внутренней денежно-кредитной политики, делая ее зависимой от политики Центробанка-эмитента валюты привязки, а также уязвимым к спекулятивным атакам.

Сформировавшись в 1990-е годы режим инфляционного таргетирования (ИТ) как ответ на недостатки предыдущих режимов, базируется на неокейнсианских моделях с акцентом на управление инфляционными ожиданиями экономических агентов [3, с. 78]. Ключевые принципы ИТ: 1) публичное провозглашение количественного целевого ориентира по инфляции; 2) приоритет цели по инфляции над другими; 3) высокая степень транспарентности и подотчетности ЦБ; 4) использование широкого набора индикаторов для принятия решений (анализ не только денежных агрегатов, но и данных реального сектора). Основным инструментом становится краткосрочная

процентная ставка, воздействующая через каналы ожиданий, кредитный и валютный каналы.

Практика Банка России представляет собой последовательную, хотя и с известными отклонениями, апробацию перечисленных теоретических моделей.

Период денежного таргетирования и валютного коридора (1990-е – начало 2000-х гг.). В условиях гиперинфляции и глубокого трансформационного спада Банк России в 1995 г. официально перешел к таргетированию денежной базы, что соответствовало монетаристским рецептам [4, с. 15]. Параллельно, для сдерживания девальвационных и инфляционных ожиданий, был введен режим "валютного коридора". Этот гибридный подход (денежное таргетирование + номинальный валютный якорь) позволил к 1997 г. резко снизить инфляцию, но сделал экономику уязвимой к внешним шокам, что ярко проявилось в кризисах 1998 и 2008-2009 гг., когда Банку России пришлось выбирать между защитой курса и поддержкой ликвидности банковской системы.

Множественность целей и переходный период (2000-е – начало 2010-х гг.). После кризиса 1998 г. произошел отказ от жесткого валютного коридора в пользу управляемого плавающего курса. Формально в этот период Банк России декларировал множество равнозначных целей: сдерживание инфляции, стабилизация рубля, поддержание экономического роста. На практике, как отмечают исследователи, валютный курс часто становился негласным приоритетом для сдерживания инфляции импортируемых товаров [5, с. 63]. Этот период можно охарактеризовать как поиск новой монетарной парадигмы, адекватной для страны с сырьевой экономикой и открытым финансовым счетом.

Внедрение и консолидация режима инфляционного таргетирования (2014-2021 гг.). Решение о переходе к режиму ИТ было принято в 2014 году, что стало поворотным пунктом в монетарной истории России. Теоретическим обоснованием послужили успехи данного режима в других странах с формирующимся рынком, а также необходимость повышения предсказуемости политики и снижения зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков [6, с. 5]. Были последовательно реализованы ключевые элементы ИТ.

1. Плавающий валютный курс, то есть отказ от регулярных валютных интервенций для поддержания курса (2014 г.), позволивший монетарной политике стать независимой.

2. Установление количественного целевого ориентира по инфляции: 4% (с 2016 г. и далее).

3. Ключевая ставка как главный инструмент, то есть введение единой ключевой ставки в 2013 г. и построение вокруг нее системы процентных инструментов.

4. Повышение прозрачности, выраженное в регулярной публикации докладов о денежно-кредитной политике, пресс-конференции председателя, протоколы заседаний Совета директоров.

К 2020 году Банк России создал все институциональные предпосылки классического ИТ. Пандемия COVID-19 стала первым серьезным испытанием, на которое ЦБ отреагировал в рамках гибкого ИТ, временно допуская отклонение инфляции от цели для поддержки экономики [7, с. 32].

События 2022 года поставили под вопрос применимость классической модели ИТ в условиях фундаментальных структурных шоков, санкций и высокой неопределенности. Теоретически выявились следующие ключевые ограничения ИТ.

- Доминирование немонетарных факторов инфляции: рост цен стал определяться не избыточным совокупным спросом, а шоками предложения (разрыв логистических цепочек, рост импортных издержек) и девальвацией, на которые ставка влияет слабо;

- Приоритет финансовой стабильности: классическое ИТ предполагает, что финансовая стабильность обеспечивается через ценовую. Однако шок ликвидности и угроза банковской системе потребовали от Банка России прямых мер (введение валютного контроля, специфические операции рефинансирования), которые вступили в противоречие с принципами чистого ИТ;

- Новый структурный приоритет: в "Основных направлениях... на 2023-2025 гг." Банк России впервые официально закрепил задачу "содействия структурной перестройке экономики" [8, с. 7]. Это расширяет мандат ЦБ за пределы, очерченные теорией ИТ, и сближает его с элементами концепции "развивательного государства".

Начиная с 2022 года, происходит прагматичная трансформация режима в сторону гибридной модели. Банк России сохраняет ключевую ставку в качестве основного инструмента и декларативную приверженность цели по инфляции, но де-факто дополняет его мандат приоритетами финансовой стабильности и структурной адаптации, активно используя избирательные меры контроля над капиталом и кредитными потоками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эволюция монетарной политики Банка России представляет собой путь от прямого административного контроля к рыночно-ориентированным режимам, каждый из которых был теоретически обоснован и отвечал вызовам своего времени. Пиком этой эволюции стало построение полноценного режима инфляционного таргетирования, которое сыграло ключевую роль в стабилизации макроэкономической ситуации к началу 2020-х годов. Однако структурные шоки 2022 года выявили теоретические и практические границы чистого ИТ в новых условиях. Текущий этап характеризуется формированием уникального гибридного режима, который, сохраняя формальные атрибуты таргетирования инфляции, интегрирует элементы управления финансовой стабильностью и поддержки структурных изменений. Теоретическое осмысление и оценка эффективности этой новой, находящейся в процессе становления модели, являются одной из наиболее актуальных задач для исследователей монетарной экономики в России.

Анализ трансформации инструментария монетарной политики Банка России в условиях структурных изменений

Новая система инструментов перестала быть лишь средством достижения ценовой стабильности, превратившись в комплексный механизм управления финансовой стабильностью и содействия структурным сдвигам. Проанализируем ключевые направления трансформации инструментария Банка России, оценим логику их применения и выявим формирующуюся конфигурацию гибридного монетарного регулирования.

В период 2022-2024 годов ключевая ставка сохранила свою роль как главный сигнальный и регулирующий инструмент, однако логика и контекст ее применения претерпели существенные изменения.

В ответ на обвальную девальвацию рубля и раскручивание девальвационно-инфляционной спирали в феврале-марте 2022 года Банк России предпринял беспрецедентное одномоментное повышение ключевой ставки с 9,5 % до 20 % годовых [9]. Это решение, выходящее за рамки стандартного реагирования на инфляционные ожидания, преследовало две основные цели: 1) немедленное сжатие спроса для противодействия паническим настроениям; 2) восстановление привлекательности рублевых активов и остановка "бегства" в валюту. Впоследствии, по мере стабилизации валютного рынка и замедления инфляционных процессов, ставка была постепенно снижена до 16 % к концу 2023 года, однако оставалась на глубоко рестриктивном уровне, учитывая замедляющуюся динамику потребительских цен [10, с. 18]. Это свидетельствует о смещении приоритета от краткосрочной стабилизации к долгосрочному подавлению устойчивых инфляционных рисков, источником которых выступили немонетарные факторы (рост издержек, дефицит рабочей силы, расширение фискальной политики).

Принятие решений по ключевой ставке перестало опираться исключительно на прогноз инфляции. В условиях высокой неопределенности и разрыва традиционных статистических взаимосвязей Банк России в своих решениях стал уделять повышенное внимание качественным индикаторам (опросы бизнеса и населения), анализу рисков финансовой стабильности и оценке глубины структурных изменений в различных секторах экономики [11]. Таким образом, ключевая ставка де-факто стала инструментом решения многомерной задачи.

Крайне важной частью трансформации стала адаптация системы предоставления ликвидности банковскому сектору в условиях блокировки значительной части международных резервов и внешних шоков.

Банк России был вынужден отказаться от прежней системы, ориентированной на рыночные аукционы, в пользу предоставления ликвидности через постоянные (ежедневные) операции РЕПО и валютного свопа на срок до 1 дня и до 1 года. Это позволило кредитным организациям надежно планировать свои краткосрочные потребности в рублевых и валютных средствах.

Одновременно был существенно расширен перечень активов, принимаемых в залог по операциям рефинансирования, включены долговые ценные бумаги новых эмитентов и иные активы, соответствующие возросшим рискам.

Для поддержки конкретных секторов и решения проблем разрыва в цепочках поставок Банк России запустил новые льготные программы рефинансирования. Наиболее значимой из них стала программа кредитования под плавающую ключевую ставку для инвестиционных проектов в приоритетных отраслях, а также для поддержки малого и среднего бизнеса. Эти меры выходят за рамки традиционного монетарного регулирования, сближаясь с инструментами структурной и промышленной политики, и демонстрируют готовность ЦБ к прямому воздействию на структуру кредитных потоков.

Наиболее радикальные изменения коснулись сферы валютного регулирования, где Банк России был вынужден временно отступить от принципов свободного движения капитала.

Временный указ, обязывающий экспортеров продавать 80% (впоследствии снижена до 60 % и далее смягчена) валютной выручки на внутреннем рынке, стал ключевым инструментом оперативного пополнения предложения иностранной валюты и сдерживания девальвации рубля в 2022 году [12]. Данная мера, имеющая сугубо административную природу, оказалась высокоэффективной для краткосрочной стабилизации, но породила дополнительные издержки для бизнеса.

Был введен комплекс ограничений на вывод капитала, переводы в пользу нерезидентов, открытие валютных счетов за рубежом. Эти меры были направлены на предотвращение оттока капитала и сохранение стабильности финансовой системы. Постепенно, по мере адаптации, многие из этих ограничений были смягчены или отменены, что указывает на их изначально антикризисный, а не перманентный характер.

Банк России де-факто вернулся к активным интервенциям, но в новой форме – осуществляя покупку и продажу валюты на внебиржевом рынке для сглаживания резких колебаний курса и пополнения/использования фонда национального благосостояния (ФНБ) в новых условиях.

Также необходимо отметить, что отдельным направлением трансформации стало активное использование Банком России инструментов, напрямую стимулирующих кредитование приоритетных секторов.

Продолжили действовать, а в некоторых случаях были расширены программы льготной ипотеки, кредитования МСП и АПК. Финансирование разницы между рыночной и льготной ставкой стало весомым каналом влияния на структуру экономики. Критики указывают на риски размывания сигнала ключевой ставки и создание перекосов на кредитном рынке, когда ресурсы концентрируются в субсидируемых сегментах в ущерб другим.

Через подконтрольные институты (например, "ДОМ.РФ") и в координации с правительством Банк России участвует в создании специальных финансовых

механизмов для поддержки импортозамещения, жилищного строительства и инфраструктурных проектов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубокой и всесторонней трансформации инструментария монетарной политики Банка России. В ответ на экстраординарные вызовы 2022 года сформировался новый гибридный операционный режим, который характеризуется следующими чертами:

- двухуровневость: верхний уровень – ключевая ставка, отвечающая за общее инфляционное давление и долгосрочные ожидания; нижний уровень – набор селективных (административных и таргетированных) инструментов, решающих задачи финансовой стабильности, управления валютным курсом и поддержки структурных изменений;

- прагматизм и гибкость, то есть инструментарий используется в высокоадаптивной манере, с готовностью к временному применению нерыночных мер (валютные ограничения) и их последующему постепенному сворачиванию по мере нормализации ситуации;

- расширение мандата в практической плоскости: через инструменты таргетированного рефинансирования и льготного кредитования Банк России фактически взял на себя часть функций по структурному перераспределению кредитных ресурсов, что выходит за рамки классического мандата центрального банка.

Оценка эффективности новой монетарной политики Банка России и системные вызовы в среднесрочной перспективе

Проведем оценку эффективности гибридного монетарного режима (2022-2024 гг.).

Инфляция в годовом выражении достигла пика в 17,8 % в апреле 2022 года, но уже к марту 2024 года снизилась до 7,7 %, приближаясь к целевому уровню. Более важным индикатором является снижение инфляционных ожиданий населения с исторических максимумов (18-20 % в 2022 году) до 10-11 % в начале 2024 года [13]. Эффективность можно оценить как высокую, так как рестриктивная ключевая ставка (20 % в 2022 г.) в сочетании с административными мерами (валютные ограничения, обязательная продажа выручки) позволили быстро переломить девальвационно-инфляционную спираль. Однако значительный вклад в замедление инфляции внесли и немонетарные факторы: базовая статистика, насыщение рынка импортными товарами через параллельный импорт, а также усиление фискальной дисциплины во второй половине 2023 года.

Отсутствие системных банкротств кредитных организаций; сохранение достаточности капитала банковского сектора (Н1.0 выше 12 %); стабилизация валютного курса после шока; бесперебойная работа платежных систем. В кризисной фазе эффективность очень высокая. Банк России оперативно предоставил банкам беспрецедентный объем ликвидности через постоянные операции, расширил ломбардный список и ввел регуляторные послабления. Эти

меры, вместе с контролем над валютным рынком, предотвратили классическую банковскую панику и крах финансовой системы [14]. Это является главным успехом нового режима.

Неоднозначная и трудная для количественной оценки поддержка структурной перестройки экономики. С одной стороны, программы льготного кредитования (особенно в промышленности) действительно поддерживали спрос и помогали бизнесу адаптироваться. С другой стороны, возникают серьезные риски: 1) "замораживание" неэффективных активов; 2) искажение структуры экономики за счет искусственного поддержания спроса в отдельных сегментах (риск перегрева рынка ипотеки); 3) создание скрытых фискальных обязательств, которые могут потребовать будущей монетизации.

Для подавления устойчивой инфляции, подпитываемой ростом издержек и расширением бюджета, требуется длительно сохранять ключевую ставку на высоком, рестриктивном уровне. Одновременно для масштабной перестройки производственных цепочек, импортозамещения и технологического обновления экономика остро нуждается в доступном долгосрочном кредите. Жесткая монетарная политика сжимает кредитные ресурсы и повышает их стоимость для всех секторов, не получающих целевой поддержки, создавая "двойной стандарт" и тормозя естественные структурные сдвиги.

Классический передаточный механизм от ключевой ставки к ставкам в экономике и далее к инфляции оказался нарушен. Причинами стали:

- сегментация кредитного рынка: льготные программы создали обособленный сегмент с искусственно заниженными ставками, не реагирующими на изменения ключевой ставки;
- административные барьеры: валютные ограничения исказили валютный канал трансмиссии;
- повышенная неопределенность: в таких условиях решения о кредитовании и инвестициях слабее реагируют на стоимостные сигналы, а больше – на регуляторные указания и меры господдержки.

В результате сигнал ключевой ставки доходит до экономики ослабленным и избирательным, что снижает эффективность основного рыночного инструмента ЦБ.

Новый режим сделал монетарную политику более зависимой от решений фискальных властей. Масштабные бюджетные расходы (в том числе на оборону и соцобязательства) являются мощным проинфляционным фактором, бороться с которым ЦБ может лишь косвенно, через удорожание кредита для всей экономики. Льготные программы также часто имеют фискальную составляющую (субсидирование ставки). Если расходы федерального бюджета останутся повышенными в условиях недостаточных нефтегазовых доходов, это создаст постоянное инфляционное давление и поставит Банк России перед выбором: допустить высокую инфляцию или задушить кредитом частный сектор [15].

Расширение мандата Банка России до поддержки структурных изменений создает институциональные риски:

- конфликт целей, то есть приоритеты могут вступить в противоречие (например, необходимость ужесточения политики для борьбы с инфляцией может потребовать свертывания программ льготного кредитования);
- снижение прозрачности и подотчетности: критерии успеха структурной политики размыты и субъективны, что затрудняет оценку эффективности ЦБ и делает его политику менее понятной для рынков;
- риск политического давления - вовлечение в решение структурных задач повышает риск запросов на дальнейшую монетизацию дефицита или поддержку "системообразующих" предприятий.

Заключение

Трансформация инструментария не является случайным набором антикризисных мер, а отражает становление новой, более сложной и многозадачной модели монетарного регулирования в России. Ее устойчивость и эффективность в среднесрочной перспективе будут зависеть от способности Банка России найти баланс между использованием селективных инструментов и сохранением ясности и предсказуемости своей основной процентной политики.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что гибридный режим монетарной политики Банка России доказал свою выдающуюся эффективность как система антикризисного управления. Он позволил в сжатые сроки стабилизировать финансовую систему, обуздать паническую инфляцию и создать условия для адаптации экономики. Однако его эффективность как модели среднесрочного развития оказывается под вопросом из-за ряда фундаментальных противоречий. Наиболее острым из них является несовместимость жесткой денежной политики, необходимой для контроля над инфляцией, с требованием дешевых и долгих кредитов для инвестиционного прорыва.

Таким образом, ключевым вызовом для Банка России и научного сообщества является не дальнейшая шлифовка существующих инструментов, а доктринальное оформление нового режима. Требуется:

1. четкое ранжирование целей (что является безусловным приоритетом, а что – факультативной функцией);
2. формализация правил и условий применения селективных инструментов, включая прозрачные критерии их ввода и вывода;
3. разработка новой модели фискально-монетарной координации, которая бы минимизировала проинфляционный эффект бюджетной политики.

Без решения этих задач эффективность монетарной политики в долгосрочной перспективе будет снижаться, а риски макроэкономической дестабилизации – возрастать. Научная дискуссия должна сместиться от констатации трансформации к поиску институциональных основ для новой, устойчивой монетарной архитектуры.

Список источников

1. Friedman, M. The Role of Monetary Policy / M. Friedman // The American Economic Review. – 1968. – Vol. 58, No. 1. – P. 1–17.
2. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 784 с.
3. Bernanke, B. S., Mishkin, F. S. Inflation Targeting: A New Framework for Monetary Policy? / B. S. Bernanke, F. S. Mishkin // Journal of Economic Perspectives. – 1997. – Vol. 11, No. 2. – P. 97–116.
4. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 1996 год. – М.: Банк России, 1995. – 45 с.
5. Улюкаев А. В. Современная денежно-кредитная политика: проблемы и перспективы. – М.: Дело, 2016. – 288 с.
6. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. – М.: Банк России, 2014. – 35 с.
7. Доклад о денежно-кредитной политике. – М.: Банк России, 2021. – № 1. – 120 с.
8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. – М.: Банк России, 2022. – 52 с.
9. Решение Совета директоров Банка России от 28.02.2022 "О ключевой ставке Банка России". – URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_05032022/.
10. Доклад о денежно-кредитной политике. – М.: Банк России, 2023. – № 4. – 112 с.
11. Обзор финансовой стабильности. – М.: Банк России, 2022. – Выпуск 3 (июль-октябрь). – 65 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций".
13. Инфляционные ожидания и потребительские настроения. – М.: Банк России, март 2024. – URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_24-03/.
14. Обзор финансовой стабильности. – М.: Банк России, 2023. – Выпуск 2 (май-октябрь). – 78 с.
15. Доклад о денежно-кредитной политике. – М.: Банк России, 2024. – № 1. – 105 с.

References

1. Friedman, M. The Role of Monetary Policy / M. Friedman // The American Economic Review. – 1968. – Vol. 58, No. 1. – P. 1–17.
2. Dornbusch R., Fisher S. Macroeconomics. – Moscow: Moscow State University Press: INFRA-M, 1997. – 784 p.

3. Bernanke, B. S., Mishkin, F. S. Inflation Targeting: A New Framework for Monetary Policy? / B. S. Bernanke, F. S. Mishkin // Journal of Economic Perspectives. – 1997. – Vol. 11, No. 2. – P. 97–116.
4. Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 1996. – Moscow: Bank of Russia, 1995. – 45 p.
5. Ulyukayev, A.V. Modern Monetary Policy: Problems and Prospects. Moscow: Delo, 2016. – 288 p.
6. Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2015 and the Period of 2016 and 2017. Moscow: Bank of Russia, 2014. – 35 p.
7. Report on Monetary Policy. Moscow: Bank of Russia, 2021. – № 1. – 120 p.
8. Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2023 and the Period of 2024 and 2025. – Moscow: Bank of Russia, 2022. – 52 p.
9. Decision of the Board of Directors of the Bank of Russia dated 28.02.2022 "On the Key Rate of the Bank of Russia". – URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_05032022/.
10. Report on Monetary Policy. Moscow: Bank of Russia, 2023. – № 4. – 112 p.
11. Financial Stability Review. Moscow: Bank of Russia, 2022. Issue 3 (July-October). – 65 p.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 dated February 28, 2022, "On the Application of Special Economic Measures in Connection with Unfriendly Actions by Certain Foreign States and International Organizations".
13. Inflation expectations and consumer sentiment. – Moscow: Bank of Russia, March 2024. – URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_24-03/.
14. Financial Stability Review. Moscow: Bank of Russia, 2023. Issue 2 (May-October). – 78 p.
15. Report on Monetary Policy. Moscow: Bank of Russia, 2024. – № 1. – 105 p.

Информация об авторе

А. С. Акматалиева – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

A. S. Akmatalieva – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Finance of the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 12.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 65.012.23

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-125-141

Управление капитальными затратами и финансовыми рисками инвестиционных проектов в реальном секторе экономики

Данута Брониславовна Василькова¹

Валерий Николаевич Войтюк²

Александра Валерьевна Томкович³

¹ Калининградский филиал Российского университета кооперации, Калининград, Россия

² Калининградский филиал АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации "РУК", Калининград, Россия

³ ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ danyta@bk.ru

² valery.67@mail.ru

³ aleksandra.tomkovich@klgtu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты управления капитальными затратами (CAPEX) и финансовыми рисками инвестиционных проектов в реальном секторе экономики. Показано, что систематическое превышение фактических расходов над плановыми остается одной из ключевых проблем как в государственном, так и в частном секторе. На основе анализа отечественной и международной практики выявлены основные группы факторов, обуславливающих перерасход CAPEX: технико-методологические (недостаточная глубина прединвестиционных исследований, недооценка стоимости ресурсов), организационно-управленческие (слабая зрелость проектного управления, фрагментация ответственности) и политико-экономические (оптимистические искажения, коррупционные риски). Особое внимание уделено финансовым рискам, связанным с качеством планирования, структурой источников финансирования и динамикой внешних макроэкономических факторов. Авторами предлагается подход к повышению достоверности финансового планирования через декомпозицию ключевых задач проекта до третьего уровня детализации и формирование единого методологического стандарта. Подчеркивается необходимость внедрения риск-ориентированного подхода на инвестиционной стадии для повышения финансовой устойчивости проектов и эффективности использования капитальных вложений.

Ключевые слова: инвестиции, капитальные затраты, финансовые риски, управление рисками, риск-ориентированный подход.

Для цитирования: Василькова Д. Б., Войтюк В. Н., Томкович А. В. Управление капитальными затратами и финансовыми рисками инвестиционных проектов в реальном секторе экономики // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 125-141. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-125-141>.

FINANCE

Original article

Management of capital expenditures and financial risks of investment projects in the real sector of the economy

Danuta B. Vasilkova¹

Valery N. Voytyuk²

Alexandra V. Tomkovich³

¹ Kaliningrad branch of the Russian University of Cooperation, Kaliningrad, Russia

² Kaliningrad branch of the All-Russian Union of Trade Unions of the Central Union of the Russian Federation "RUK", Kaliningrad, Russia

³ INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹ danyta@bk.ru

² valery.67@mail.ru

³ aleksandra.tomkovich@klgtu.ru

Annotation. This article examines current aspects of managing capital expenditures (CAPEX) and financial risks of investment projects in the real economy. It is shown that the systematic excess of actual expenditures over planned ones remains a key problem in both the public and private sectors. Based on an analysis of domestic and international practice, the main groups of factors causing CAPEX overruns are identified: technical and methodological (insufficient depth of pre-investment studies, underestimation of resource costs), organizational and managerial (weak project management maturity, fragmentation of responsibility), and political and economic (optimistic distortions, corruption risks). Particular attention is paid to financial risks associated with the quality of planning, the structure of funding sources, and the dynamics of external macroeconomic factors. The authors propose an approach to increasing the reliability of financial planning by decomposing key project objectives to the third level of detail and developing a unified methodological standard. The need to implement a risk-based approach at the investment stage to improve the financial sustainability of projects and the efficiency of capital investment is emphasized.

Keywords: investments, CAPEX, financial risks, risk management, risk-based approach.

For citation: Vasilkova D. B., Voytyuk V. N., Tomkovich A. V. Management of capital expenditures and financial risks of investment projects in the real sector of the economy // Baltic Economic Journal. 2026. No. 1 (53). P. 125-141. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-125-141>.

Инвестиционные проекты в реальном секторе экономики являются ключевым драйвером устойчивого экономического роста. Они обеспечивают создание новых рабочих мест, что снижает уровень безработицы и повышает доходы населения, стимулируя рост потребительского спроса. Кроме того,

данные проекты играют важную роль в модернизации инфраструктуры страны – развитие транспортных систем, систем водоснабжения, электроснабжения и цифровой инфраструктуры, способствуя эффективному функционированию экономики и улучшению качества жизни граждан. Существенная часть инвестиционных проектов связана с внедрением новых технологий и инновационных решений, что стимулирует рост производительности труда и благоприятствует развитию научно-технического потенциала.

Значимым элементом таких проектов являются капитальные расходы (CAPEX) – инвестиции в приобретение, улучшение или поддержание долгосрочных активов (здания, оборудование, технологии). Правильная оценка CAPEX критична для финансовой устойчивости и успешной реализации проектов. Кроме того, чем большее количество инвестиционных проектов реализуется, тем большее абсолютное отклонение в объеме плановых и фактических CAPEX возникает.

Динамика инвестиций в основной капитал в России представлена на рисунке 1. В соответствии с данными Росстата [1, 2], за последние десять лет была преимущественно позитивной – объем инвестиций вырос более чем в три раза (с 13 903 млрд. руб. до 39 920 млрд. руб.).

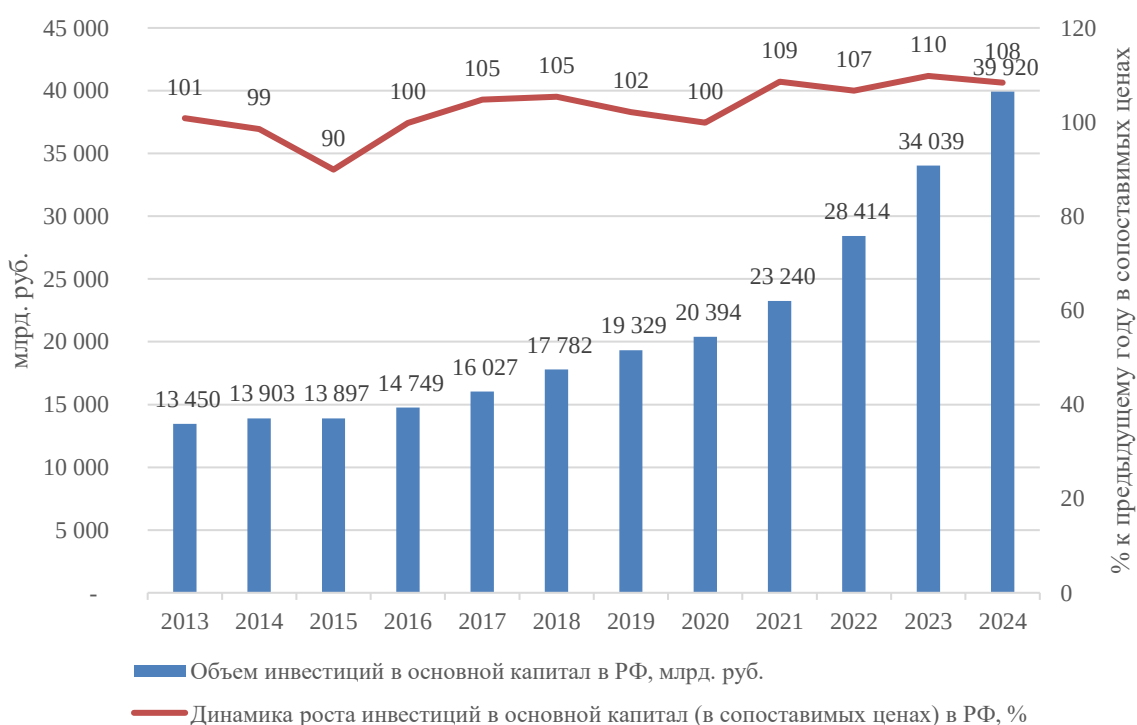

Рисунок 1 – Абсолютные и относительные значения инвестиций в основной капитал в РФ /

Figure 1 – Absolute and relative values of investments in fixed capital in the Russian Federation

Источник: [1, 2]

Однако в ряде периодов (2014–2015 гг., 2020 г.) отмечалось снижение инвестиций к предыдущему году в сопоставимых ценах (в соответствии с

используемой Росстатом методикой: в качестве сопоставимых принимаются среднегодовые цены предыдущего года), что связано, в частности, с внешнеэкономическими шоками и санкционными ограничениями.

Также на основе данных Росстата, структура инвестиций в основной капитал в Российской Федерации по формам собственности в сравнении за 2014 и 2024 гг. представлена на рисунке 2. Из приведенных данных заметно сокращение инвестиций смешанной и иностранной собственности, тогда как доля частного сектора выросла, а государственный сектор сохраняет стабильную долю инвестиций.

Рисунок 2 - Структура инвестиций в основной капитал в Российской Федерации по формам собственности в 2014 и 2024 гг., %

Figure 2 – Structure of investments in fixed capital in the Russian Federation by type of ownership in 2014 and 2024, %

Источник: [3]

Успешная реализация инвестиционных проектов требует тщательного планирования и контролируемого управления затратами. Исследования показывают, что около 90 % проектов, особенно в сфере инновационных и высоко рискованных инициатив, сталкиваются с финансовыми трудностями, а практически треть проектов не реализуется или существенно корректируется из-за нехватки средств [4].

Причинами перерасхода бюджета CAPEX часто являются:

- недооценка затрат на стадии планирования;
- изменения проектной документации и технических требований (например, новые экологические нормы);
- влияние внешних экономических факторов – инфляция, колебания цен на сырьё, политическая и регуляторная нестабильность;
- неэффективное управление проектом.

Проблема превышения бюджета характерна не только для государственных, но и для частных инвестиционных проектов, включая промышленность, девелопмент и высокотехнологичные отрасли. Международная

и российская практика демонстрируют, что перерасход CAPEX в частном секторе является распространённым явлением.

По данным McKinsey [5], анализ более 3 000 капиталоемких проектов частных компаний в энергетике, добывающей промышленности и инфраструктуре показал:

- около 75 % проектов частного сектора превышают первоначальный бюджет;
- средний перерасход составляет 20-30 % от плановой величины CAPEX;
- для крупных промышленных и инфраструктурных объектов перерасход свыше 50 % фиксируется примерно в каждом десятом проекте.

Аналогичные выводы содержатся в отчете KPMG “Global Construction Survey” по капитальным проектам [6]:

- лишь около 31 % частных компаний сообщают о завершении проектов в рамках первоначального бюджета;
- свыше 50 % опрошенных компаний отмечают, что значительная часть их проектов сталкивается с перерасходом более чем на 10-20 %.

В сфере девелопмента и коммерческой недвижимости частные инвесторы также регулярно сталкиваются с ростом CAPEX. По данным RICS и Deloitte по европейскому рынку недвижимости “Real Estate Construction Market Survey” [7]:

- около 40–45 % частных девелоперских проектов завершаются с превышением бюджета;
- для крупных комплексных объектов (многофункциональные центры, логистические комплексы) средний перерасход достигает 15-25 %.

В российской частной практике проблема также носит системный характер. Отчёты консалтинговых компаний и отраслевые исследования (например, НИУ ВШЭ и Центра развития [8] фиксируют:

- для промышленных и девелоперских проектов частных инвесторов перерасход CAPEX в 10-20 % от сметы является "нормой" рынка;
- по сложным технологическим и инфраструктурным объектам превышение 30-40 % встречается регулярно, особенно при высокой доле импортного оборудования и материалов.

К типичным примерам относятся:

- строительство логистических и складских комплексов, где рост стоимости металлоконструкций и строительных материалов в 2020-2022 гг. приводил к увеличению бюджета на 15-30 % по сравнению с первоначальной сметой;
- индустриальные парки и производственные цеха, в которых из-за изменения технологических решений и удорожания оборудования фактические затраты превосходили плановые на 20-40 %.

В государственном секторе проблема перерасхода носит ещё более выраженный и систематический характер. Международные исследования (ОЭСР,

МВФ, Всемирный банк) показывают, что перерасход средств по крупным инфраструктурным проектам является, скорее, правилом, чем исключением.

Исследование ОЭСР, обобщившее данные по более чем 200 крупным государственным проектам в транспортной, энергетической и социальной инфраструктуре, показало:

- среднее превышение первоначальной сметной стоимости составляет 20-45 %;
- в отдельных случаях перерасход достигает 100 % и более [9].

Схожие результаты демонстрируют работы Б. Флювбьерга, основанные на анализе сотен транспортных и городских проектов [10]:

- около 90 % крупных инфраструктурных проектов сталкиваются с перерасходом бюджета и задержками по срокам;
- среднее превышение бюджета для проектов городского и транспортного строительства составляет 28–45 %, а для мегапроектов – нередко свыше 50 %.

Показательны крупные инфраструктурные и спортивные проекты: высокоскоростные железные дороги, стадионы, транспортные развязки. По данным Международного олимпийского комитета и независимых исследований, средний перерасход расходов на олимпийские объекты превышал 100 % по отношению к первоначально утверждённым сметам, что объясняется жёсткими сроками, политическим давлением и частой сменой проектных решений [11].

В российской практике отчёты Счётной палаты РФ по объектам Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) и крупным стройкам показывают, что:

- до трети проектов требует пересмотра лимитов бюджетных обязательств;
- увеличение сметной стоимости на 20–40 % зачастую объясняется корректировкой проектно-сметной документации, изменением технических требований и индексацией цен, но значительная часть удорожания связана с изначально некорректным планированием и слабым контролем [12].

Основные причины систематического превышения расходов можно разделить на несколько групп.

1. Технические и методологические (недостаточное качество прединвестиционных исследований; неточность оценок стоимости строительных работ, оборудования, материалов; недоучёт инфляции и динамики цен на ресурсы).

По оценкам Всемирного банка, в развивающихся странах недооценка стоимости строительных материалов и услуг в начальных сметах в среднем составляет 10-15 %, что автоматически формирует риск последующих корректировок бюджета [13].

2. Организационно-управленческие факторы (слабое проектное управление; отсутствие единых стандартов планирования, мониторинга и контроля; фрагментация ответственности между участниками; низкая квалификация заказчика или инвестора). Анализ Счётной палаты РФ указывает,

что до трети проектов ФАИП сталкиваются с пересмотром сроков и смет по причине неготовности проектной документации, изменения технических условий, задержек со стороны подрядчиков.

3. Политико-экономические и поведенческие причины (намеренный оптимизм в оценках и занижение смет для "проталкивания" проекта; коррупционные практики и завышение контрактных цен). По оценке МВФ, искажение исходных параметров проектов и завышение стоимости контрактов могут приводить к потере до 1-2 % ВВП ежегодно в виде неэффективных государственных инвестиций в странах с высокой долей госсектора в капитальных вложениях [14].

Необходимость классификации финансовых рисков проекта на инвестиционной стадии позволяет сфокусировать цели анализа на отдельных группировках совокупности рисков проекта, обладающих специфическими классификационными признаками. Предлагается в качестве одного из таких признаков принять способность объектов и процессов порождать значительное количество финансовых рисков отклонения плановых значений денежного потока от фактических на инвестиционной стадии. Группировка объектов исследования по данному признаку приведена на рисунке 3.

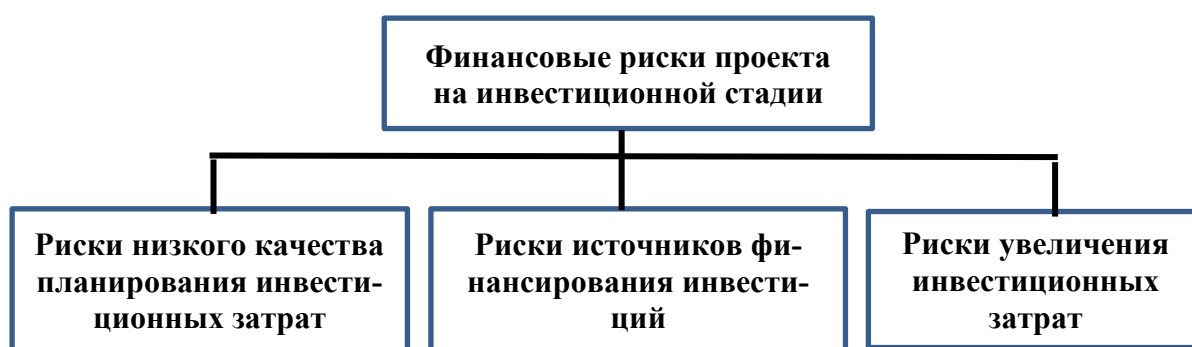

Рисунок 3 - Финансовые риски проекта на инвестиционной стадии

Figure 3 – Financial risks of the project at the investment stage

Источник: составлено авторами.

Первая группа финансовых рисков проекта на инвестиционной стадии порождается низким качеством планирования инвестиционных затрат.

Существующие сегодня в Российской Федерации требования и рекомендации к порядку разработки финансовой модели инвестиционного проекта, частью которой является денежный поток от инвестиционной деятельности, определены следующими положениями основных нормативных правовых актов:

- статья 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений"

- пункты 2.1), 5), 7), 9.1), и 13) статьи 2, пункт 7) статьи 7 Федерального закона от 01 апреля 2020 г. № 69-ФЗ "О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации";

- постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1514;
- постановление Правительства РФ от 13 сентября 2022 г. № 1602;
- приказы Минэкономразвития РФ № 626 от 16.11.2022 и № 894 от 30.11.2015;
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов от 21.06.1999 № ВК 477.

Необходимо отметить, что ни в одном из перечисленных выше документов не определены типовые статьи затрат инвестиционной стадии проекта и требуемый уровень декомпозиции структуры ключевых задач первого уровня.

По мнению авторов, именно отсутствие закрепления указанных требований на законодательном уровне является одной из причин низкого уровня качества подготовки финансовых моделей инвестиционных проектов в реальном секторе экономики и, как следствие, высокого уровня рисков некачественного планирования.

Авторами предлагается использовать типовую последовательность действий по подготовке исходных данных для построения финансовой модели проекта (рисунок 4).

Рисунок 4 - Финансовые риски проекта на инвестиционной стадии

Figure 4 – Financial risks of the project at the investment stage

Источник: составлено авторами.

В основе процесса определения статей и суммы затрат инвестиционной стадии, позволяющего обеспечить как качество и полноту структуры, так и точность прогноза значений денежного потока по инвестиционной деятельности, лежит декомпозиция ключевых задач соответствующего периода до третьего уровня детализации.

В качестве примера такой декомпозиции предлагается рассмотреть следующую ключевую задачу:

1. "Обеспечение проекта зарубежным технологическим оборудованием":

1.1. Контрактация поставки технологического оборудования:

1.1.1. Разработка спецификации требований к характеристикам технологического оборудования (URS - User Requirements Specification);

1.1.2. Проведение конкурентных процедур по выбору поставщика технологического оборудования;

1.1.3. Согласование и подписание договора на поставку технологического оборудования (базовые условия поставки – FCA);

1.1.4. Проведение конкурентных процедур по выбору поставщика транспортных услуг по доставке технологического оборудования;

1.1.5. Согласование и подписание договора транспортных услуг по доставке технологического оборудования от продавца до покупателя, включая страхование груза.

1.2. Оплата поставки:

1.2.1. Постановка контракта на поставку технологического оборудования на учет в банке с присвоением уникального номера контракта для целей осуществления валютного контроля;

1.2.2. Приобретение иностранной валюты для оплаты поставки технологического оборудования;

1.2.3. Перечисление оплаты поставщику технологического оборудования;

1.2.4. Перечисление оплаты поставщику транспортных услуг по доставке технологического оборудования.

1.3. Поставка:

1.3.1. Погрузка технологического оборудования на транспортное средство перевозчика;

1.3.2. Доставка технологического оборудования до границы Российской Федерации;

1.3.3. Размещение транспортного средства с технологическим оборудованием на складе временного хранения (далее - СВХ);

1.3.4. Внесение на депозит таможенного органа обеспечения уплаты таможенных пошлин, НДС и сборов за таможенное оформление;

1.3.5. Подготовка и подача в таможенный орган ввоза Декларации на товары (ДТ);

1.3.6. Оплата услуг СВХ;

1.3.7. Разгрузка технологического оборудования на производственной площадке.

1.4. Ввод технологического оборудования в эксплуатацию:

1.4.1. Подготовка площадки для монтажа технологического оборудования;

1.4.2. Монтаж технологического оборудования;

1.4.3. Проведение пуско-наладочных работ в отношении технологического оборудования.

Указанный уровень декомпозиции ключевой задачи проекта является минимально достаточным для осуществления качественного планирования: сроков, потребности в материальных, трудовых и финансовых ресурсов для ее выполнения.

Одним из важнейших источников рисков инвестиционной стадии проектов является метод финансирования капитальных вложений.

Выбор оптимального метода финансирования инвестиционной стадии зависит от множества факторов: финансовое состояние и залоговая база, доступ к кредитным ресурсам и рынкам капитала, возможность лизинга, регуляторные ограничения и др.

Основными задачами поиска оптимального метода/комбинации методов финансирования капитальных затрат являются:

- обеспечение сбалансированности стоимости капитала (Cost of Capital);
- сохранение контроля над компанией;
- удержание приемлемого уровня финансового риска.

В таблице представлено сравнение основных методов финансирования капитальных вложений (CAPEX) с точки зрения ключевых критериев оценки эффективности.

Таблица – Сравнение основных методов финансирования капитальных вложений (CAPEX) с точки зрения ключевых критериев оценки эффективности

Table – Comparison of the main methods of financing capital investments (CAPEX) in terms of key performance evaluation criteria

Критерий оценки	Самофинансирование (прибыль, амортизация)	Долговое финансирование (кредиты, облигационные займы)	Долевое финансирование (эмиссия акций)	Лизинг (финансовая аренда)
1	2	3	4	5
Стоимость капитала (WACC)	Низкая/Условно-бесплатная	Умеренная (зависит от ставки % и кредитного рейтинга)	Высокая (ожидания инвесторов по доходности)	Умеренная/Высокая (заложена в лизинговых платежах)
Скорость привлечения средств	Высокая (деньги уже в компании)	Средняя (требует времени на одобрение кредита/эмиссию)	Низкая/Средняя (IPO занимает много времени)	Высокая (быстрее, чем кредит)
Уровень финансового риска	Низкий (нет обязательств по возврату)	Высокий (риск банкротства при невозврате)	Низкий (нет фиксированных платежей)	Средний (обязательства по регулярным платежам)

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Сохранение контроля над компанией	Полное сохранение	Полное сохранение	Снижается (появление новых собственников)	Полное сохранение
Налоговые преимущества	Минимальные (после уплаты налога на прибыль)	Значительные (проценты по кредиту списываются на расходы)	Минимальные	Значительные (лизинговые платежи снижают налогооблагаемую базу, ускоренная амортизация)
Требования к залоговому обеспечению	Отсутствуют	Высокие (залог имущества, гарантии)	Отсутствуют (обеспечение — доля в бизнесе)	Отсутствуют (обеспечением является сам предмет лизинга)
Гибкость использования	Высокая (любые цели проекта)	Средняя (целевое использование средств)	Высокая (любые цели проекта)	Низкая (только для покупки ОС/оборудования)

Источник: составлено авторами по материалам: [15]

Анализируя потенциальные источники финансирования с позиции оценки их способности порождать финансовые риски, необходимо отметить следующее.

1) Каждый источник финансирования осуществляет предоставление финансовых ресурсов в соответствии с действующими нормативными правовыми актами и внутренними регламентирующими документами.

Хозяйственная операция по привлечению финансовых ресурсов оформляется соответствующими юридически значимыми документами, такими как: договор займа, договор конвертируемого займа, кредитный договор, решение о выпуске облигаций (эмиссионное решение), договор купли-продажи облигаций, решение о выпуске акций (эмиссионное решение), договор купли-продажи акций, договор лизинга, договор банковской гарантии, договор страхования ответственности заемщика, договор страхования залогового имущества и т. д.

Все эти документы являются потенциальными источниками финансовых рисков в части возможных нарушений заемщиком определенных в них условий (ковенант) и последующих санкций со стороны кредитора за такие нарушения. Ковенанты в кредитных договорах, как правило, жестко фиксируют:

- позитивные (обязывающие) действия заемщика (например, предоставлять финансовую отчетность в установленные сроки, поддерживать необходимые лицензии и разрешения, страховать бизнес или отдельные риски);
- негативные (ограничивающие) действия заемщика (например, запрет на совершение определенных действий: отчуждение активов, получение новых кредитов без согласования с банком, выплату дивидендов, если это ухудшает финансовые показатели и т. п.). Иногда кредитные договора могут содержать более 100 ковенант.

2) Еще одной совокупностью источников финансовых рисков, порождаемых процессом привлечения инвестиционного капитала, является внешний макроэкономический ландшафт и изменения условий хозяйствования. Так, например, ослабление национальной валюты при наличии кредита/займа, выраженного в иностранной валюте, неизбежно ведет к дополнительным затратам по его обслуживанию и возврату основного долга. Изменение (увеличение) ключевой ставки Банка России увеличит размер процентных выплат по кредиту/займу в случае, если договором предусмотрена корректировка процентной ставки в связи с указанным изменением.

3) Высоким уровнем финансовых рисков для заемщика характеризуется метод финансирования проекта за счет бюджетных средств (субсидии, льготное кредитование). Указанные риски обусловлены жесткими требованиями бюджетной дисциплины о повышенными мерами контроля за целевым использованием бюджетных средств. Нельзя не отметить, что фактическое получение финансовых ресурсов в рамках различных государственных программ реализации финансовых мер поддержки является негарантированным. Рассмотрение государственных субсидий, льготных кредитов и грантов в качестве основного источника финансирования инвестиционной стадии проекта представляется необоснованным.

4) Использование в качестве источника финансирования – эмиссию ценных бумаг (акций, облигаций) порождает риски высоких транзакционных издержек регистрации и проведения первичного/вторичного размещения, а также последующего обслуживания (выплата дивидендов, купонных выплат, ведение реестра, погашение и т. п.). Также к дополнительным издержкам приведет необходимость соблюдения новых требований со стороны регуляторов финансовых рынков (Банк России, Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная служба по финансовым рынкам, Московская биржа (МОЕХ), ПАО "СПБ Биржа").

5) Финансовые риски, порождаемые таким источником финансирования инвестиционного этапа, как лизинг (финансовая аренда), обусловлены значительными ограничениями в отношении объектов финансирования. Предметом лизинга могут быть любые непотребляемые вещи, в том числе предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другое движимое и недвижимое имущество [16]. Однако, земельные и природные объекты, а также работы услуги по созданию основных средств в рамках проекта не могут быть предметом лизинга.

Риски увеличения инвестиционных затрат формируются под воздействием как внешних, слабо управляемых макроэкономических факторов (инфляция, колебания валютных курсов, нарушения глобальных цепочек поставок, рост транзакционных издержек, удорожание логистики и страхования грузов), так и внутренних особенностей организации закупочной деятельности на

инвестиционной стадии. Наиболее капиталоемкими элементами инвестиционного цикла являются этапы создания имущественного комплекса (земля, проектно-изыскательские работы, строительно-монтажные работы, приобретение и ввод в эксплуатацию технологического оборудования), реализация которых, как правило, растягивается на 6–24 месяца. В условиях устойчивого роста цен по ключевым статьям затрат, зафиксированного официальной статистикой, это обуславливает высокую вероятность существенного удорожания проектов по мере их реализации. Дополнительно риски увеличения стоимости капитальных вложений усиливаются при импорте оборудования вследствие изменения валютного курса, корректировки таможенно-тарифной политики (в том числе дифференциации ставок пошлин для недружественных стран), санкционных ограничений, роста транзакционных издержек по международным расчётам и значительного удорожания международной транспортно-логистической инфраструктуры.

Идентификация и качественный анализ финансовых рисков, оказывающих значительное влияние на устойчивость проекта на инвестиционной стадии, позволяет выявить процессы и объекты порождающие такие риски и потенциальные последствия реализации рисков событий. Результаты качественного анализа являются основой для разработки, впоследствии, плана предупреждающих и корректирующих действий (CAPA-plan), направленных на снижение рисков и уровня неопределенности при принятии управленческих решений по проекту.

Внедрение риск-ориентированного подхода в процессы планирования капитальных вложений позволяет обеспечить повышение обоснованности объема инвестиций и целесообразности участия в проекте.

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv_VSEGO_2024.xls (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.
2. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Din_inv_VSEGO_2024.xls (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.
3. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv_Fs_2000-2024.xls (дата обращения: 28.01.2026). – Текст : электронный.
4. StartupTalky. Startup Failure & Success Rates And Statistics [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://startuptalky.com/startup-failure-success-rates-statistics/> (дата обращения: 28.01.2026).
5. McKinsey & Company. How capital expenditure management can drive performance [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com>

com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/how-capital-expenditure-management-can-drive-performance (дата обращения: 28.01.2026).

6. KPMG. Global Construction Survey 2015: Climbing the Curve [Электронный ресурс]. – KPMG International, 2015. – URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/04/Global-Construction-Survey.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

7. Deloitte. Real Estate Outlook 2019. CRE Models Summary of Deloitte Research [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://www.cremodels.com/real-estate-outlook-2019-deloitte-research> (дата обращения: 28.01.2026).

8. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". Институт "Центр развития". Инвестиционная активность в России в 2020 г.: отложенный спад : доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 60 с. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/451772827.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

9. OECD. Effective Public Investment Across Levels of Government [Электронный ресурс]. – Paris : OECD Publishing, 2015. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/302/302.en.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

10. Flyvbjerg B. What You Should Know About Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. – 2014. – Vol. 45, No. 2. – P. 6–19. – URL: https://www.researchgate.net/publication/261411676_What_You_Should_Know_About_Megaprojects_and_Why_An_Overview (дата обращения: 28.01.2026).

11. Flyvbjerg B., Stewart A., Budzier A., Lunn D. The Oxford Olympics Study 2016: Cost and Cost Overrun at the Games [Электронный ресурс]. – Saïd Business School Working Papers, University of Oxford, 2016. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2804554 (дата обращения: 28.01.2026).

12. Счётная палата Российской Федерации. Отчёты о результатах и основных направлениях деятельности за 2018–2023 годы [Электронный ресурс]. – М. : Счётная палата РФ, 2019–2024. – URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 28.01.2026).

13. World Bank. Infrastructure Investment and Quality of Public Investment [Электронный ресурс]. – Washington, D. C. : World Bank, 2017. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp1137.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

14. IMF. Making Public Investment More Efficient [Электронный ресурс]. – Washington, D.C. : International Monetary Fund, 2015. – (IMF Policy Paper). – URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

15. Юзвович, Л. И., Марамыгин, М. С. и др. Инвестиции и инвестиционная деятельность : учебник / Л.И. Юзвович, М. С. Марамыгин, Е. Г. Князева, М. И. Львова, Ю. В. Куваева, М. В. Чудиновских, С. А. Дегтярев; под общ. ред. Л. И. Юзвович. - Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. – 498 с. – ISBN 978-5-7996-3082-9.

16. Российская Федерация. Законы. О финансовой аренде (лизинге) : федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ [принят Государственной думой 11 сентября 1998 года]. - Справочно-правовая система "Консультант плюс": Законодательство. Версия проф. - Текст : электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (дата обращения: 02.12.2025).

References

1. Federal State Statistics Service: official website. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv_VSEGO_2024.xls (accessed on January 28, 2026). Text: electronic.

2. Federal State Statistics Service: official website. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Din_inv_VSEGO_2024.xls (accessed on January 28, 2026). Text: electronic.

3. Federal State Statistics Service: official website. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv_Fs_2000-2024.xls (accessed on January 28, 2026). Text: electronic.

4. StartupTalky. Startup Failure & Success Rates and Statistics [Electronic resource]. - 2023. - URL: <https://startuptalky.com/startup-failure-success-rates-statistics/> (accessed on January 28, 2026).

5. McKinsey & Company. How capital expenditure management can drive performance [Electronic resource]. - 2023. - URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/how-capital-expenditure-management-can-drive-performance> (accessed January 28, 2026).

6. KPMG. Global Construction Survey 2015: Climbing the Curve [Electronic resource]. – KPMG International, 2015. – URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/04/Global-Construction-Survey.pdf> (accessed January 28, 2026).

7. Deloitte. Real Estate Outlook 2019. CRE Models Summary of Deloitte Research [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://www.cremodels.com/real-estate-outlook-2019-deloitte-research> (date of access: 28.01.2026).

8. National Research University Higher School of Economics. Development Center Institute. Investment Activity in Russia in 2020: Delayed Decline: Report for the XXII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 13–30, 2021 [Electronic resource]. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 60 p. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/451772827.pdf> (date of access: 28.01.2026).

9. OECD. Effective Public Investment Across Levels of Government [Electronic resource]. – Paris: OECD Publishing, 2015. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/302/302.en.pdf> (date accessed: 28.01.2026).
10. Flyvbjerg B. What You Should Know About Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. – 2014. – Vol. 45, No. 2. – P. 6–19. – URL: https://www.researchgate.net/publication/261411676_What_You_Should_Know_About_Megaprojects_and_Why_An_Overview (date accessed: 28.01.2026).
11. Flyvbjerg B., Stewart A., Budzier A., Lunn D. The Oxford Olympics Study 2016: Cost and Cost Overrun at the Games [Electronic resource]. – Saïd Business School Working Papers, University of Oxford, 2016. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2804554 (date of access: 28.01.2026).
12. Accounts Chamber of the Russian Federation. Reports on the results and main areas of activity for 2018–2023 [Electronic resource]. – Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation, 2019–2024. – URL: <https://ach.gov.ru> (date of access: 28.01.2026).
13. World Bank. Infrastructure Investment and Quality of Public Investment [Electronic resource]. – Washington, D. C. : World Bank, 2017. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp1137.pdf> (date accessed: 28.01.2026).
14. IMF. Making Public Investment More Efficient [Electronic resource]. – Washington, D. C. : International Monetary Fund, 2015. – (IMF Policy Paper). – URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf> (date accessed: 28.01.2026).
15. Yuzvovich, L. I., Maramygin, M. S. et al. Investments and investment activity: textbook / L. I. Yuzvovich, M. S. Maramygin, E. G. Knyazeva, M. I. Lvova, Yu. V. Kuvaeva, M. V. Chudinovskikh, S. A. Degtyarev; under the general editorship of L.I. Yuzvovich. - Ekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2021. - 498 p. - ISBN 978-5-7996-3082-9.
16. Russian Federation. Laws. On financial lease (leasing): Federal Law of 29.10.1998 No. 164-FZ [adopted by the State Duma on 11 September 1998]. - Reference and legal system "Consultant Plus": Legislation. Professional version. - Text: electronic. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (date of access: 02.12.2025).

Сведения об авторах

Д. Б. Василькова – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления Калининградского филиала Российского университета кооперации.

В. Н. Войтюк – канд. экон. наук, доцент Калининградского филиала АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации "РУК"

А. В. Томкович – канд. экон. наук ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

D. B. Vasilkova – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management, Kaliningrad Branch of the Russian University of Cooperation.

V. N. Voytyuk – PhD in Economics, Associate Professor, Kaliningrad Branch of the Central Union of Trade Unions of the Russian Federation "RUK."

A. V. Tomkovich – PhD in Economics, Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 141-160.

Baltic Economic Journal. 2026. No. 1(53). P. 141-160.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 330.332.012

doi: 10.46845/2073-3364-2026-0-1-141-160

Региональные аспекты управления рисками проектного финансирования

Елена Вячеславовна Беклемешева¹

Даяна Андреевна Ахмедова²

¹ ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

² ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта", Калининград, Россия

¹ elena.beklemesheva@klgtu.ru

² ahdayanaya@gmail.com

Аннотация. В статье выполнен обзор основных научных публикаций, посвященных проблеме проектного финансирования, выделены особенности проектного финансирования как инструмента осуществления инвестиций, проанализирована нормативная база, отраслевая и региональная структура инвестиций, выделены тенденции проектного финансирования, общие для регионов современной России. На основе экспертного опроса определены и классифицированы риски проектного финансирования, актуальные для Калининградского региона. Предложены стратегии поведения субъектов инвестиционной деятельности в контексте адаптации к ключевым рискам. В статье использован инструмент стратегического анализа - "Диаграмма Исикавы", "Карта рисков". Результаты экспертного опроса проверены на степень согласованности статистически - путем расчета коэффициента конкордации.

Ключевые слова: проектное финансирование, инвестиционный проект, инвестиционная активность, виды рисков, стратегия управления рисками

Для цитирования: Беклемешева Е. В., Ахмедова Д. А. Региональные аспекты управления рисками проектного финансирования // Балтийский экономический журнал. 2026. № 1(53). С. 141-160. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-141-160>.

FINANCE

Original article

Regional aspects of project finance risk management

Elena V. Beklemesheva¹

Dayana A. Akhmedova²

¹ INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

² FGAOU VO "IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY", Kaliningrad, Russia

¹ elena.beklemesheva@klgtu.ru

² ahdayanaya@gmail.com

Abstract. This article reviews key scientific publications on project finance, highlights the specifics of project finance as an investment tool, analyzes the regulatory framework, and the sectoral and regional structure of investments. It also identifies project finance trends common to modern Russian regions. Based on an expert survey, project finance risks relevant to the Kaliningrad region are identified and classified. Strategies for investment actors to adapt to key risks are proposed. The article utilizes strategic analysis tools — the Ishikawa diagram and the Risk Map. The expert survey results were statistically verified for consistency using the concordance coefficient.

Keywords: project financing, investment project, investment activity, types of risks, risk management strategy

For citation: Beklemesheva E. V., Akhmedova D. A. Regional aspects of project financing risk management // Baltic Economic Journal. 2026. No. 1 (53). P. 141-160. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2026-0-1-141-160>.

Инвестиции являются ключевым драйвером развития экономики страны и регионов: благодаря им происходит модернизация внутренней и внешней инфраструктуры, внедрение инноваций, обеспечение занятости населения, увеличение налоговых поступлений и, наконец, рост ВВП и ВРП. В основе инвестиционной политики лежит создание новых или модернизация действующих реальных активов, которые в будущем будут создавать высокую добавленную стоимость, способствовать решению задач социально-экономического развития и генерировать денежные потоки.

Эффективной формой инвестиционной деятельности является проектное финансирование. Его механизм реализуется с целью более успешного осуществления конкретных, четко определенных проектов, среди которых может быть приобретение нового оборудования, строительство объектов жилой и

коммерческой недвижимости, разработка нового месторождения полезных ископаемых и т. д.

Научные исследования в области проектного финансирования начали проводиться в конце XX века, однако наибольшего расцвета достигли в течение последнего десятилетия XXI столетия. Этот период ознаменовался появлением множества значимых публикаций, ставших основой для формирования понятийного аппарата и углубленного понимания самого механизма проектного финансирования. Среди наиболее заметных авторов в области проектного финансирования в нашей стране выделяют В. Ю. Катасонова, известного, прежде всего, своим фундаментальным трудом "Проектное финансирование. Зарубежный опыт и перспективы для России", в котором ученый подробно рассматривает международный опыт и оценивает его применимость в российских условиях. [7] Существенный вклад в исследование новых подходов к проектному финансированию внесла И. Н. Никонова, предложив концепцию адаптивного управления проектами. [10, 18] Практические аспекты построения эффективных систем освещены в трудах В. В. Переверзевой, В. П. Шестака, Н. В. Цехомского, Д. В. Тихомирова, Е. С. Гласовой, В. А. Плотникова, С. В. Федорова, С. И. Серова, Е. Ф. Сысоева и многих других ученых и практиков. Большая часть их работ посвящена поиску оптимальных путей вовлечения инновационного потенциала страны и регионов в процессы проектного финансирования. [11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22]

Среди специфических особенностей проектного финансирования, которые отличают его от других форм финансирования, ученые и практики выделяют следующее. Во-первых, основным фактором для получения инвестиций является привлекательность самого проекта, а не предприятия. Во-вторых, проектное финансирование имеет адресно-целевой характер. Еще одной особенностью является тот факт, что риски в проекте распределяются между участниками финансирования (спонсорами проекта), а доходы от реализации инвестиций становятся основой выплаты процентов по кредиту. [8, 17]

Систематизируя имеющуюся информацию, можно заключить, что основным принципом проектного финансирования является предоставление заемного капитала на условиях, при которых сам проект выступает одновременно в качестве залога и как источник погашения инвестиций. [23]

В настоящее время проектное финансирование является одним из возможных путей привлечения финансовых ресурсов в экономику России. В рамках долгосрочных планов развития российское правительство определило приоритетность стратегических проектов в таких секторах, как инфраструктура, энергетика и оборона. Государственные инвестиции в России финансируются в основном за счет федерального бюджета, государственных предприятий и институтов развития, таких как Внешэкономбанк (ВЭБ) и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). До недавнего времени правовая база российского законодательства в области проектного финансирования и отношений,

возникающих в процессе проектного финансирования, была недостаточно развита и не совсем отвечала международным стандартам. Однако, с 2018 года в законодательстве РФ проектное финансирование регулируется Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ "О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [1]. Применение и развитие данного закона предусмотрено в рамках Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года [2]. В соответствии с вышеуказанным законом определена схема организации синдицированного кредита через ведущий банк - Госкорпорацию Внешэкономбанк, который в свою очередь берёт на себя функции кредитного управляющего. Всё это в совокупности позволяет осуществить поддержку инвестиционных проектов с использованием инструментов проектного финансирования и синдицированного кредитования. Такая схема в законодательстве РФ определяется как "Фабрика проектного финансирования", которая используется как современный инструмент финансирования проектов в приоритетных отраслях экономики, оказывающим значительную поддержку инвестиционной активности субъектов Российской Федерации. Деятельность Фабрики курирует Минэкономразвития РФ в рамках Федерального закона от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ "О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ" при участии Министерства финансов РФ и Центрального Банка России [3].

Проведем анализ инвестиционной активности регионов-участников программы Фабрики проектного финансирования. Статистические сведения и результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Динамика объема инвестиций в основной капитал субъектов Российской Федерации за 2018-2025 гг., млрд. руб.

Table 1 - Dynamics of the volume of investments in fixed capital of the constituent entities of the Russian Federation for 2018-2025, billion rubles

Регионы	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Прирост 2024 г. к 2018 г., %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ, всего, в т.ч. регионы – участ- ники Программы "ФПФ":	17782	19329	20394	23240	28414	34039	39534	122
Забайкальский край	90	96	127	163	187	305	279	210
Хабаровский край	144	178	243	246	281	442	626	335
Приморский край	145	182	229	253	321	404	426	194
г. Москва	2485	3269	3839	4868	6047	7154	8119	227
Нижегородская область	259	295	371	384	468	664	728	181
Респ. Башкортостан	268	338	381	423	520	643	784	193
Красноярский край	422	436	480	592	752	927	1090	158
Пермский край	244	284	282	308	378	481	624	156

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Самарская область	265	294	309	387	454	523	569	115
Новосибирская область	197	247	266	331	343	391	591	200
Удмуртская Республика	97	106	120	125	144	169	224	131
Алтайский край	107	113	122	125	146	186	233	118
Магаданская область	58	41	47	75	82	90	100	72
Тульская область	155	178	138	182	212	235	273	76
Ульяновская область	83	80	82	98	107	118	143	72
Ленинградская область	511	421	405	432	567	739	1111	117

Источник: составлено авторами на основе [9] [25].

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствует об активном росте инвестиций во всех субъектах Российской Федерации, являющихся участниками Программы Фабрики проектного финансирования. За 7 лет прирост инвестиций суммарно по всем регионам-участникам составил 134 %, в то время как в целом по Российской Федерации - 122 %, а в регионах, которые не задействованы в программе (к ним относятся и Калининградская область) - лишь 93 %.

В условиях неблагоприятных изменений и нестабильности внешней среды стороны инвестиционных проектов - как инвесторы, так и реципиенты, - сталкиваются с определёнными сложностями, связанными с возникновением высоких рисков для всех участников инвестиционного процесса и отсутствием действенного механизма управления ими. Разработка данного механизма осложняется тем, что наряду с общими, характерными для всех инвестиционных проектов рисками, каждый проект имеет свои особенности, специфическую договорную и финансовую структуру и свойственными именно данному проекту отраслевыми и региональными рисками. Исходя из вышеизложенного, особую актуальность приобретает исследование региональных аспектов управления рисками проектного финансирования.

Среди основных отраслей, в которых сегодня активно развивается проектное финансирование в регионах, можно выделить энергетику, инфраструктурные проекты (строительство дорог, мостов и аэропортов), химическую промышленность, а также строительство. Особое внимание властей уделяется проектному финансированию в жилищном и общем строительстве. По мере нарастания кризиса неполной достройки и мошенничеств проводились радикальные изменения в системе долевого финансирования жилищного строительства. Так, Закон №214-ФЗ в новой редакции обязал с 1 июля 2019 г. все новые проекты жилищного строительства привлекать средства населения только через счета эскроу [24]. В таблице 2 представлены данные перехода на эскроу-финансирование в 2019-2024 гг.

Таблица 2 - Переход на эскроу-финансирование: показатели жилищного строительства в РФ в 2019-2024 гг.

Table 2 - Transition to escrow financing: housing construction indicators in the Russian Federation in 2019-2024

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Площадь строящегося жилья, тыс. м ²						
- всего	107 463	94 009	96 365	98 702	106 000	114 400
- с эскроу-счетами	26 356	48 473	73 962	87 877	101 600	111 600
- без привлечения средств граждан	12 749	5 728	3 482	2 302	1 000	490
- прочие (старые схемы)	68 358	39 808	18 921	8 523	3 500	2 300

Источник: составлено авторами на основе [25].

Безусловно, проектное финансирование – не единственный вариант привлечения средств граждан в жилищное строительство. В качестве альтернативы можно рассматривать привлечение инвестиций через жилищные кооперативы и жилищные облигации. Однако практика показывает, что такой механизм не пользуется популярностью у населения в России и не получил распространения, особенно в регионах. Это позволяет утверждать, что проектное финансирование, основанное на использовании счетов эскроу, в настоящее время является основным финансовым инструментом, удовлетворяющим требованиям всех участников рынка первичного жилищного строительства: специализированных застройщиков, уполномоченных коммерческих, банков, населения и государства.

Выделим основные тенденции проектного финансирования, общие для регионов России:

1. Государственное участие. Ключевую роль в проектах играют государственные институты развития. Программа субсидирования проектного финансирования, реализуемая ДОМ.РФ, позволила почти вдвое увеличить объемы строительства жилья в регионах с дефицитом предложения [24]. ВЭБ.РФ участвует в крупных инфраструктурных и промышленных проектах в рамках программы "Фабрика проектного финансирования". Например, одним из последних крупномасштабных проектов, предусмотренных к осуществлению с использованием механизма, является соглашение о сотрудничестве между ВЭБ.РФ и ПАО "РусГидро". В рамках данного документа предстоит реализация обширной программы по финансированию проектов по созданию и обновлению объектов энергетики на Дальнем Востоке [9].

2. Смещение фокуса на регионы. Наблюдается рост интереса к финансированию проектов за пределами столичных рынков, что способствует более равномерному развитию строительной отрасли по стране. Это особенно заметно по результатам данных, приведенных в таблице 1.

3. Отраслевая специфика. Хотя официальная статистика в основном фокусируется на жилищном строительстве, проектное финансирование также

используется в энергетике, промышленности и инфраструктурных проектах, часто с привлечением механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Для России проекты ГЧП как форма проектного финансирования имеют особое значение в секторе строительства и реконструкции объектов в сфере автомобилестроения, железнодорожного транспорта, трубопроводного транспорта, аэростроения (аэродромы и здания), электроэнергетическом комплексе, объектов здравоохранения, образования, культуры т.д. Примером эффективного взаимодействия государственного и частного секторов в рамках реализации проектов ГЧП служат проекты, реализуемые на территории Ленинградской области.

4. Зависимость от крупных банков. Основной объем финансирования в рамках программы приходится на крупнейшие системно значимые банки России, которые выступают партнерами ВЭБ.РФ в составе синдикатов. По состоянию на 2025 год ключевыми участниками являются ПАО "Сбербанк", Банк ВТБ и ПАО "Газпромбанк". [9]

Стоит отметить, что в регионах по-прежнему сохраняются общие проблемы, связанные с инвестиционным климатом, недостатком проработанных проектов, сложностью привлечения долгосрочного финансирования и зависимостью от ограниченного круга банков. В условиях калининградского региона к перечисленным добавляются ограничения, связанные с эксклавностью, которая влечет за собой дополнительные экономические и логистические риски. Сегодня влияние на регион оказывают как сложная военно-политическая обстановка вдоль границ, так и традиционная оторванность региона от остальной территории России, что обуславливает возникновение специфических, не свойственных для других региональных экономических систем, рисков. [4] В подобных условиях проектное финансирование с участием государства становится действенным рычагом сохранения и развития потенциала региональной экономики.

Проанализируем структуру инвестиционных проектов в разрезе секторов экономики Калининградской области по состоянию на 2025 год (рисунок 1). [24] Как следует из данных, представленных на рисунке 1, распределение инвестиций между 17 секторами экономики является неравномерным, с ярко выраженными лидерами и аутсайдерами по доле инвестиций, которые можно объединить в укрупненные категории по отраслям:

- недвижимость и строительство (жилые, коммерческие объекты, строительные материалы): суммарно около 13,5 %;
- инфраструктура (автодороги, мосты/путепроводы, инженерные сети, инфраструктура общая): около 36,4 %, что является самой крупной агрегированной группой;
- промышленность и АПК (машиностроение, пищевая, химическая промышленность, АПК, Добыча/переработка): суммарно около 29 %;
- социальная сфера (социальные, медицинские объекты): около 17,2 %.

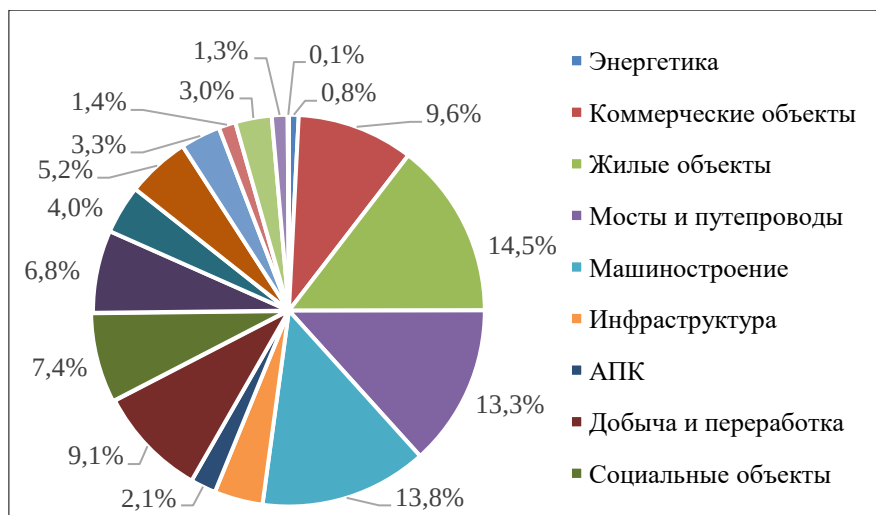

Рисунок 1 – Структура инвестиционных проектов по отраслям экономики Калининградской области в 2025 году, % [24]

Figure 1 – Structure of investment projects by economic sectors of the Kaliningrad region in 2025, % [24]

Наибольший удельный вес в общем объеме проектных инвестиций по состоянию на ноябрь 2025 года составили инвестиции в строительство жилых объектов – 14,5 %. Второе место по объему инвестиций в Калининградскую область занимают инвестиции в машиностроение – 13,8 %. На третьем месте инвестиции в строительство мостов и путепроводов – 13,3 %.

Инвестиционная активность Калининградской области в абсолютном измерении проиллюстрирована в таблице 3:

Таблица 3 - Инвестиционная активность Калининградской области по отраслям экономики за период 2024-2025 гг.

Table 3 - Investment activity of the Kaliningrad region by economic sector for the period 2024-2025

Отрасль	Объем инвестиций по состоянию на ноябрь 2024 г., руб.	Объем инвестиций по состоянию на ноябрь 2025 г., руб.	Абс. откл., руб.	Относит. откл., %
1	2	3	4	5
Энергетика	1,12 млрд.	1,64 млрд.	+525 млн.	+47
Коммерческие объекты	499,69 млрд.	524,08 млрд.	+24,39 млрд.	+4,9
Мосты и путепроводы	93,51 млрд.	115,57 млрд.	+22,06 млрд.	+23,6
Добыча и переработка	491 млн.	114,48 млрд.	+113,99 млрд.	+23216,3
Машиностроение	96,46 млрд.	156,44 млрд.	+59,98 млрд.	+62,2
Жилые объекты	163,11 млрд.	179,84 млрд.	+16,73 млрд.	+10,3
Инфраструктура	61,97 млрд.	76,32 млрд.	+14,35 млрд.	+23,2
Автодороги	34,64 млрд.	40,16 млрд.	+5,52 млрд.	+15,9
Пищевая промышленность	8,23 млрд.	20,53 млрд.	+12,3 млрд.	+149,4

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5
Переработка отходов	17,84 млрд.	18,74 млрд.	+907 млн.	+5,1
Спортивные объекты	33,44 млрд.	34,4 млрд.	+961 млн.	+2,9
Медицинские объекты	18,01 млрд.	18,46 млрд.	+442 млн.	+2,5
Инженерные сети	16,43 млрд.	25,31 млрд.	+8,88 млрд.	+54
ИТОГО	1,04 трлн.	1,33 трлн.	+281,02 млрд.	+26,9

Источник: составлено авторами на основе [24].

На фоне явной неравномерности динамики инвестиций по отраслям особенно выделяется сектор добычи и переработки полезных ископаемых, где зафиксирован рост объема инвестиций более чем на 23 216 %. Такой аномальный показатель обусловлен переходом нескольких масштабных проектов федерального значения из стадии проектирования в стадию активного капитального строительства и закупки дорогостоящего оборудования.

Неравномерное распределение объемов проектного финансирования по отраслям во многом обусловлено отраслевыми рисками, изучение и прогнозирование которых требует особого внимания в современных реалиях. Риски влияют на достижение целей проекта, его стоимость, сроки реализации и качество.

Согласно классификации Йескомба Э. Р., существует три вида рисков проектного финансирования: коммерческие или проектные; макроэкономические (финансовые); политические (страновые). [6] Методы управления рисками проектного финансирования систематизированы в работе Гласовой Е. С. и Уваровой Д. А. При управлении коммерческими рисками на различных стадиях реализации проекта предложено тщательно проводить проверку информации, определять размер и степень приемлемости рисков для проектной компании. Минимизировать макроэкономические финансовые риски, главным образом связанные с валютными операциями, колебаниями процентной ставки и инфляцией, можно путем хеджирования, тщательного прогнозирования денежных потоков и применения долгосрочных контрактов с фиксированной ценой, в том числе фьючерсов и форвардов. Особую актуальность в настоящее время приобретают политические риски. По ним также предложены меры реагирования, среди которых - использование офшорных счетов, передача рисков и их распределение между сторонами проекта, тщательная детализация условий проектных соглашений в части юридических положений. [5]

Сегодня эффективность управления рисками проектного финансирования напрямую зависит от интеграции риск-ориентированного подхода в общую стратегию социально-экономического развития страны и региона. К сожалению многие проекты реализуются с превышением бюджета, сроков и не достигают целевых параметров из-за проблем, связанных с неэффективным управлением и

контролем. [8, 14] В условиях Калининградской области эта тенденция также актуальна. Частичному решению проблемы может способствовать внедрение технологий риск-менеджмента в практику проектного финансирования. Одним из эффективных инструментов визуальной идентификации рисков является диаграмма Исикавы, основанная на поиске причинно-следственных связей. Основными достоинствами использования инструмента для систематизации рисков проектного финансирования можно назвать обнаружение факторов, которые действительно оказывают влияние на объект финансирования, наглядное представление причинно-следственных связей рисков, возможность применения эффективного распределения усилий и приоритетов в решении проблем управления ими. [16] Роль инструмента "Диаграмма Исикавы" в решении проблем управления рисками проектного финансирования представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Элементы диаграммы Исикавы в контексте управления рисками проектного финансирования

Table 4 – Elements of the Ishikawa diagram in the context of project finance risk management

Мероприятия по управлению рисками	Роль диаграммы Исикавы
1. Идентификация рисков	Помогает выявить все потенциальные угрозы проекта ("ветви" и "косточки").
2. Анализ рисков	Хорошо структурирует причины и следствия рисков проектного финансирования.
3. Оценка рисков	Позволяет приоритизировать риски на основе их детализации и потенциального влияния.
4. Минимизация рисков	Наглядно предлагает конкретные стратегии управления для каждой причины (решения - в ветвях).
5. Мониторинг и контроль	Служит базовым инструментом для отслеживания эффективности внедренных мер.

Источник: составлено авторами на основе анализа материалов [6, 27].

На рисунке 2 представлена разработанная авторами статьи диаграмма Исикавы, адаптированная к специфике рисков проектов, реализуемых на территории Калининградской области.

Построению диаграммы предшествовало проведение в ноябре 2025 года экспертного опроса по выявлению рисков, связанных со снижением эффективности и устойчивости проектного финансирования в Калининградской области. В экспертизе приняли участие 7 экспертов, среди которых были руководитель экономического подразделения, экономисты, ведущие специалисты в области бюджетирования и финансового планирования проектов ФГАОУ ВО "Балтийский федеральный университет им. И. Канта".

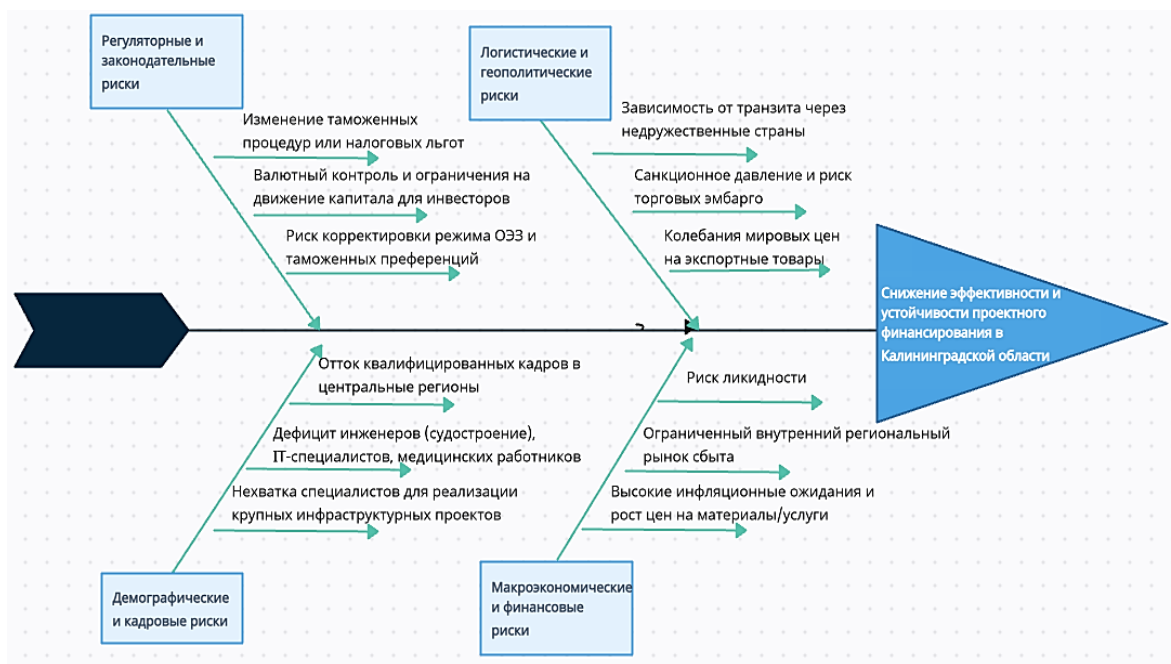

Рисунок 2 – Диаграмма Исикавы. Анализ рисков проектного финансирования в Калининградской области

Figure 2 – Ishikawa diagram. Risk analysis of project financing in the Kaliningrad region

На первом этапе с помощью "мозгового штурма" были определены наиболее актуальные и значимые риски проектного финансирования в Калининградской области:

1. риск ликвидности;
2. риск возникновения ограничений во внутреннем региональном рынке сбыта;
3. риск высоких инфляционных ожиданий и роста цен на материалы/услуги;
4. риск возникновения ограничений во внутреннем региональном рынке сбыта
5. риск возникновения узконаправленного дефицита специалистов в ключевых отраслях;
6. риск усиления (введения новых) экономических санкций и торговых эмбарго;
7. риск колебания мировых цен на экспортные товары;
8. непредсказуемость в изменении правил таможенного оформления, налогообложения и предоставления льгот;
9. риск ограничений трансграничных операций с капиталом и риск, связанный с валютными операциями;
10. риск неблагоприятной для бизнеса корректировки режима Особой экономической зоны в Калининградской области.

На следующем этапе исследования выявленные риски были оценены по 2 критериям:

1. вероятность возникновения риска в % от 0 до 100, где диапазон оценки от 0 до 19 или 1 балл означал очень низкую вероятность, от 80 до 100 или 5 баллов – очень высокую;

2. уровень ущерба в баллах от 1 до 5, где 1 – незначительная степень ущерба, 5 – катастрофическая степень ущерба.

Данные, полученные в результате опроса, приведены в таблице 5.

Таблица 5 - Результаты опроса экспертов

Table 5 - Results of the expert survey

№ риска	Оценка вероятности возникновения риска							Оценка уровня возможного ущерба/ последствий						
	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6	Э7	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6	Э7
1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	1	2	2	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1
3	5	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
4	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
5	4	4	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
7	5	5	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	5	5
8	2	2	2	1	1	2	1	2	2	1	1	1	1	1
9	4	4	4	4	5	5	5	5	5	4	2	4	4	4
10	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Важным аспектом исследования являлось определение согласованности мнений экспертов, основанное на расчете коэффициента конкордации К (формулы 1; 2).

$$d_j = \bar{S} - S_j, \quad (1)$$

где d_j - отклонение среднего j -го варианта оценки от средней совокупности оценок экспертов

$$K = \frac{12 \sum_{j=1}^n d_j^2}{m^2(n^3 - n)}, \quad (2)$$

где m – количество экспертов;

n – количество рисков. [16]

Результаты расчетов представлены в таблице 6.

Таблица 6 - Результаты экспертизы рисков проектного финансирования в Калининградской области с учетом согласованности мнений экспертов

Table 6 - Results of the examination of project financing risks in the Kaliningrad region, taking into account the consistency of expert opinions

№ риска	Оценка вероятности возникновения риска			Оценка уровня ущерба/последствий		
	Сумма оценок экспертов (R_j)	Отклонение от средней суммы ($R_j - 21$)	Квадраты отклонений суммы оценок (S_j)	Сумма оценок экспертов (R_j)	Отклонение от средней суммы ($R_j - 20,6$)	Квадраты отклонений суммы оценок (S_j)
1	8	-13	169	7	-13,6	184,96
2	9	-12	144	8	-12,6	158,76
3	34	13	169	35	14,4	207,36
4	10	-11	121	7	-13,6	184,96
5	32	11	121	35	14,4	207,36
6	35	14	196	35	14,4	207,36
7	33	12	144	35	14,4	207,36
8	11	-10	100	9	-11,6	134,56
9	31	10	100	28	7,4	54,76
10	7	-14	196	7	-13,6	184,96
Сумма	210	-	1460	206	-	1732,4
Коэффициент конкордации (K)	~0,36			~0,43		

Расчеты показывают, что значение коэффициента конкордации показывает наличие расхождений в мнениях экспертов только по первому пункту. В отношении же главной проблемы исследования мнения экспертов согласованы. Таким образом, проведенная экспертиза позволяет достоверно идентифицировать риски проектного финансирования в регионе. Наглядное представление результатов экспертизы выполнено посредством построения Карты рисков (рисунок 3).

Рисунок 3 - Карта рисков проектного финансирования в Калининградской области

Figure 3 - Map of project financing risks in the Kaliningrad region

Наиболее опасными эксперты посчитали риски, которые позиционированы ими в правом верхнем квадранте Карты: риски с условными номерами 3, 5, 6, 7 и 9.

Далее были сформулированы стратегические действия по управлению ключевыми рисками (таблица 7).

Таблица 7 - Направления совершенствования управления рисками проектного финансирования в Калининградской области

Table 7 - Directions for improving project financing risk management in the Kaliningrad region

Риск	Стратегия риск-менеджмента	Стратегические действия
3. Риск высоких инфляционных ожиданий и роста цен на материалы /услуги	Принятие / Снижение	Формирование резервов для покрытия затрат; Переход на долгосрочные контракты с фиксированной ценой (Lump Sum).
5. Риск усиления (введения новых) экономических санкций и торговых эмбарго	Избегание	Диверсификация поставщиков и рынков сбыта; Максимальное импортозамещение технологий и оборудования в проекте.
6. Риск, связанный с усилением зависимости от транзита грузов через территорию недружественных стран	Снижение	Развитие альтернативных логистических маршрутов; Строительство/аренда собственных складских мощностей для накопления запасов.
7. Риск колебания мировых цен на экспортные товары	Передача	Хеджирование рисков посредством финансовых инструментов
9. Риск ограничений трансграничных операций с капиталом/риск, связанный с валютными операциями	Принятие / Снижение	Проведение платежей через банки, не находящиеся под санкциями, или через альтернативные платежные системы; Реструктуризация проектного финансирования исключительно в национальной валюте.

Источник: составлено авторами на основе [26].

Проведенное исследование позволило не только выделить основные виды рисков, актуальные для регионального проектного финансирования, но и разработать адаптивные стратегии поведения сторон-участников. Результаты исследования могут найти применение в практической плоскости при проведении обоснованного выбора региональных проектов для выделения финансирования.

Список источников

1. О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2017 г. № 486-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1., ч. 1. Ст. 70.
2. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030: распоряжение

Правительства РФ от 02 июня 2016 г. № 1083-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

3. О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ": федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.

4. Беклемешева Е. В. Региональный взгляд на перспективы развития промышленности Калининградской области в новых условиях // Балтийский экономический журнал. 2024. № 4(48). С. 6-18. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-4-6-18>.

5. Гласова Е. С., Уварова Д. А. Риски проектного финансирования и методы управления ими // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – №. 3 (11).

6. Йескомб Э. Р. Принципы проектного финансирования / Э. Р. Йескомб // ООО "Альпина Паблишер", 2015. – 408 с.

7. Катасонов В. Ю. Проектное финансирование: мировой опыт и перспективы для России / В. Ю. Катасонов, Д. С. Морозов, М. В. Петров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Анкил, 2001. – 308 с. – ISBN 5-86476-168-0.

8. Клейменова А. В. Ключевые особенности проектного финансирования / А. В. Клейменова // European Science Review. - 2014. - № 3-4. - С. 205-209. - EDN SIFKCV.

9. Клишина М. А. "Фабрика проектного финансирования" как инструмент повышения инвестиционной активности субъектов Российской Федерации // М. А. Клишина, О. В. Манусаджян, Е. В. Михина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 8-3. – С. 397-404. [Электронный ресурс]. URL:<http://elib.fa.ru/art2024/bv722.pdf>.

10. Никонова И. А., Смирнов А. Л. Проектное финансирование в России. Проблемы и направления развития. - М.: Издательство "Консалтибанк", 2016 – 216 с.

11. Переверзева В. В. Эффективная система проектного финансирования: принципы и практика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-sistema-proektnogo-finansirovaniya-printsipy-i-praktika> (дата обращения: 11.02.2026).

12. Переверзева В. В. Проектное финансирование как инструмент кредитования региональных проектов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. №2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-finansirovanie-kak-instrument-kreditovaniya-regionalnyh-proektov> (дата обращения: 11.02.2026).

13. Плотников В. А., Сущева Н. В. Ответственное финансирование и корпоративное управление Архитектура финансов: устойчивое развитие и ответственное финансирование в эпоху глобальных изменений: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции 15–17 ноября 2022 г. / под науч. ред. И. А. Максимцева, Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 614 с. с. 131-137.

14. Сбитнев С. Н., Гришина П. Ю. Интерпретация критериев оценки системы управления рисками и оцениваемых параметров системы внутреннего контроля для промышленного предприятия // Балтийский экономический журнал. – 2025. № 3(51). С. 37-52. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-3-37-52>.

15. Серов С. И. Особенности проектного финансирования в России: проблемы и перспективы / С. И. Серов // Вестник Евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 5. – URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN522.pdf> (дата обращения: 16.12.2025).

16. Стороженко Я. А. Сущность метода Исикавы и пример анализа рисков на его основании / Я. А. Стороженко // Инновации в здоровье нации: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2018 года / Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет. - СПб.: ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2018. - С. 352–355.

17. Сысоева Е. Ф., & Казакевич А. И. (2025). Эволюция, сущность и последствия проектного финансирования. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление, (1), 69–83. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.1/12873>.

18. Федотова М. А. Проектное финансирование и анализ: учебник для вузов / М. А. Федотова, И. А. Никонова, Н. А. Лысова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 144 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-09860-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/583386> (дата обращения: 11.02.2026).

19. Федорова С. В., Федоров К. И. Современные практики и перспективы ответственного инвестирования // Известия СПбГЭУ. 2023. №3-1 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-praktiki-i-perspektivy-otvetstvennogo-investirovaniya> (дата обращения: 11.02.2026).

20. Цехомский Н. В., Тихомиров Д. В. Значимые инвестиционные проекты: общие проблемы реализации и привлечение частных средств // М.: Журнал "Бизнес. Общество. Власть" (онлайн-издание НИУ ВШЭ). 2021. № 42. С. 158–167.

21. Цехомский Н. В., Тихомиров Д. В. Стимулирование реализации долгосрочных инвестиционных проектов в России: опыт Фабрики проектного финансирования / Архитектура финансов: устойчивое развитие и ответственное финансирование в эпоху глобальных изменений: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции 15–17 ноября 2022 г. / под науч. ред. И. А. Максимцева, Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 614 с. С. 63-67.

22. Цехомский Н. В., Тихомиров Д. В. Инвестиционный анализ в проектном финансировании. - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. - 307 с.

23. Цехомский Н. В. Риски проектного финансирования: понятие и подходы к управлению / Н. В. Цехомский // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. СПб. Изд-во СПбГЭУ – 2023. – №1 (55).

24. Инвестиционные проекты России и СНГ – Цифровая платформа / Обзор инвестиций в Калининградскую область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investprojects.info/districts/kaliningradskaya-oblast> (дата обращения: 10.11.2025)

25. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 10.12.2025).

26. Стратегия управления рисками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://finacademy.net/materials/article/strategiya-upravleniya-riskami/>.

27. Яндекс Практикум / Диаграмма Исикавы: что это, где используется - как построить диаграмму рыбья кость, инструменты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-diagramma-isikavy/> (дата обращения: 10.11.2025).

References

1. On syndicated loans (borrowings) and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.12.2017 No. 486-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 1, Part 1. Art. 70.

2. On approval of the Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation through 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 02 June 2016 No. 1083-r // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 24. Art. 3549.

3. On the State Development Corporation "VEB.RF": Federal Law of 17 May 2007 No. 82-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 22. Art. 2562.

4. Beklemisheva E. V. Regional View of Industrial Development Prospects in the Kaliningrad Region under New Conditions // Baltic Economic Journal. 2024. No. 4 (48). Pp. 6-18. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-4-6-18>.

5. Glasova E. S., Uvarova D. A. Project Financing Risks and Management Methods // Business Education in the Knowledge Economy. - 2018. - No. 3 (11).

6. Yescomb E. R. Principles of Project Financing / E. R. Yescomb // Alpina Publisher LLC, 2015. - 408 p.

7. Katasonov V. Yu. Project financing: global experience and prospects for Russia / V. Yu. Katasonov, D. S. Morozov, M. V. Petrov. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Ankil, 2001. - 308 p. - ISBN 5-86476-168-0.

8. Kleymenova A. V. Key features of project financing / A. V. Kleymenova // European Science Review. - 2014. - No. 3-4. - Pp. 205-209. - EDN SIFKCV.

9. Klishina M. A. "Project financing factory" as a tool for increasing investment activity of constituent entities of the Russian Federation // M. A. Klishina, O. V. Manusadzhyan, E. V. Mikhina // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2024. - No. 8-3. – P. 397-404. [Electronic resource]. URL: <http://elib.fa.ru/art2024/bv722.pdf>.

10. Nikonova I. A., Smirnov, A. L. Project financing in Russia. Problems and directions of development. - M.: Publishing house "Consultbankir", 2016 - 216 p.

11. Pereverzeva V. V. An effective system of project financing: principles and practice // News of the Saratov University, Nov. series. Series: Economics. Management. Law. 2018. No.2.URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-sistema-proektnogo-finansirovaniya-printsipy-i-praktika> (accessed: 11.02.2026).

12. Pereverzeva V. V. Project financing as a tool for lending to regional projects // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2018. No. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-finansirovanie-kak-instrument-kreditovaniya-regionalnyh-proektov> (accessed: 11.02.2026).

13. Plotnikov V. A., Sushcheva N. V. Responsible financing and corporate governance. Architecture of finance: sustainable development and responsible financing in the era of global changes: collection of materials from the XII International scientific and practical conference, November 15–17, 2022 / edited by I. A. Maksimtsev, E. A. Gorbashko, V. G. Shubaeva. – SPb.: Publishing house of SPbGEU, 2022. – 614 p. pp. 131-137.

14. Sbitnev S. N., Grishina P. Yu. Interpretation of criteria for assessing the risk management system and the estimated parameters of the internal control system for an industrial enterprise // Baltic Economic Journal. – 2025. No. 3 (51). P. 37-52. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-3-37-52>

15. Serov S. I. Features of project financing in Russia: problems and prospects / S. I. Serov // Bulletin of Eurasian Science. – 2022. – T 14. – No. 5. – URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN522.pdf> (date accessed: 16.12.2025).

16. Storozhenko Ya. A. The essence of the Ishikawa method and an example of risk analysis based on it / Ya. A. Storozhenko // Innovations in the health of the nation: collection of materials from the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, November 14–15, 2018 / St. Petersburg State Chemical-Pharmaceutical University. -SPb.: FGBOU VO "St. Petersburg State Chemical-Pharmaceutical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2018. - pp. 352–355.

17. Sysoeva E. F., & Kazakevich A. I. (2025). Evolution, essence and consequences of project financing. Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management, (1), 69–83. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.1/12873>.

18. Fedotova M. A. Project financing and analysis: a textbook for universities / M. A. Fedotova, I. A. Nikonova, N. A. Lysova. - Moscow: URAYT Publishing House, 2026. - 144 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-09860-0. - Text: electronic // URAYT Educational Platform [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/583386> (accessed: 11.02.2026).
19. Fedorova S. V., Fedorov K. I. Modern practices and prospects of responsible investment // Izvestiya SPbGEU. 2023. No. 3-1 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-praktiki-i-perspektivy-otvetstvennogo-investirovaniya> (date of access: 11.02.2026).
20. Tsekhomsky N. V., Tikhomirov D. V. Significant investment projects: general problems of implementation and attraction.
21. Tsekhomskiy N. V., Tikhomirov D. V. Stimulating the Implementation of Long-Term Investment Projects in Russia: The Experience of the Project Finance Factory / Architecture of Finance: Sustainable Development and Responsible Financing in the Era of Global Change: Collection of Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, November 15–17, 2022 / edited by I. A. Maksimtsev, E. A. Gorbashko, V. G. Shubaeva. – St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2022. – 614 p. Pp. 63-67.
22. Tsekhomskiy N. V., Tikhomirov D. V. Investment Analysis in Project Financing. – St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2022. – 307 p.
23. Tsekhomskiy N. V. Project Financing Risks: Concept and Management Approaches / N. V. Tsekhomsky // Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology. St. Petersburg. SPbGEU Publishing House – 2023. – No. 1 (55).
24. Investment Projects of Russia and the CIS – Digital Platform / Review of Investments in the Kaliningrad Region [Electronic resource]. – Access mode: <https://investprojects.info/districts/kaliningradskaya-oblast> (accessed: 10.11.2025)
25. Federal State Statistics Service. Official Website// [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (accessed: 10.12.2025).
26. Risk Management Strategy [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://finacademy.net/materials/article/strategiya-upravleniya-riskami/>.
27. Yandex Practicum / Ishikawa Diagram: What it is, where it is used - how to construct a fishbone diagram, tools [Electronic resource]. – Access mode: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-diagramma-isikavy/> (date of access: 10.11.2025)

Информация об авторах

Е. В. Беклемешева - канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ"

Д. А. Ахмедова - магистрант ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта"

Information about the authors

E. V. Beklemesheva - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of management INOTEKU Kaliningrad State Technical University

D. A. Akhmedova - master's student at the Immanuel Kant Baltic Federal University

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"

К публикации принимаются авторские материалы, удовлетворяющие следующим требованиям.

В редакцию журнала должны быть направлены в электронном виде авторский оригинал статьи на русском языке; заголовок статьи на русском и английском языках; краткая аннотация статьи на русском и английском языках, раскрывающая постановку задачи и основные полученные результаты и выводы, объем – не менее 10 строк; список источников на русском и английском языках; сведения об авторах на русском и английском языках, включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, место работы, должность, E-mail, адрес.

Объем авторского оригинала статьи должен быть 8-16 страниц компьютерного текста формата А4, напечатанного через интервал множитель 1,1; шрифт Times New Roman; размер шрифта (кегель) – 13, абзацный отступ 1,25; поля – 2,5 см со всех сторон.

Все рисунки и таблицы должны иметь заголовок на русском и английском языках и упоминаться в тексте в виде ссылок. Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки и таблицы.

Таблицы набираются тем же шрифтом, что и основной текст, но меньшего размера (кегель 12, если много данных, допускает кегль 9). Если цифровые данные в таблице выражены в одной единице, ее наименование приводится в заголовке таблицы через запятую (масса, кг; длина, см). Если же эти данные выражены в разных единицах, их указывают в заголовке каждой графы.

Таблицы слева, справа и снизу, как правило, ограничиваются линиями. Головка таблицы должна быть отделена линией от остальной части таблицы. Если цифровые данные в некоторых графах таблицы не приводятся, то в графе ставится прочерк.

В качестве иллюстративного материала можно использовать графики. Оси абсцисс и ординат графика должны иметь условные обозначения и размерность применяемых величин. Иллюстрации следует располагать так, чтобы их было удобно рассматривать без поворота работы или с поворотом по часовой стрелке.

Статья должна иметь УДК, список использованной литературы не менее 10 названий (оформляется строго по ГОСТ 7.0.5-2011), ее заглавие должно быть кратким и адекватным содержанию. На все источники должны быть ссылки в тексте по мере упоминания. В список источников рекомендуется включать ссылки на статьи по соответствующей тематике, ранее опубликованные в "Балтийском экономическом журнале".

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья

УДК 347.736

doi: (далее вписывает редакция)

Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке

Иван Иванович Иванов

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

ivan.ivanov@klgtu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные направления возрастающего влияния информационной экономики и информационных технологий на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке ... (не менее 10 строк).

Ключевые слова: доля рынка, гибкость предприятия, предприятия с признаками виртуальности, конкуренция, конкурентоспособность

Для цитирования: Иванов И. И. Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке // Балтийский экономический журнал (далее вписывает редакция)

Original article

Ecology and regional energy conservation policy

Ivan I. Ivanov

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

ivan.ivanov@klgtu.ru

Abstract. In this article the author regarded the basic directions of ongoing influence of information economy and information technologies upon the appearance of new possibilities for market share expansion ... (не менее 10 строк).

Keywords: market share, enterprise flexibility, enterprises with the properties of virtuality, competition, competitiveness

For citation: Ivanov I. I. The influence of information economy upon the appearance of new possibilities for market share expansion // (далее вписывает редакция).

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторе

И. И. Иванов – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук

Information about the author

I. I. Ivanov – Doctor of Science (Economy), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию __._____.2025; одобрена после рецензирования __._____.2025; принята к публикации __._____.2025 (дату вписывает редакция)

The article was submitted __._____.2025; approved after reviewing __._____.2025; accepted for publication __._____.2025. (дату вписывает редакция)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1 – Расчет вероятности банкротства ПАО "Транснефть" в 2018–2020 гг. по методике В. Ю. Жданова

Table 11 – Calculation of the probability of bankruptcy of Transneft in 2018-2020 according to the method of V. Yu. Zhdanov

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение	Темп прироста, %
Коэффициент рентабельности оборотных активов (X_1)	0,05	0,3	0,23	0,18	360
Коэффициент самофинансирования (X_2)	4,47	4,92	6,64	2,17	48,55
X_3	3,53	3,27	2,74	-0,79	-22,38
Коэффициент оборачиваемости активов (X_4)	0,91	0,93	0,08	-0,83	-91,21
Коэффициент текущей ликвидности (X_5)	0,8	0,89	0,82	0,02	2,50
Количественная оценка	0,19	0,29	0,21	0,02	10,53

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ РИСУНКА

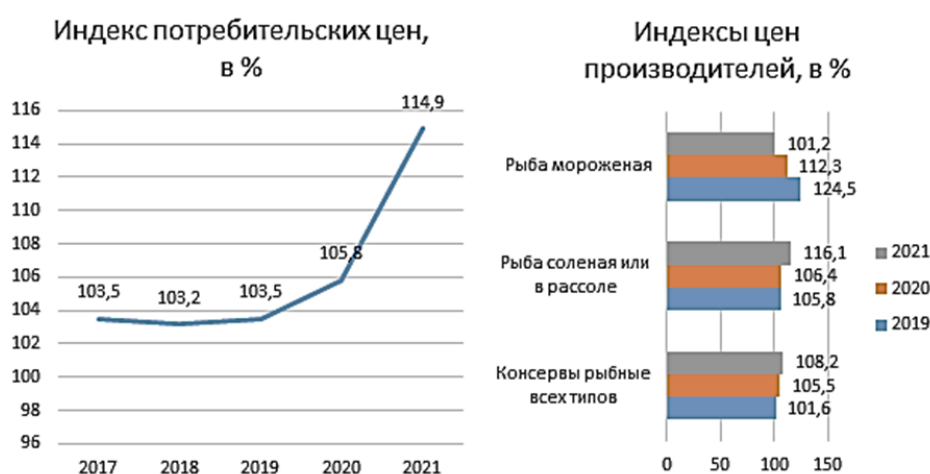

Рисунок 5 – Динамика изменения цен на рыбную продукцию (на конец месяца, декабрь к декабрю), составлено по материалам [6]

Figure 5 – Dynamics of changes in prices for fish products (at the end of the month, December to December)

Статьи, подготовленные аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются при наличии сведений о научном руководителе и его письменной рекомендации по публикации статьи.

Авторские материалы, представленные с нарушением указанных требований, к публикации не принимаются.

Присланные статьи обязательно должны иметь рецензии, заключение экспертной комиссии о возможности публикации статьи в открытой печати. Публикуются при их рекомендации к публикации редакционной коллегией "Балтийского экономического журнала".

Публикация статей в "Балтийском экономическом журнале" осуществляется бесплатно. Авторские экземпляры либо высылаются по электронной почте, либо автор получает их по подписке.

Материалы направляются по адресу: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1. E-mail: anatolij.karlov@klgtu.ru

Справки по телефону: (4012) 69-01-01.

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Научно-практический журнал
№ 1(53) март 2026 г.**

Издательство ФГБОУ ВО "КГТУ"
236022, г. Калининград, Советский проспект, 1
Свид. о регистрации ПИ № ФС 77 – 87656 от 09.07.2024 г.
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО "КГТУ"
236022, г. Калининград, Советский проспект, 1
Подписано в печать 25.02.2026. Выход в свет 12.03.2026. Формат 60 x 90/8.
Печ. л. 20,6. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 500 экз. Заказ №6.